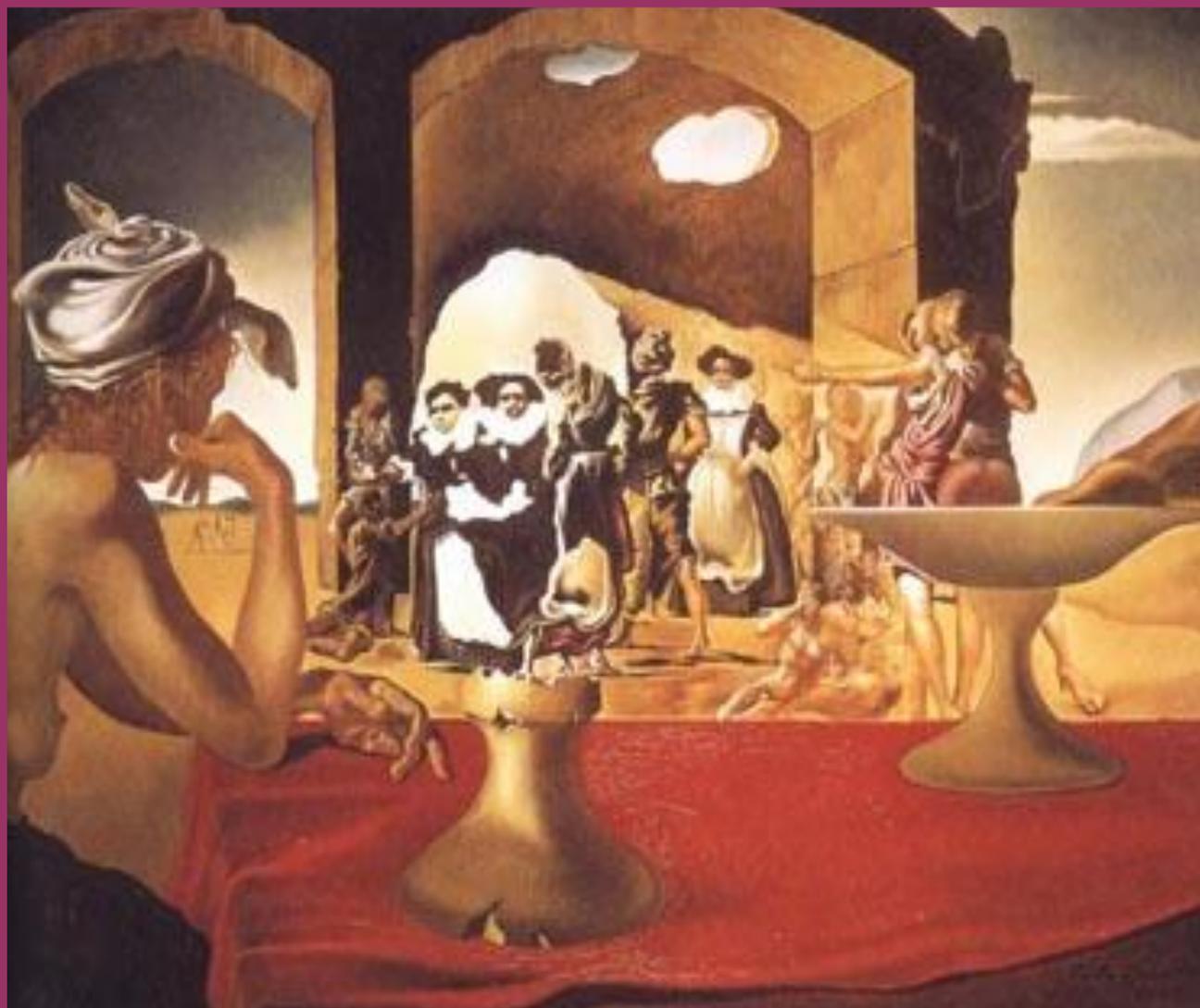

DIXI
2011

ИДЕИ
ГИПОТЕЗЫ
ОТКРЫТИЯ
В СОЦИАЛЬНО-
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ

Сборник научных трудов «DIXI – 2011» продолжает серию сборников (см. «DIXI – 2010»), составленных из трудов, написанных исследователями, работающими в системе высшего образования, научные интересы которых охватывают самый широкий спектр социально-гуманитарного знания. Сборник включает статьи по Отечественной истории, философии, культурологии, социологии, политологии и психологии. Предназначен для преподавателей вузов и колледжей, аспирантов, студентов, а также всех, интересующихся социально-гуманитарными проблемами современного общества.

Министерство образования и науки Российской Федерации
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Хабаровская государственная академия экономики и права»

DIXI – 2011:
ИДЕИ, ГИПОТЕЗЫ, ОТКРЫТИЯ
В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Сборник научных трудов

Выпуск 2

Хабаровск 2011

ББК Ч 48
Х 12

DIXI – 2011 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях : сборник научных трудов : выпуск 2 / под науч. ред. д-ра социолог. наук А. Ю. Завалишина. – Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2011. – 216 с.

ISBN 978-5-7823-0545-1

Коллектив авторов:

Бакшеева Елена Борисовна, канд. ист. наук;
Варфалви Лариса Владимировна, канд. филос. наук;
Гончарова Светлана Владимировна, канд. ист. наук;
Завалишин Андрей Юрьевич, д-р социолог. наук;
Конобеев Геннадий Михайлович, канд. филос. наук;
Ламашева Юлия Александровна, аспирант;
Потапчук Елена Юрьевна, канд. культурологии;
Потапчук Владимир Иосифович, канд. филос. наук;
Ревич Илья Михайлович, д-р филос. наук;
Скрабневская Елена Серафимовна, канд. ист. наук;
Смоляков Владимир Александрович, д-р полит. наук;
Степанова Надежда Юрьевна, канд. филос. наук;
Тонконог Светлана Владимировна, аспирант;
Фёдорова Валентина Руфовна, канд. психолог. наук.

Рецензенты: кафедра социологии, политологии и регионоведения
ГОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет»
С. В. Бобышев, д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права
ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет
путей сообщения»

Сборник научных статей включает результаты научных изысканий, сделанных преподавателями дисциплин социально-гуманитарного цикла и аспирантами ГОУ ВПО «Хабаровская государственная академия и права» в области истории, философии, культурологии, социологии, политологии и психологии. Предназначен для учёных, преподавателей вузов и колледжей, аспирантов, студентов высших учебных заведений, интересующихся социальными и гуманитарными проблемами современного общества.

ISBN 978-5-7823-0545-1

© Коллектив авторов, 2011

© Хабаровская государственная академия экономики и права, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

(от редактора)

Сборник научных трудов «DIXI-2011» продолжает серию сборников DIXI¹, составленных из статей, написанных исследователями, работающими в системе высшего образования, научные интересы которых охватывают самый широкий спектр социально-гуманитарного знания. Сборник включает статьи по Отечественной истории и, в том числе, истории Дальнего Востока России, философии, культурологии, социологии, политологии и психологии. Предназначен для преподавателей вузов и колледжей, аспирантов, студентов, а также всех, интересующихся социально-гуманитарными проблемами современного общества.

Первую часть сборника открывает статья кандидата исторических наук, доцента **Елены Борисовны Бакшеевой** «Русская православная церковь в 1954 – 1958 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (на примере Дальнего Востока РСФСР)», в которой она продолжает анализировать динамику государственно-церковных отношений, предпринятую ей в первом выпуске сборника², акцентирует внимание на изменении государственной политики в отношении Русской православной церкви после прихода к власти в стране Н. С. Хрущёва. Особый акцент делает на ситуации, сложившейся в отношениях между государством и церковью на Дальнем Востоке РСФСР.

Светлана Владимировна Гончарова, кандидат исторических наук, доцент, в статье «Из истории транспортного сообщения в Приохотье (XVII – XX века)» рассказывает об организации транспортного сообщения в Приохотье, связанных с этим трудностях и достижениях. Большое место в работе уделено личности Сергея Афанасьевича Херсонского – одного из видных чиновников России XIX века, посвятившего служению Дальневосточной земле значительную часть своей жизни и внёсшего немалый вклад в социально-экономическое развитие этой территории.

Елена Серафимовна Скрабневская, кандидат исторических наук, доцент, в статье «Разработка и реализация городской реформы в России (XIX век)» представляет историко-правовой анализ разработки юридических основ местного самоуправления в Российской империи. Особое внимание автор уделяет динамике взаимоотношений и разделению полномочий между органами местного самоуправления и представительными структурами царской администрации. Акту-

---

¹ См.: DIXI-2010: идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях: сб. науч. трудов / под науч. ред. канд. ист. наук А. Ю. Завалишина. Хабаровск, 2010.

² См.: Бакшеева Е. Б. Русская православная церковь на Дальнем Востоке РСФСР: история взаимоотношений с государством и обществом (1946 – 1951 гг.) // DIXI-2010... С. 7 – 25.

альность данного исследования во многом связана с необходимостью развития современной системы местного самоуправления в России, которая пока далека от совершенства. В этом плане изучение аналогичного опыта в России XIX века имеет не только сугубо научный, но и практический интерес.

Вторая часть сборника открывается статьёй **Ларисы Владимировны Варфалви**, кандидата философских наук, доцента «*Американская гегемония и “Новый мировой порядок”*», в которой автор анализирует феномен американской гегемонии и подлинный смысл доктрины «Нового мирового порядка», которая приобретает в последние годы всё большее число сторонников. По мнению автора, это может привести к полной аморализации современного мирового сообщества.

Геннадий Михайлович Конобеев, кандидат философских наук, доцент, в статье «*Духовное здоровье и тайны российской власти*» продолжает философский дискурс, начатый им в первом выпуске DIXI-2010¹. Автор анализирует дихотомию «биофилия» – «некрофилия» применительно к русской ментальности и российской власти, показывает некрофильскую природу старой советской номенклатуры и новой российской элиты, предлагает пути преодоления этого, в целом, негативного явления.

Елена Юрьевна Потанчук, кандидат культурологии, доцент, и **Владимир Иосифович Потанчук**, кандидат философских наук, доцент, в совместной статье «*Модернизация на Дальнем Востоке России: философско-методологические и социально-политические аспекты*» акцентируют внимание на проблеме модернизационного развития России и Дальнего Востока, в частности. По их мнению, предлагаемая современной России модернизация ассоциируется, преимущественно, с обновлением и переоснащением всех сфер общественной деятельности, разработкой и внедрением инновационных технологий, в то время как она имеет несколько взаимосвязанных между собой аспектов: экономический, политический, социальный и культурный. Без их учёта, по мнению авторов, реальное достижение целей модернизации невозможно.

Илья Михайлович Ревич, доктор философских наук, профессор, в статье «*О дивергенции человеческой субъективности (сотериологический аспект)*» обращает внимание читателей на проблему человека в философско-антропологической версии. По мнению автора, центральная проблема современного человека состоит в том, что для «избежания» самоуничтожения, ему необходимо непрерывно удерживать в сознании целостный экзистенциально-креативный континуум субъективности как разума, веры, эстетизиса и морали, то есть, того, что из-

---

¹ См.: Конобеев Г. М. Духовный труд личности: феномен, содержание, направленность // DIXI-2010... С. 58 – 90.

вестный философ М. Мамардашвили назвал «экзистенциальной сотериологией» (учением о личном спасении через непрерывное удержание мысли).

Надежда Юрьевна Степанова, кандидат философских наук, старший преподаватель, в статье *«Тело феноменальное и вопрос о самовыражении в танце»* представляет оригинальную концепцию танца как телесной формы бытия человека в культуре. Танец, по её мнению, является одной из значимых форм психической интеграции человечества и стратегией «сотворения» здорового мира личности.

Третью часть сборника открывает статья **Андрея Юрьевича Завалишина**, доктора социологических наук, доцента, *«Любовь социальная и психологическая (опыт концептуального анализа)»*. Статья посвящена социологическому исследованию любви как социального института. По мнению автора, любовь оказывает существенное влияние не только на межличностные, но и межгрупповые и общесоциальные отношения. Она является важнейшим социальным институтом, обеспечивающим самосохранение общества.

Тот же автор совместно с **Валентиной Руфовой Фёдоровой**, кандидатом психологических наук, доцентом, в статье *«Социальная любовь глазами 18 – 20-ти летних (некоторые итоги пилотажного социологического исследования)»* представляют результаты верификации теоретических конструктов, изложенных в предыдущей статье, полученные в ходе эмпирического социологического исследования, проведённого ими в апреле – мае 2003 г. и марте-апреле 2004 г. в Хабаровской государственной академии экономики и права. Авторы попытались найти ответы на вопросы: 1) какой видится любовь глазами современной молодёжи; 2) какие архетипы любви определяют её проявления в современной России; 3) взаимосвязаны ли, и если взаимосвязаны, то как различные типы любви и, прежде всего, любовь психологическая и любовь социальная; 4) какие проблемы испытывают молодые люди, пытающиеся строить любовное отношение к кому или чему-либо?

Тот же автор в статье *«Россия, США, Китай: динамика 2-й половины XX века – перспективы в XXI век (опыт компаративного экономико-социологического анализа)»* излагает основные положения теории территориального социально-экономического поведения, концептуализирует его базовые формы. На основании данной теории производит сравнительный анализ динамики социально-экономического развития США, России и Китая на протяжении 2-й половины XX века. Высказывает научно обоснованный прогноз относительно дальнейшей социально-экономической эволюции этих государств в текущем столетии.

Юлия Александровна Ламашева, аспирант, в статье *«Сравнительный анализ культурных факторов формирования транснациональной идентичности»*

стран Скандинавии и Северо-Восточной Азии» отмечает, что для развития процесса международного сотрудничества с потенциалом перехода в региональную интеграцию необходимо формирование транснациональной идентичности между народами стран региона. Ценности, лежащие в основе культуры каждого из этих народов, оказывают значительное влияние на формирование региональной идентичности, что показано на примере стран Северной Европы, где сотрудничество на основе скандинавской идентичности развивается уже в течение длительного времени, и стран Северо-Восточной Азии, которые используют модель сотрудничества без образования регионального сообщества.

Владимир Александрович Смоляков, доктор политических наук, профессор, в статье *«Тайваньская проблема: взаимодействие внутренних и международных факторов»* продолжает политологический дискурс относительно характера и динамики политических режимов стран Северо-Восточной Азии¹, рассматривая их на примере диалога между материковым (КНР) и островным (Тайвань, Китайская Республика) Китаем. Автор обосновывает точку зрения, что в отношениях между Тайбэем и Пекином усиливаются тенденции, сближающие политико-экономические системы двух государств. В перспективе это может привести к их слиянию в единое государство. Но процесс объединения находится ещё в самом начале.

Светлана Владимировна Тонконог, аспирант, в статье *«Образовательное поведение как предмет социологического исследования»* рассматривает теоретико-методологические основания институционального, структурно-функционального и деятельностного подходов в социологии образования, особенности их привлечения к анализу образовательного поведения молодёжи. Автор обосновывает необходимость и достаточность использования данных подходов для изучения образовательного поведения выпускников школ, делающих профессиональный выбор и определяющих перспективы своего дальнейшего обучения.

Валентина Руфовна Фёдорова, кандидат психологических наук, доцент, в статье *«Психология поощрения в российском управлении»* обращается к такому значимому инструменту руководящего воздействия на коллектив, как поощрение. Особое место в работе отведено анализу одной из форм поощрения – комплименту, который, к сожалению, редко используется в отношениях «начальник – подчинённый». По мнению автора, умение руководителя делать своим подчинённым комплименты, стимулирующие их на бóльшую отдачу в работе, свидетельствует об овладении высоким искусством управления.

---

¹ См.: Смоляков В. А. Особенности политических систем Восточной Азии (предпосылки и проблемы демократизации) // DIXI-2010... С. 174 – 203.

Часть I**История***Е. Б. Бакшеева***РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В 1954 – 1958 гг.:
ВНУТРИЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ
С ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ
(на примере Дальнего Востока РСФСР)**

Формирование временной неустойчивой коалиции из важнейших политических фигур, последовавшее за смертью главы государства И. В. Сталина в 1953 г., хронологически совпало с окончанием восстановительных процессов в экономике СССР, преодолением отставания от США в развитии ядерных технологий и становлением блока социалистических государств. Изменение геополитической обстановки и первые проявления кризиса сталинской модели социализма (в сельском хозяйстве, отсутствие механизмов преемственности власти и так далее) явились основанием для трансформации административно-командного политического режима в соответствии с новыми жизненными реалиями. Ставка была сделана на применение мер, способных придать популярность новой власти: демократизацию общества, смягчение политического режима, облегчение условий жизни населения¹.

За реализацию намеченных задач взялся Н. С. Хрущёв, избранный в сентябре 1953 г. первым секретарём ЦК КПСС. Политические шаги, направленные на восстановление социалистической законности, очищение партии и общества от идеологии и практики государственного террора затронули многих людей, в том числе священнослужителей русской православной церкви. Однако, вопреки надеждам верующих граждан на либерализацию жизни общества, в том числе государственно-церковных отношений, был взят курс на ужесточение антирелигиозных мер, вылившийся в 1958 – 1964 гг. в так называемые «хрущёвские гоне-

---

¹ Дриленко В. В. Перемены в государственной молодёжной политике в период перехода к пост-сталинской модели развития (на примере Дальневосточного региона) // Материалы 55 научной конференции преподавателей и аспирантов ДВГГУ. Секция «Актуальные проблемы истории Дальнего Востока России». Хабаровск, 2009. С. 20.

ния». Количество храмов и молитвенных домов в этот период в СССР сократилось с 13 414 до 7 551, монастырей – с 56 до 16¹.

Предвестником гонений на церковь явилось Постановление ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения». В документе отмечалось, что неудовлетворительное осуществление руководства научно-атеистической пропагандой среди населения многими партийными организациями привело к оживлению деятельности Православной церкви и различных религиозных сект, которые «значительно, укрепили кадры и, гибко приспособившись к современным условиям, усиленно распространяют религиозную идеологию». Постановление ориентировало на усиление научно-атеистической пропаганды и призывало «решительно покончить с пассивностью в отношении к религии, разоблачать её реакционную сущность и вред, который она приносит, отвлекая часть граждан страны от сознательного и активного участия в коммунистическом строительстве»².

Местные органы власти, руководствуясь положениями документа, стали использовать администрирование и давление на религиозные общества и священнослужителей. Так, в Ростовской области был запрещён ремонт церквей, в Чкаловской – совершение треб и богослужений, в Ленинграде стали увольнять с работы лиц, посещавших храмы, участников хоров, членов исполнительных церковных органов. Кроме того, в Великолукской и Брестской областях имели место попытки закрытия церквей, в Тамбовской – слом церковных зданий. В русле начатой кампании в ряде местных газет публиковались фамилии граждан, посещавших церкви, лекторы в своих выступлениях допускали оскорбительные выпады против верующих и духовенства³.

Помимо притеснений и администрирования, прибегали и к финансовому давлению. Так, сославшись на неуплату налогов, закрыли и опечатали церковь в селе Череватицы Кобринского района Брестской области. В некоторых областях уполномоченные Совета по дела Русской православной церкви (далее – Совета), наделённые правом регистрации священнослужителей, запрещали архиереям назначать в приходы священников из других территорий. Таким образом, вместо усиления научно-атеистической пропаганды «вдумчивыми методами», использовать которые призывало июльское (1954 г.) постановление ЦК КПСС,

---

¹ Одинцов М.И. Государство и церковь в России. XX век. М., 1994. С. 124; Гераськин Ю.В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е гг. XX в.). Рязань, 2007. С. 129.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 6. М., 1971. С. 502 – 505.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1113. Л. 96.

местные власти прибегли к проверенным методам запретов и администрирования, характерных для конца 1920-х – 1930-х годов.

При этом Совет, предвидя излишнее рвение чиновников в выполнении постановления, неоднократно напоминал о недопустимости администрирования в отношении церкви и предлагал сообщать о подобных фактах, нарушении Конституции СССР и других действиях, «возбуждавших недовольство, жалобы или оскорбления религиозных чувств верующих», а также о принятых мерах. Кроме того, Совет утверждал, что уполномоченные проходят мимо явных беззаконий потому, что «не уяснили политику взаимоотношений между церковью и государством, не придерживаются строгого соблюдения законов, не понимают своей роли, отступают от полученных указаний»¹.

В 1954 г. в Совет стали поступать жалобы верующих, в том числе, и с Дальнего Востока, в которых говорилось о том, что, ссылаясь на указания местной власти, священники отказываются от выездов в населённые пункты, где нет зарегистрированных православных церквей². Причина запретов со стороны советских и партийных органов заключалась в стремлении воспрепятствовать укреплению материальной базы «религиозников». Так, выезжая для выполнения треб, священники продавали верующим свечи, просфоры, крестики, иконки и др. предметы культа, что позволяло увеличить доходность церкви и, соответственно, её положение в городе или селе. Как известно, финансово слабый приход закрыть было легче, чем активно действовавшую крепкую церковь. Кроме того, местные власти стремились не допустить распространения на своей территории религиозных настроений среди населения, в первую очередь молодёжи. Поэтому руководство городских и районных исполкомов принимало «соответствующие меры» к приезжавшим священникам, а также лицам, участвовавшим в богослужениях. Например, после того как в августе 1954 г. в сёлах Гоголевка и Вербовка Красноармейского района Приморского края с разрешения директора школы одного из сёл была окрещена большая группа детей, в том числе пионеры и комсомольцы, на заседании бюро Приморского крайкома КПСС 16 августа 1954 г. было решено снять его с работы и исключить из партии, а также «принять строгие меры воздействия» в отношении лиц, допустивших крещение³. Таким образом, давление со стороны советских и партийных органов зачастую препятствовало реализации права граждан на свободу совести.

---

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1113. Л. 97, 98.

² ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 2. Л. 49, 54, 55; Там же. Д. 5. Л. 36, 53.

³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 211. Л. 103, 104, 201.

Озабоченность отправлением обрядов коммунистами и комсомольцами, увеличением количества граждан, посещавших дальневосточные церкви, активизацией движения за открытие церквей и молитвенных домов высказывали власти Еврейской автономной и Амурской областей. На заседании бюро Амурского обкома партии 11 августа 1954 г. отмечалось, например, что «церковь и секты оживили свою деятельность и с целью привлечения прихожан торжественно обставляют богослужения, используют хоры и оркестры, снижают цены на требы»¹. В результате партийными органами были разработаны мероприятия, направленные на усиление идеологической работы среди населения, инициированы собрания с участием учителей, врачей, агрономов и других работников, на которых обсуждались вопросы улучшения атеистической пропаганды. В городе Свободном Амурской области в сентябре 1954 г. было прочитано 15 антирелигиозных лекций, Хингано-Архаринском районе – 25 и так далее².

Однако, вопреки расчётам местных властей, данная политика приводила не к падению религиозности, а, напротив, резкому увеличению ходатайств об открытии церквей, в первую очередь из районов, где не было действующих культовых зданий. В заявлениях высказывались протесты и возмущения по поводу наступления на церковь и права верующих. Кроме того, жёсткая административная политика привела к появлению слухов о скором запрещении церкви вообще, что вызвало резкое увеличение количества желающих креститься. В результате давление на церковь, оказанное властью, «способствовало усилению религиозности»³. Таким образом, следует согласиться с мнением зарубежных учёных, считавших, что «в России не прекращалась кампания преследования церкви, но стремление к вере оставалось непоколебимым»⁴.

Наступление на Православную церковь, начатое в июле 1954 г., было приостановлено с выходом 10 ноября того же года Постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». В документе говорилось, что «оскорбительные выпады против духовенства и верующих, случаи администрирования и вмешательства в деятельность религиозных объединений и групп в корне противоречат программе и политике партии по отношению к религии и верующим, являются нарушением неоднократных указаний о недопустимости оскорблений чувств верующих»⁵. Таким образом, в постановлении осуждались методы, применённые властью.

¹ ГААО. Ф. П-1. Оп. 15. Д. 371. Л. 16.

² ГААО. Ф. П-1. Оп. 15. Д. 457. Л. 1, 2.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1113. Л. 97.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 155. Л. 67.

⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК... С. 516 – 517.

Как видим, в июле 1954 г. был взят курс на возвращение к политике в отношении верующих, характерной для 1930-х годов, в ноябре того же года – на отказ от жёсткого, силового давления и администрирования. Дело в том, что масштабные преобразования в экономической сфере, внутрипартийная борьба, а также непростая внешнеполитическая ситуация отодвинули антирелигиозные мероприятия на второй план. При этом Совет предлагал собирать отклики, реагирования духовенства и верующих на Постановление ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. и «дать первую информацию по телефону не позднее 15 ноября, а в дальнейшем – изучать вопрос и систематически его информировать». Совет предлагал строго руководствоваться его указаниями о недопустимости администрирования по отношению к церкви и о своевременном устранении через местные советские органы нарушений законодательства о религиозных культах¹.

Временное смягчение политического курса было использовано церковью для дальнейшего укрепления своих позиций. Обратимся к статистическим данным (см. табл.1).

Таблица 1

Сведения о количестве культовых зданий, действовавших в СССР
в 1953 – 1957 гг.²

Год	Общее количество культовых зданий	Из них	
		церквей	молитвенных домов
1953	13 508	10 891	2617
1954	13 422	10 797	2625
1955	13 376	10 745	2631
1956	13 417	10 803	2614
1957	13 430	10 827	2603

К 1 апреля 1957 г. в составе Русской православной церкви в пределах СССР находились 73 епархии, управляемые 70 архиереями, в том числе: 7 митрополитов, 33 архиепископа и 30 епископов. Для руководства отдельными отраслями в Московской патриархии были созданы: управление делами, учебный комитет, хозяйственное управление, отдел внешних церковных сношений, пенсионный комитет, издательство. За пределами СССР церковь имела два экзархата: Западно-европейский и Американский, духовную миссию в Палестине, благочиния в

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1113. Л. 123.

² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 263. Л. 57.

Австрии, Венгрии, подворья, приходы и монастыри в разных странах. За границей в её составе числились 3 архиепископа и епископ. В ведении Московской патриархии находились более 12 тыс. чел. духовенства, за 1957 г. их количество увеличилось на 103 чел.¹ К 1 марта 1958 г. Православная церковь в СССР имела 57 монастырей и 7 скитов² (см. табл. 2).

Таблица 2

Сведения о количестве монастырей в СССР в 1958 г.

Республики СССР	Количество действующих монастырей	Количество скитов
РСФСР	2	–
УССР	33	7
БССР	3	–
МССР	15	–
Литовская ССР	2	–
Латвийская ССР	1	–
Эстонская ССР	1	–
Итого	57	7

Среди них были такие известные обители как Троице-Сергиева (Московская область, г. Загорск – ныне г. Сергиев Посад), Киево-Печёрская (г. Киев), Почаевская (Тернопольская область) лавры, Псково-Печёрский и Покровский монастыри³. Активизировалось паломничество. В 1957 г. в день монастырского праздника Троице-Сергиеву лавру посетили до 17 тыс. чел., Почаевскую – до 12 тыс. чел.⁴ Возвращавшиеся домой паломники, как правило, становились пропагандистами религиозных взглядов, усиливая тем самым влияние православного вероучения. Кроме того, значительно укрепилось материальное положение монастырей. В 1956 г. доход Киево-Печёрского монастыря составил около 2,4 млн. руб. против 806 тыс. в 1951 г. В Троице-Сергиеву лавру поступило, кроме собственных доходов, 25 млн. руб. от Московской патриархии на ремонт и благоустройство церквей и территории монастыря. В 1955 – 1956 гг. Почаевский монастырь получил 9497 переводов от верующих на сумму около 2 млн. руб. и 8285 посылок с продовольственными и промышленными товарами

¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 263. Л. 60; ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 8.

² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 9.

³ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 27. Л. 131.

⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 9, 10.

весом около 19 т, Кременецкий монастырь – 56 переводов почти на 100 тыс. руб. и 436 посылок весом около 4 т. Дело в том, что монастыри вели обширную переписку с населением с целью пропаганды православных святынь, вербовки новых монахов и сбора средств, направляли монашествующих в поездки по городам. Имели место случаи, когда насельники работали в колхозах, а колхоз обеспечивал монастырь овощами и картофелем¹. Таким образом, активная деятельность обителей, привлекавших на свою сторону большое количество почитателей, а вместе с ними – пожертвователей, свидетельствовали об усилении их материального положения и расширении влияния Русской православной церкви.

Кроме того, продолжился процесс открытия церквей. В РСФСР по состоянию на 1 марта 1958 г. имелось 2930 церквей и молитвенных домов, в которых служили около 4700 священнослужителей. При этом в решении вопросов об открытии культовых зданий представители духовенства занимали активную позицию: имели место случаи, когда по заданию архиепископов они выезжали в населённые пункты, подсказывая верующим, как правильно написать ходатайства. К 1 января 1957 г. по РСФСР было подано 1673 ходатайства об открытии 669 церквей².

На Дальнем Востоке в 1958 г. действовали 11 официально зарегистрированных церквей: 5 в Приморском и 2 в Хабаровском краях, 4 в Амурской области³. В числе действующих числилась Богородице-Рождественская церковь, вторично зарегистрированная в апреле 1954 г. в городе Сучане (Партизанск)⁴. При этом продолжали поступать ходатайства об открытии новых церквей. Только в Приморском крае в 1955 – 1958 гг. с подобными просьбами обратились 5 групп верующих из городов Арсеньева, Артёма, Лесозаводска, села Покровки Октябрьского района и посёлка Сихали Тетюхинского района⁵.

В действующих церквях увеличивался штат духовенства. В Приморском крае в 1955 г. он состоял из 8 чел., в 1956 г. – из 9 чел., в 1957 г. – из 11 чел., в 1958 г. – из 14 чел. В 1958 г. в церкви города Владивостока служили 3 священника и 2 диакона, в городе Уссурийске – 3 священника и диакон, в городах Сучане и Спасске – по 2 священника и священник на станции Лазо⁶. В 1956 г. в городе Хабаровске Христорождественскую церковь обслуживали 3 священника,

¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 10.

² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 17.

³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 263. Л. 5.

⁴ ГАПК. Ф. Р-1578. Оп. 1. Д. 86. Оп. 1. Л. 3.

⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 55.

⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 52.

2 из которых закончили духовные семинарии, диакон и псаломщик, Александровскую церковь – священник, диакон и псаломщик¹.

Значительную роль в пополнении рядов духовенства в 1950-е годы играли две духовных академии (Москва и Ленинград) и восемь семинарий (Москва, Ленинград, Саратов, Ставрополь, Киев, Одесса, Луцк Волынской области и Жировцы Гродненской области). К 1958 г. они выпустили из своих стен 1203 чел., в том числе 208 из академий и 995 из семинарий². В 1957/1958 уч. г. в академиях обучались 143 чел., в семинариях – 1055 чел. Со 2-й половины 1950-х годов патриархия стала уделять серьёзное внимание улучшению материально-бытовых условий учащихся: ввела бесплатную одежду и питание, выдавала стипендии за успеваемость, оказывала денежную помощь. В результате увеличилось количество желающих обучаться в духовных учебных заведениях. Если в 1952 г. было подано 401 заявление, то в 1956 и 1957 гг. – по 750 – 800, при этом 33 % заявлений поступило от молодёжи, в том числе юношей, отслуживших в армии.

В 1956, 1957 гг. в духовные учебные заведения стали возвращаться бывшие семинаристы³, что позволило Московской патриархии поднять вопрос об организации новых семинарий в Новосибирске и Львове, создании в некоторых из них параллельных классов, увеличении числа учащихся. Напомним, что ещё в феврале 1949 г. патриарх Алексей обращался к председателю Совета Г. Г. Карпову с просьбой об открытии духовной семинарии в Новосибирске с целью подготовки священников для церквей Сибири и Дальнего Востока. Но поскольку в 1949 г. на данных территориях действовали всего 130 культовых зданий, Совет в просьбе отказал⁴.

Образованное духовенство смогло активизировать проповедническую деятельность и индивидуальную работу среди верующих, следствием чего стало постоянное увеличение количества граждан, желавших совершить религиозные обряды крещения, исповедания и причащения⁵. В практику вошли торжественные службы епископов и благочинных. Особое внимание духовенства было направлено на молодёжь. Так, некоторые священники в проповедях призывали верующих родителей чаще напоминать детям о существовании Бога, советовали учить их Закону Божьему, затрагивали темы морали, нравственности, отношения к труду. Епископ Сергей (Сталинградская область) требовал от духовенства в

¹ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 4. Л. 8, 12.

² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 10.

³ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 11.

⁴ РГАСПИ. Ф. П-17. Оп. 132. Д. 111. Л. 150 – 154.

⁵ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 13.

проповедях разъяснять значение слова «христианин». В июне 1957 г. он разослал настоятелям приходов письмо, в котором говорилось о том, что «некоторые прихожане ведут себя недостойно носимому ими высокому званию христианина: позволяют грубые выражения, отказываются оплачивать проезд в трамвае, не уступают места престарелым гражданам, инвалидам и др. Предлагаю настоятелям в проповедях обратить внимание на разъяснение значения слова «христианин» в моральном и нравственном отношении»¹. В результате, в лице священнослужителей государственная власть получила серьёзного конкурента. Ведь в проповеди, обставленной соответствующим благолепием, звучал призыв соблюдать нормы морали, нравственности, правила поведения, соответствовавшие с позиции Православной церкви высокому званию христианина, а с точки зрения государства – советского человека. При этом призывы священнослужителей не сопровождались администрированием и давлением, что само по себе укрепляло веру и заставляло сомневаться в ценностях, проповедуемых с высоких властных трибун. Партийно-советское руководство претендовало на роль носителя новой, коммунистической морали, однако граждане, во всяком случае, их часть, искали не у власти, а в религии те ценности, которых были лишены.

В результате такой работы количество верующих, посещавших церкви, неуклонно росло как в стране в целом, так и на Дальнем Востоке, в частности (см. табл. 3).

Таблица 3

Посещаемость церквей Приморского и Хабаровского краёв
в 1955 – 1957 гг. (чел.)²

Церкви	1955	1956	1957
Владивосток	ок. 500	более 500	600
Уссурийск	400	более 400	500
Сучан	100	ок. 150	200
Спасск	100	более 100	150
Станция Лазо	50	70	до 100
Хабаровск:			
Христорождественская церковь	Нет сведений	120 – 750 ³	150 – 900 ⁴
Церковь Александра Невского	Нет сведений	70 – 400	70 – 400

¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 16.

² ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 52, 53.

³ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 4. Л. 12.

⁴ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 18. Л. 3, 4.

С середины 1950-х годов в церквях Дальнего Востока увеличилось количество проводимых обрядов. Так, в 1956 г. только в Свято-Никольской церкви города Владивостока было зарегистрировано 3210 крещений, из них в возрасте до 1 года – 882, от 1 года до 7 лет – 1634, от 7 лет до 14 – 571, старше 14 лет – 123. В 1957 г. в этой же церкви было окрещено около 4 тыс. детей¹. В 1956 г. в двух церквях города Хабаровска было совершено около 1400 крещений², в 1958 г. – 2367 крещений, 13 венчаний и 1163 отпеваний³.

Действовавшие церкви существовали, преимущественно, за счёт средств, поступивших от продажи свечей, предметов культа и совершения обрядов, при этом их доходы продолжали расти. Свято-Никольская церковь в 1955 г. получила 600 тыс. руб., в 1956 г. – 720 тыс., в 1957 г. – 900 тыс., за полгода 1958 г. – свыше 600 тыс. руб.⁴. По состоянию на 1 октября 1958 г. в церковь г. Благовещенска поступило 163 205 руб., а в 1959 г. предполагалось собрать 202 тыс. руб.⁵ Конечно, доходность церквей Дальнего Востока по сравнению с культовыми зданиями центральных областей страны была незначительной. Так, финансовый приход церквей Ленинградской области в 1952 г. составил 21,2 млн. руб., а в 1956 г. – 25,3 млн. руб., в Ставропольском крае – 5 млн. руб. и 9,9 млн. руб., соответственно, в Пермской области – 6,9 млн. руб. и 9,7 млн. руб., Псковской – 3,8 млн. руб. и 5,2 млн. руб.⁶. В 1955, 1956 гг. Всехскорбященская церковь на Калитниковском кладбище (Москва) затратила на благоустройство около 900 тыс. руб., Воскресенская на Ваганьковском кладбище – свыше 1 млн. руб., Тихвинская в селе Алексеевском – около 1 млн. руб. С целью украшения и росписи храмов приглашались профессиональные художники и реставраторы. В Тамбовской области в 1955 и 1956 гг. на ремонт церквей и реставрацию икон было израсходовано около 2 млн. руб., в Краснодарском крае в 1956 г. – около 2 млн. руб.⁷

Помещения Дальневосточных церквей также поддерживались в удовлетворительном состоянии. При них сформировался большой актив, который материально поощрялся и вёл повседневную работу среди населения. На Дальнем Востоке, также как и в центре страны, по мере своих финансовых возможностей

¹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 53.

² ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 4. Л. 13.

³ ГАХК. Ф. Р-1359. Оп. 3. Д. 18. Л. 13; Там же. Д. 19. Л. 20; Там же. Д. 20. Л. 22. Там же. Д. 21. Л. 9.

⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 54.

⁵ ГААО. Ф.-114. Оп. 2. Д. 1044. Л. 7.

⁶ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 12.

⁷ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 16.

церковный актив проводил ремонт, осуществлял электрификацию культовых зданий, строил дома для духовенства, организовывал хоры¹.

К 1958 г. Русская православная церковь смогла укрепить своё материальное положение, восстановить и отремонтировать многие культовые здания, придав им благолепный вид, а также приобрести определённый авторитет среди верующих и граждан страны. В мае 1958 г. Православная церковь торжественно отпраздновала 15-летие восстановления патриаршества. Однако усиление её позиций и религиозных организаций в целом, лояльное отношение к ним рассматривалось государством как нарушение ленинских принципов в религиозном вопросе, а отчасти – как проявление сталинизма².

В результате после разгрома политических оппонентов и получения в 1958 г. поста председателя Совета Министров СССР, Н. С. Хрущёв перешёл к репрессивной политике по отношению к церковным организациям. 4 октября 1958 г. было принято секретное Постановление ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”», потребовавшее от партийных органов начать наступление на религиозные пережитки в сфере идеологии³. Проявилось это, прежде всего, в том, что в стране и на Дальнем Востоке, в частности, стали закрывать церкви. В РСФСР были сняты с регистрации 246 религиозных обществ, в 1961 г. – 216, в 1962 г. – 222, к 15 сентября 1963 г. – 49. На Дальнем Востоке в 1958 г. действовали 11 культовых зданий, к 1964 г. их осталось только 9. Согласно общему антирелигиозному курсу, в 1959 г. была закрыта Успенская церковь станции Лазо Калининского района Приморского края⁴, в 1961 г. – Свято-Петропавловский молитвенный дом в посёлке Магдагачи Тыгдинского района Амурской области⁵. Динамизм данному процессу придали курс на десталинизацию, начатый в 1956 г., и форсированное строительство коммунизма, объявленное с января 1959 г. В результате в 1959 – 1964 гг. было утрачено то положительное, что удалось достигнуть в государственно-церковных отношениях в период Великой Отечественной войны.

¹ ГАПК. Ф.П-68. Оп. 34. Д. 812. Л. 16.

² Марченко А. Н. «Хрущёвская церковная реформа»: Очерки государственно-церковных отношений (1958 – 1964 гг.) (по материалам архивов Уральского региона). Пермь, 2007. С. 6, 7.

³ Гераськин Ю. В. Указ. соч. С. 120.

⁴ Решение Приморского крайисполкома № 989 «О закрытии Успенской церкви в пос. Лазо Калининского района» // ГАПК. Ф. Р-26. Оп. 33. Д. 140. Л. 141.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 486. Л. 114, 115.

ИЗ ИСТОРИИ ТРАНСПОРТНОГО СООБЩЕНИЯ В ПРИОХОТЬЕ (XVII – XX века)

Охотск, основанный как зимовье в 1647 г. якутскими казаками, благодаря своему стратегическому положению стал не только одним из основных населённых пунктов на северо-востоке России, но и вошёл в транспортную систему страны, став самой восточной точкой большого Сибирского тракта. Развитие этого пути было связано не столько с проблемой доставки грузов, сколько со стремлением поддерживать оперативное сообщение с отдалёнными районами для отправки служилых людей на зимовья, доставки ясака, документов и прочего.

Первоначально было установлено сообщение Охотского побережья с ближайшим крупным уездным центром – Якутском. До начала XVIII в. проезд по маршруту Якутск – Охотск не был должным образом организован и носил непостоянный характер. Регулярное транспортное сообщение в регионе начинает развиваться с 1716 г., когда начинают использовать морские перевозки. В те времена на Камчатку не просто не доставлялась почта, но даже не существовало постоянного сухопутного пути. Две дороги, соединявшие в тот момент Якутск с рекой Колымой, проходили по небезопасной территории, где русские служилые люди часто подвергались нападениям со стороны «немирных инородцев».

Поэтому якутский воевода должен был изыскать другой путь до Камчатки, более безопасный и короткий, обустроив его станциями с зимовьями. Три года спустя якутский казачий голова И. Харитонов впервые сделал топографическое описание Якутско-Охотского пути от правого берега реки Лены через Амгинский и Алданский перевозы, по рекам Белой, Хандаку, Горбеи, Аллах-Юнскую и Юдомскую переправы до Охотска. В целом, маршрут составил около 900 километров, которые И. Харитонов прошёл за 39 дней. Значительную роль в развитии этой дороги сыграла экспедиция А. Ф. Шестакова (1727 г.), организованная для приведения «немирных инородцев» северо-востока – чукчей и коряков – в российское подданство¹.

В сложившихся условиях, когда требовалось быстрое перемещение большого количества людей и припасов, Якутско-Охотский путь, который наполовину пролегал по обжитым местам и был намного короче Колымского, стал основ-

---

¹ Казарян П. Л. Пути сообщения Якутии (XVII – начало XX вв.) // Транспорт России: Анализ, проблемы, перспективы. Вып. 3. М., 2005. С. 390.

ным маршрутом не только на Охотское побережье, но и к реке Колыме с Анадырским острогом. По указу от 10 мая 1731 г. Охотский порт получил самостоятельное управление, его начальником был назначен Г. Г. Скорняков-Писарев, одной из обязанностей которого стало обустройство путей сообщения¹.

Спустя два года, в 1733 г. Якутско-Охотский путь получил статус государственного почтового тракта. Езда по нему и доставка грузов совершалась путём заключения контрактов с якутами, которые проживали в районе прохождения дороги. За доставку почты перевозчики получали вознаграждение из казны. Однако самый большой объём перевозок казённых грузов, в особенности провианта, из Якутска в Охотск совершался в виде земских повинностей. Между тем во многом это был вьючный тракт, и ездили по нему от Якутска (поселение Ярмонги на правом берегу реки Лены) до Охотска без перемены лошадей. «Охотская дорога значит в Сибири то же, что самое утомительнейшее, опаснейшее путешествие», – отмечал в своём дневнике Ф. П. Врангель².

Самый восточный почтовый тракт в основном доставлял почту и грузы в направлении от Якутска к Охотску, обратный грузопоток был незначительным. По мере расширения хозяйственной деятельности промышленников в Русской Америке и на Курильских островах, объёмы вывозимой из Охотска пушнины с каждым десятилетием возрастали, и по ценности во много раз стали превосходить ввозимые товары (продовольствие, порох, свинец, снасти для судов и др.).

После того, как в 1844 г. Российско-Американская компания основала новый порт Аян на Охотском побережье и проложила новую дорогу Якутск-Аян, основной грузопоток из Сибири на Камчатку и в Русскую Америку был направлен по другому пути. Позднее основным военным портом России на Тихоокеанском побережье вместо Охотска стал Петропавловск. Следствием этих изменений стало закрытие Якутско-Охотского почтового тракта. А впоследствии вместо него, по предложению генерал-губернатора Восточной Сибири, был учреждён почтовый тракт Якутск-Аян. В декабре 1850 г. после обсуждения в Комитете министров Николай I утвердил эти предложения. Но из-за закрытия в 1867 г. Российско-Американской компании Аянский почтовый тракт также прекратил своё существование³.

---

¹ Сгибаев А. Охотский порт с 1649 по 1852 г. (Исторический очерк) // Морской сборник. СПб., 1869. № 11. С. 76.

² Путевые записки адмирала барона Ф. П. Врангеля // Исторический вестник. СПб., 1884. № 10. С. 172.

³ Казарян П. Л. Указ. соч. С. 391.

Официально закрытый 1 января 1852 г., Якутско-Охотский почтовый тракт перешёл в разряд дорог местного значения, транзитная роль тракта значительно снизилась. Интересно, что это был единственный в России тракт, где при зимней езде пользовались тремя видами передвижных средств: лошадьми, оленями и собаками. Определённые надежды на оживление движения по нему были связаны с прокладкой в 1909 – 1910 гг. телеграфной линии Якутск – Охотск. Предполагался перевод отдельных участков тракта на трассу вдоль телеграфной линии, а местами и совмещение почтовых станций с контрольными телеграфными станциями¹.

Среди чиновников, посвятивших служению Дальневосточной земле значительную часть своей жизни, незаслуженно забытым остаётся имя Сергея Афанасьевича Херсонского. Более 38 лет он прослужил в различных районах Приморской области, из которых почти 20 лет провёл на Камчатке и в Приохотье.

Сегодня сложно определить, что привело представителя известного русского рода на службу во Владивосток. Херсонские прославились не только на гражданской и военной службе, среди них были «восемь архиереев, двадцать три протоиерея², служащие во флоте и по медицинской части»³. По сохранившимся данным, родился Сергей Афанасьевич Херсонский в нынешнем городе Красноярске в 1857 г. После окончания духовного училища он поступил в штат Енисейского губернского управления, где уже через год получил первое повышение, а затем перешёл на службу в Приморскую область. В должности помощника столоначальника Приморского областного правления его карьера стала стремительно меняться, особенно после назначения на Камчатку и позднее в Охотск. Самым значительным в его жизни стал период, проведённый в должности Охотского окружного начальника (1889 – 1898 гг.)

Обязанности Сергея Афанасьевича на новом месте не ограничивались одной территорией. Он возглавил объединённое делопроизводство по всем вопросам, касавшимся Гижигинского, Охотского, Петропавловского и Анадырского округов, а так же Командорских островов. На этом посту он проявил себя не только хорошим администратором, но и неординарным, разносторонним человеком, душой болеющим за развитие вверенной ему территории и судьбу её жителей.

---

¹ Казарян П. Л. Первый тракт на северо-востоке России // Наука и техника в Якутии. 2006. № 2 (11). С. 55.

² Архиерей – общее название высших православных священнослужителей; протоиерей – старший православный священник.

³ URL: <http://www.fishkamchatka.ru/> (дата обращения: 12. 11. 2010).

Будучи начальником Охотской округи, Сергей Афанасьевич приложил немало усилий для развития северного таёжного края. В центре его внимания находились вопросы создания надёжной транспортной системы, которая способствовала бы формированию стабильной экономики района. Этой проблеме было посвящено его исследование возможности прямого сообщения между Ольской бухтой и рекой Колымой.

Ранее, в 1889 г. по инициативе Якутской администрации уже предпринималась попытка поиска такого пути. Экспедицию тогда возглавил колымский исправник Карзин. Он исследовал водный путь по реке Колыме до устья реки Буянды и далее до Гижиги.

В 1893 г. С. А. Херсонский, изучив особенности Гижигинского рейда, пришёл к выводу, что он очень неудобен. «Желая с одной стороны исправить видимую ошибку, а с другой доставить прочный заработок населению Охотской округи, в котором оно так нуждается, – отмечал в своей работе Сергей Афанасьевич, – я решил принять посильное участие в движении вопроса о соединении Колымы с морем»¹.

В конце XIX в. Колымский край входил в состав обширной Якутской области и находился в административной и экономической зависимости от Якутска, через который шло снабжение товарами и предметами первой необходимости: мукой, крупой, порохом, свинцом и солью. Расстояние между этими областями составляло более 2315 вёрст, а передвижение было сложным и опасным. Поэтому стоимость товаров в городе Средне-Колымском составляла: «1 пуд² крупчатки – 40 руб., 1 фунт³ стеариновых свечей – от 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 50 коп., 1 фунт сальных свечей – 1 руб., 1 фунт мыла – 1 руб., 1 фунт сахару – 1 руб., 1 кирпич чаю – от 2 руб. 50 коп. до 6 руб., 1 аршин ситца – 50 коп., 1 фаянсовая чайная чашка – 1 руб. 50 коп., 1 фунт ржаных сухарей – 50 коп.»⁴.

Детально изучив побережье и возможные варианты для организации порта, С. А. Херсонский пришёл к выводу, что более удачным был бы маршрут доставки грузов из Владивостока в бухту рядом с селением Ола⁵. Сначала пароходами, потом на собачьих и оленьих упряжках до реки Колымы, а затем сплавом до Средне-Колымска. Проанализировав сведения о предполагаемом пути, он хода-

¹ Херсонский С. А. Ольско-Колымский путь. О звериных и птичьих промыслах в Охотской округе Приморской области. Владивосток, 1903. С. 23.

² Пуд – старинная мера веса, приблизительно равен 16, 38 кг.

³ Фунт – старинная мера веса, приблизительно равен 400 г.

⁴ Херсонский С. А. Указ. соч. С. 30.

⁵ В настоящее время посёлок городского типа, районный центр Магаданской области.

тайствовал перед Приморским областным управлением об ассигновании 1000 руб. на исследование дороги между Ольской бухтой и рекой Колымой.

Открытие новой трассы, по мнению начальника округа, во-первых, позволило бы жителям прибрежных селений, а так же кочевым тунгусам, проживавшим около бухты (всего около 2274 чел., практически половина жителей округа) иметь постоянный доход от разгрузки пароходов. Общий годовой грузооборот составил около 2000 пуд. казённого и 4000 пуд. частного груза. Учитывая, что стоимость разгрузки была 5 коп., а доставки – 2 коп. с 1 пуда, годовая сумма дохода составляла 12 тыс. 300 руб. Эти деньги стали хорошим подспорьем для местного населения. Во-вторых, заход в удобную для пароходов бухту дал возможность населению Охотского побережья приобретать товары дешевле, чем те, которые доставлялись из Якутска через Охотск. В-третьих, население Колымского округа, проживавшее в верховьях реки Колымы, заработало не менее 3 тыс. руб., (по 50 коп. с пуда) на сплаве грузов и постройке барж¹.

На исследования зимнего пути, по выбранному им маршруту через Олу на Колыму и обратно, С. А. Херсонский получил от казны 500 руб. В состав экспедиции вошли: Фёдор Попов – переводчик с тунгусского языка, казак Николай Корюкин, восемь жителей Олы в качестве возниц, проводник тунгус Николай Шелудяков, погонщик оленей Василий Шелудяков и каюр Даниил Слепцов. Для путешествия были подобраны 112 ездовых собак, 20 оленей для упряжки и 5 верховых оленей, принадлежавших тунгусу Н. Шелудякову.

К организации небольшой поездки Сергей Афанасьевич подошёл со всей ответственностью и энтузиазмом исследователя. Для комфортной езды на собачьей и оленьей упряжке он разработал специальные нарты, что-то вроде усовершенствованной зимней кибитки, верх которой был подвижен – мог опускаться и подниматься. Внутреннее пространство было утеплено мехом и шкурами морских животных – сивуча и акиба², укрывное одеяло также изготовлено из их шкур и оторочено мехом медведя.

Экспедиция выехала из Охотска в конце февраля 1893 г. В начале марта путешественники достигли селения Ола. Путь от бухты до реки Колымы составил около 470 км, но его, по мнению Сергея Афанасьевича, можно было сократить, проложив более прямую дорогу, не привязанную к изгибам рек. Организация постоянного транспортного сообщения осложнялась тем, что на данном от-

---

¹ Херсонский С. А. Указ. соч. С. 10.

² Акиб – детёныш тюленя, белёк.

резке маршрута не было постоянных поселений. Это положение могли изменить тунгусы¹, постоянно кочевавшие в бассейне реки Буянды.

Немного усложняли дорогу 3 незначительных перевала, но их высота не препятствовала транспортировке грузов. Благоприятным было и то, что на всём протяжении пути располагались значительные запасы леса, питьевой воды, рыбы и олени пастбища.

В итоге на пути следования экспедиции были намечены следующие станции: Ольская, имени барона Корфа, Унтербергера, Павленко, Тумковского, Херсонская, Калининка, Небутова, Осташкина, Попова, Сергее-Михайловская.

Наиболее трудную часть маршрута путешественники должны были преодолеть на оленьих упряжках. Эту задачу помог выполнить тунгус-проводник Н. Шелудяков, который приготовил 20 оленей для 5 нарт и 5 верховых оленей, а также дополнительно привлёк двух пастухов в качестве возниц. Сложность заключалась в том, что в северной части Охотского округа тунгусы передвигались на оленях только верхом, а груз перевозили во вьюках. Поэтому было затрачено много времени на закрепление упряжи и отработку системы управления.

Н. Шелудяков заранее вышел навстречу экспедиции. Для более быстрого продвижения он проложил дорогу на расстояние около 74 км. По мнению С. А. Херсонского, в этом поступке проявились бескорыстие и высокая нравственность таёжных жителей. Проводник приложил большие усилия и пожертвовал своим личным временем, но при этом не придал своей инициативе ни малейшего значения: «Всё это, мол, в порядке вещей». После обсуждения жизненно важных вопросов и новостей, главным образом связанных с поголовьем оленей, промыслом белки, а также приготовлений к предстоящему пути, экспедиция продолжила движение согласно маршруту.

Поездка окружного начальника прошла успешно. Основные цели были достигнуты – налажено транспортное сообщение между побережьем Охотского моря и отдалёнными территориями, проложен оптимальный по расстоянию и сложности маршрут, проходивший через 11 станций. Весь путь туда и обратно составил 38 дней (с 26 февраля по 5 апреля), за которые на оленьих и собачьих упряжках было пройдено около 2518 км.

С. А. Херсонский считал, что открытие прямого пути между Ольской бухтой и рекой Колымой создаст возможности для развития как казённых, так и частных грузовых перевозок, стабильного почтового сообщения, а также приведёт к удешевлению цен на продукты первой необходимости и «оживит мёртвый

---

¹Вероятно, эвены.

Колымский край»¹. По итогам исследований Сергей Афанасьевич написал и опубликовал работу «Ольско-Колымский путь». В неё он включил дневник экспедиции, экономические расчёты, обоснование выбранного маршрута и основные результаты своего путешествия.

Чиновник Приамурского генерал-губернаторства А. П. Сильницкий, совершивший в 1902 г. поездку по северным районам Приморской области, отмечал: «В настоящее время Ола, благодаря новому Колымскому тракту, имеет некоторый денежный заработок, ибо сюда в половине августа приходят транспорты колымских якутов во главе с якутским казаком Калинкиным. Вьючный тракт от Колымы до Олы, на протяжении 600 вёрст, по словам якутов, очень удобен: на всём протяжении этого тракта не встречается ни крутых подъёмов, ни болот, ни более или менее значительных речек, затруднительных для переправы вброд, и колымский транспорт... выйдя 8-го августа 1901 года с Колымы, 21 августа прибыл в Олу, т.е., в течение 13 дней сделал 600 верст, в среднем почти 50 верст в сутки»². Товары перевозились по тракту летом на лошадях (до 7 пуд. груза), зимой на собаках (от 15 до 20 пуд.) и оленях (до 12 пуд.). В среднем за перевозку 1 пуда груза платили 3 руб.³ В результате кочевые жители округа получили постоянный дополнительный доход.

Формирование и стабильное развитие экономики района, в том числе и промыслов, по мнению С. А. Херсонского, во многом было связано с рациональным использованием природных богатств. Поэтому он настаивал на принятии мер, способствующих восстановлению численности диких животных, введении основ правильной охоты: временном ограничении промыслов, а так же регламентации сроков лова и количества зверя, разрешённого к промыслу.

Основываясь на динамике добычи пушнины и её реализации на рынке, С. А. Херсонский хотел перейти к регулированию цен на различные виды товаров, особенно в зимний период. Он предпринял попытку основать в Охотске «Общественную лавку» – форму будущей потребительской кооперации. Гарантом её деятельности выступило окружное управление. Для этого у торговой фирмы «Кунст и Альберс» во Владивостоке в расчёте на год были выписаны товары первой необходимости. В их стоимость включили лишь самые необходимые расходы: фрахт, оплату служащих, процент на капитал, торговые права и прочее. Поэтому цены получились максимально низкими. Всем покупателям

---

¹ Херсонский С. А. Указ. соч. С. 20.

² Сильницкий А. Поездка в северные округа Приморской области // Записки Приамурского отдела императорского русского географического общества. Т. 6. Вып. 1. Хабаровск, 1902. С. 185.

³ Там же. С. 170.

выдали заборные книжки, что облегчало контроль над произведёнными покупками. Оплата должна была производиться пушниной после завершения сезона охоты. Первый опыт такой организации оказался достаточно удачным, но добытая пушнина не окупила затрат¹.

С. А. Херсонский, будучи начальником Охотского округа, многое сделал для развития этой северной территории. Собранные им материалы о природе, истории освоения, экономике, населении, путях сообщения и сегодня представляют значительный интерес. Экономическое и административное место Охотска как зимовья, острога и порта предопределили его значение в системе путей сообщения северо-востока России в XVII – XX вв. Это возвело его в ранг административно-экономического и транспортного центра обширного Охотско-Камчатского региона.

Е. С. Скрабневская

РАЗРАБОТКА И РЕАЛИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ РЕФОРМЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX век)

Современный этап развития России требует создания более совершенного государственного управления, в котором местному самоуправлению как элементу демократической политической системы отводится особое место. Именно на это направлен Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» № 131-ФЗ, вступивший в силу 1 января 2009 г. Вместе с тем, по мере реализации этого закона всё больше проявляется его несовершенство и недостаточная проработанность. Поэтому, как представляется, для формирования эффективного местного самоуправления в современной России следует использовать весь накопленный в ней опыт, в том числе и во времена существования Российской империи. В связи с этим несомненный интерес представляет историко-правовой анализ разработки юридических основ местного самоуправления в XIX веке.

Земская и городская реформы Александра II стали началом нового этапа в развитии местного самоуправления дореволюционной России, хотя его элементы существовали и на более ранних этапах исторического развития российской государственности. Так, при Иване IV местное самоуправление было представ-

---

¹ Херсонский С. А. Указ. соч. С. 69.

лено «земскими» и «губными» старостами, которых избирало население. Решение ими местных дел считалось второстепенным делом, поскольку старосты, подчиняясь воеводам, преимущественно выполняли распоряжения центральной власти. К тому же позднее выборное начало в организации местного управления было вытеснено бюрократическим. С именем Петра I связано появление Главного магистрата, которому были подчинены местные магистраты во главе с бурми-страми и ратманами – выборными должностными лицами. Тем не менее, до 1785 г. города управлялись правительственными органами и сословными учреждениями. По Городовому положению Екатерины II город впервые стал рассматриваться как обособленная общественная единица, совокупность всех жителей, несущих обязанности и пользующихся определенными правами. Система местного управления была существенно преобразована, реформы тесно связали местное самоуправление с сословным строем, большинство вопросов решалось представителями благородных сословий под строгим контролем государства. Екатерина II стремилась создать из всех сословий ряд местных организаций («сословных обществ»), предоставив им права «по внутреннему управлению сих обществ» и возложив на эти организации осуществление большинства задач местного управления. В некоторой степени в самоуправлении могли участвовать все жители города без различия сословий. Каждые 3 года городские обыватели избирали городского голову, бургомистров и ратманов, каждый год – городского старосту и судей совестного суда. Кроме того, из числа купцов на 3 года избирали заседателей губернского магистрата и совестного суда. Для управления городскими делами избирались общая и шестигласная городские думы. Общую думу составляли городской голова и выборные гласные из настоящих городских обывателей¹ от каждой части города, от каждой из 3-х купеческих гильдий, от каждого из ремесленных цехов, от иностранных гостей, от именитых граждан и от посадских. Затем общая дума выбирала 6 человек в шестигласную – по одному от каждого разряда. Все гласные выполняли свои общественные обязанности бесплатно. Городская общая дума должна была собираться раз в год, а также по необходимости. Шестигласная дума учреждалась для повседневного управления городскими делами. Думы занимались обеспечением мира и спокойствия между жителями, доставкой продовольствия, наблюдением за сохранностью городских зданий, устройством площадей, пристаней, амбаров и проч., увеличением городских доходов, созданием заведений общественного призрения и т.д. Дума также

---

¹ Настоящими городскими обывателями назывались все жители города, имевшие дома, без различия сословий.

содержала магистрат, городские школы и другие заведения приказа общественного призрения¹.

Однако присутствие выборных в губернских и уездных учреждениях не создало подлинного самоуправления в полном смысле этого слова, поскольку ни о какой самостоятельности и независимости земского капитана-исправника или выборных законодателей екатерининских учреждений от городов или от крестьян по отношению к губернатору, губернским чиновникам не могло и быть речи. Должность городского головы возникла не одновременно с учреждением думы, а гораздо раньше – в 1767 г., когда Екатерина II задумала созвать Уложенную комиссию и предписала всем служащим и городам избрать депутатов. Для председательства на избирательных собраниях при выборе депутатов сроком на 2 года были избраны городские головы. Никаких иных обязанностей на них не возлагалось, хотя в 1771 г. эта должность стала постоянной. В 1775 г., при издании Учреждения о губерниях, городские головы были назначены председательствующими в сиротском суде. При введении Городового положения эта должность приобрела большую значимость, так как городские головы стали председателями городских дум и официальными представителями городов.

При восшествии на престол Павла I «Жалованная грамота городам» была отменена, но вновь восстановлена Александром I. Со временем в этом Городовом положении произошли изменения, основанные как на законодательных постановлениях, так и в силу обычая. Так, например, общая городская дума во многих городах совершенно исчезла, а в других потеряла своё значение, осталась только шестигласная, состав которой перед введением Городового положения 1870 г. включал городского голову, 5 гласных от купцов и по одному от мещан и цеховых. Разночинцы и дворяне, составлявшие значительную часть настоящих городских обывателей, совершенно отстранились от городской службы. Кроме того, городское управление было подчинено администрации, без разрешения которой оно не могло ни сметы составить, ни произвести каких-либо особых расходов. В городском управлении до 1870 г. наибольшее значение имел только городской голова, избираемый обыкновенно из богатых и влиятельных купцов, что вполне объяснимо, так как ему за время службы приходилось тратить довольно много собственных средств.

Обычно исследователи объясняют процесс реформирования городского самоуправления в XIX веке как производный от Крестьянской реформы 1861 г.

---

¹ Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ РИ) с 1649 г. Т. XXII. 1784 – 1788. СПб., 1830. С. 358 – 384.

Однако в действительности городское управление было несколько изменено по сравнению с тем, как оно определялось Екатерининским Городовым положением, ещё до попыток устроить сельское общество. Первый шаг в этом направлении был сделан Указом от 30 ноября 1832 г., который допустил дворян и разночинцев, имевших в городах недвижимое имущество, к предварительной ревизии городских расходов¹. Затем последовало новое Городовое положение, изданное 13 февраля 1846 г. для Петербурга, а позже с некоторыми изменениями распространённое на Москву и Одессу, в котором впервые получил закрепление принцип всесословного городского самоуправления. По новому положению городская дума должна была состоять из гласных от всех сословий, имевших недвижимую собственность в городе, и из сословных старшин. Таким образом, это положение восстановило целостность городского общества, разбитого «Жалованной грамотой» 1785 г. по сословиям, не имевшим никакой связи друг с другом. Кроме того, положение впервые разграничило 2 функции общественного управления: первой (совещательной и контролирующей) наделило общую думу, состоявшую из всех гласных от всех сословий, а вторую (исполнительную) возложило на распорядительную думу, состоявшую из 10 членов, избираемых по 2 от каждого сословия, под председательством городского головы. Городского голову избирало общее собрание, и он выполнял функции председательствующего как в распорядительной, так и общей думе.

Но более полная реформа общественного устройства началась с создания положения 19 февраля 1861 г. Пореформенное развитие России усилило потребность в новой системе устройства государственной власти и управления. Самодержавие, пытаясь консолидировать вокруг реформ властные верхи, бюрократию, либерально настроенные слои дворянства, под давлением мощного общественного движения было вынуждено несколько обновить организацию управления. Оно было дополнено органами земского, городского общественного управления, элементами всесословного выборного представительства на уровне уезда, губернии. Это была попытка создать нечто вроде единой системы общественного управления, где должны были взаимодействовать как всесословные учреждения, так и такие сословные формы, как крестьянское, мещанское, дворянское корпоративное управление и т.д.

Новая страница в истории российского городского самоуправления была открыта Городовым положением от 16 июня 1870 г. С учётом новых социально-экономических факторов городской жизни законодательство ввело в стране все-

---

¹ Беляев И. Д. Судьбы земщины и выборного начала на Руси. М., 1905. С. 9.

сословное общественное городское управление, определило его статус, функции, обязанности, права, механизм выборов, формирования учреждений, источники средств, порядок деятельности на основе законов империи под контролем и в подчинении царской администрации. Параметры полномочий городского общественного управления были ограничены границами города, отведённых ему земель, где оно могло в пределах предоставленной ему власти действовать самостоятельно. Новое Городовое положение от 11 июня 1892 г. уже исходило из реального факта существования в городах общественного управления, заметно помогавшего государственной администрации решать усложнявшиеся задачи быстро росших городов.

Началом подготовки реформ в области городского самоуправления можно считать 20 марта 1862 г. В этот день под давлением общественного мнения и в ответ на ряд ходатайств о реформе городского самоуправления на основе всеобщего принципа было опубликовано высочайшее повеление «безотлагательно приступить к улучшению общественного управления во всех городах империи». Вслед за тем, в соответствии с циркуляром МВД, в городах были сформированы специальные комиссии для разработки проектов и сбора материалов по городскому устройству органов местного самоуправления. 26 мая 1862 г. циркуляром № 61 МВД затребовало сведения по городскому устройству, так как «Государь император Высочайше соизволил предоставить МВД ныне же и безотлагательно приступить к улучшению общественного управления во всех городах империи применяясь к основным началам общественного управления в Санкт-Петербурге». В циркуляре обосновывалась необходимость сбора подобной информации: «...Я не мог не принять во внимание, что одной из главнейших причин, по которым изданное в 1785 г. постановление об общественном устройстве городов (Городовая грамота) не имело надлежащего успеха, было то, что постановление это содержало в себе лишь общие начала общественного устройства без подробнейшего их развития и применения к различным местностям обширной империи, представляющих большое разнообразие по количеству населения, общественному и хозяйственному быту жителей, разноплемённости их и многим другим условиям. В виду такого опыта, полагая, что введение нового порядка общественного управления в городах требует ознакомиться с местными особенностями их, я признал нужным истребовать местные соображения по настоящему предмету, и с этой целью, по распоряжению моему, составлена во вверенном мне министерстве подробная программа, могущая служить руководством для таких соображений. В этой программе сделаны указания на важнейшие недостатки

в существующем общественном управлении городов и на главные начала, принятые в основание преобразования сего управления в Санкт-Петербурге для устранения означенных недостатков; в ней изложены вопросы по разным предметам общественного управления, с подробными по каждому из вопросов объяснениями, для надлежащего их уразумения ответах на все эти вопросы и должны включаться требуемые соображения, которые послужат основанием для предположений министерства относительно нового общественного устройства городов»¹.

Как правило, проекты, выработанные городскими комиссиями, содержали положения, повторявшие нормы Закона 1846 г. Например, результатом работы комиссии Нижнего Новгорода стал проект, по которому избирателями могли быть все несудимые жители не моложе 21 года, владевшие недвижимой собственностью, или занимавшиеся промыслами, приносящими чистого дохода не менее 50 руб. Избираться могли и лица, не отвечавшие требованиям имущественного ценза, при условии, что они были людьми опытными и образованными, имели заслуги перед городами, и достигли 25-летнего возраста. Городской голова не мог быть моложе 30 лет. Общую думу формировали по 50 избирателей от каждого сословия (в сумме 250 чел.), которые каждые 3 года из своего состава выбирали по 125 гласных. Гласные, в свою очередь, должны были выбирать городскую думу и других должностных лиц города. Распорядительная дума должна была состоять из 3 гласных – по одному от каждого сословия. Общее собрание выборщиков и дума должны были находиться под председательством особого президента. Заседания думы проходили 2 раза в год – в марте и октябре. По решению городского головы могли собираться и внеочередные собрания. Исполнительная дума должна была заседать постоянно. Все должностные лица, городской голова и гласные должны были получать за свою работу жалование².

Таким образом, первостепенной задачей стало создание единой нормативно-правовой системы регулирования общественного самоуправления в городах, тем более что основным законодательным документом, регулировавшим устройство городского общественного управления, вплоть до начала 1870-х годов, продолжала считаться «Жалованная грамота городам» Екатерины II. Хотя некоторые её положения были фактически аннулированы последующими законодательными актами, формально они так и оставались не отменёнными.

---

¹ Асанов Р. Ф., Аванютина Е. В. Городское самоуправление России во второй половине XIX века. Нефтекамск, 2007. С. 38 – 39.

² Там же. С. 40.

Всё законодательство в целом, весьма запутанное и неопределённое, давно перестало соответствовать уровню социально-экономического развития городов и их значению в жизни страны, становилось тормозом в организации городского хозяйства. В такой обстановке Городовое положение 1870 г. (результат 8 лет работы специальных комиссий) имело существенное значение для решения проблем городского устройства. Новое Городовое положение получило Высочайшее утверждение 16 июля 1870 г. Данный нормативно-правовой акт и явился правовой базой реформирования органов городского управления.

До Городового положения 1870 г. общественные должности могли занимать не только лица, состоявшие в русском подданстве, но и иностранцы, при условии, что они прожили в России не менее 3-х лет. С его введением представители иностранных государств утратили возможность избирать и быть избранными в органы городского самоуправления, так как избирательными правами были наделены только русские подданные, достигшие гражданского совершеннолетия (25 лет) и обладавшие определённым имущественным цензом.

Городское законодательство предусматривало ещё ряд ограничений. Так, не допускались к выборам недоимщики, имевшие задолженность перед городом по городскому сбору, лица, содержавшие питейные заведения, состоявшие под судом или отбывшие наказание с поражением в правах. Не могли избирать лишённые судом прав состояния, исключённые со службы и из сословных обществ, отрешённые от должности (в течение 3-х лет со времени отречения), лишённые духовного сана, а также некоторые другие категории населения по своей профессиональной принадлежности способные повлиять на избирателей: чиновники прокурорского надзора, служащие полиции и церковнослужители. Для столичных городов в 1903 г. дополнительно был введён образовательный ценз¹.

Особо оговаривалось запрещение евреям принимать участие в городском самоуправлении. Только по утверждённому императором мнению Государственного Совета от 11 июля 1892 г., в городах, где евреям было разрешено постоянное проживание (кроме г. Киева), они могли исполнять обязанности городских гласных или уполномоченных².

Состоятельные женщины и несовершеннолетние, не имевшие права самостоятельно участвовать в выборах, передавали своё право голоса доверенным лицам из числа родственников. Доверенность на участие в выборах составлялась

---

¹ ПСЗ РИ. Т. XII. СПб. 1895. С. 437; Нардова В. А. Городские головы Санкт-Петербурга. 1873 – 1903 годы // Отечественная история. 2003. № 3. С. 21.

² ПСЗ РИ. Т. XII. СПб. 1895. С. 433; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 1. Д. 27. Л. 51; Д. 129. Л. 19.

в произвольной форме и подписывалась верителем, а затем в обязательном порядке заверялась нотариусом, земским начальником или городским полицмейстером, мировым или городским судьёй. Вследствие этой распространённой в России практики, избиратели во время выборов часто использовали 2 голоса – один за себя, другой по доверенности¹. Случалось, что плохо понимавшие суть выборов горожане, имевшие по 2 голоса, отдавали один голос – «за», а другой – «против» одного и того же кандидата².

В соответствии с Российским законодательством участие в выборах принимали также учреждения, общества, товарищества и компании. Представители этих организаций могли и не обладать установленным имущественным цензом. Несмотря на отсутствие избирательных прав у духовенства, на заседаниях городской думы присутствовал священнослужитель, которого духовное ведомство напрямую вводило в её состав³. В соответствии со ст. 17 – 22 Городового положения 1870 г., в зависимости от их профессионального и социального статуса, избиратели распределялись по 3-м разрядам таким образом, чтобы избиратели каждого разряда уплачивали вместе по 1/3 общей суммы налогов. Первый разряд составляли горожане-собственники городской недвижимости, второй – государственные служащие, владевшие недвижимостью и оплачивавшие оценочный сбор в городскую казну, третий – мелкие торговцы и приказчики, имевшие торговые свидетельства. Каждый из этих разрядов, различных по числу составлявших их избирателей, избирал одинаковую часть, а именно 1/3 общего числа гласных⁴.

Такая избирательная система, разработанная под сильным влиянием городского самоуправления Пруссии, подвергалась критике, практически, с момента её введения в России. Исследователи отмечали, что она противоречила принципу равенства избирательных прав, поскольку представители первого разряда получали в несколько раз больше возможностей, чем представители третьего. Незначительное количество лиц в первом, а иногда и втором избирательном собраниях, искажало саму природу выборов, так как почти все выборщики избирались в состав думы⁵.

---

¹ ПСЗ РИ. Т. XII. СПб. 1895. С. 437, 438; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 367. Л. 194.

² Писарькова Л. Ф. Московская городская дума. 1863 – 1917 гг. М. 1998. С. 70.

³ ПСЗ РИ. Т. XII. СПб. 1895. С. 439.

⁴ ПСЗ РИ. Т. XLV. СПб. 1874. С. 441; РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 80. Л. 120; Фойгт. А. Социальные утопии. СПб. 1906. С. 57 – 58.

⁵ Абрамов В. Ф. Теория местного самоуправления на отечественной почве // Полис. 1998. № 4. С. 152; Фойгт. А. Указ. соч. С. 59 – 60.

Внутренняя организация городского самоуправления была достаточно рациональной. По Городовому положению 1870 г. учреждениями городского общественного управления являлись городские избирательные собрания, городская дума и городской голова. Новым законом 1892 г. городские избирательные собрания были отменены, распорядительные функции предоставлены городской думе, исполнительные – городской управе во главе с городским головой. Для мелких городов было введено, так называемое, упрощённое управление: сход домохозяев избирал собрание из 12 – 16 уполномоченных, которое из своей среды выбирало старосту и 1 – 2 его помощников.

Законодательство предусмотрело должности кандидатов в гласные на случай замены выбывших, товарищей, помощников городского головы и заступавших на его должность (замещавших городского голову во время его отсутствия) из числа получивших при избрании наибольшее количество голосов вслед за ним. В столицах избирали 2-х кандидатов в городские головы, один из которых по Городовому положению 1870 г. утверждался, а по Положению 1892 г. назначался императором. В начале XX века, в связи со значительным усложнением функций по управлению городами, активно обсуждался вопрос о введении поста товарища городского головы, но до его учреждения дело так и не дошло.

Городская дума состояла из гласных, избиравшихся на 4 года. Их число зависело от количества избирателей в конкретном городе. Так, по Городовому положению 1870 г., в думы избирались от 30 до 72 чел.: 30 гласных для города с числом избирателей не более 300 чел., далее на каждые 150 избирателей свыше 300 – по 6 гласных, пока их количество не достигало 72. Исключение составляли только столичные города: в Санкт-Петербурге избирались 250, а в Москве – 180 гласных¹.

По закону 1892 г. численность гласных была сокращена до 20 чел. в городских поселениях с числом избирателей не более 100, затем на каждые 50 избирателей дополнительно по 3 человека до 160 – в столицах, до 80 – в Одессе и губернских городах с населением свыше 100 тыс. человек, до 60 – в других губернских, областных, входивших в градоначальства и уездных городах, до 40 – во всех остальных. Особо обговаривалось количество гласных из нехристиан, которое не должно было превышать по Городовому положению 1870 г. одной трети. Однако практика создания городского самоуправления заставила пересмотреть это требование. В 1873 г. в дополнение к ст. 35 закона 1870 г. был принят указ, предусмотревший исключения для городов, где православных избира-

---

¹ ПСЗ РИ. Т. XII. СПб. 1895. С. 437.

телей было недостаточно для формирования городской думы¹. Позже закон 1892 г. сократил число гласных из нехристиан до 1/5 от их общего числа.

Проблемы, возникавшие в ходе деятельности городских властей, в скором времени наглядно показали неприемлемость для России прусской системы самоуправления, положенной в основу Городового положения 1870 г. Городовое положение 1892 г., составленное с учётом накопленного российскими городами как позитивного, так и негативного опыта, базировалось на государственной теории местного самоуправления, в соответствии с которой общественное управление является частью государства и сводится к выполнению выборными органами задач государственного управления. Эта теория исходила из того, что всё управление публичного характера – дело государственное, главный смысл самоуправления – не в обособлении от государства, а в службе его интересам и целям. По мнению основоположников данной теории Н. М. Коркунова, А. Д. Градовского, Л. Штейна, Р. Гнейста, «самоуправление не есть общественное самоуправление, а оно есть такое же государственное управление, как и бюрократическое, учреждения самоуправления совокупно с бюрократическими учреждениями суть двоякие органы одного и того же государственного организма, различные формы одной и той же власти»².

К 1917 г. из 900 российских городов общественное управление было сформировано в 717 городах, в 308 городах существовало упрощённое городское самоуправление – собрание уполномоченных из 15 – 20 чел. До Февральской революции полноценные городские думы были созданы в 462 городах России³.

Следует отметить, что начало складывания самоуправления в Российской империи как системы можно отнести только к 1905 г., когда наряду с местными общественными органами было разрешено создание Государственной думы – общероссийского учреждения, ставшего, по мнению А. Н. Медушевского⁴, первым элементом трансформации самодержавия в дуалистическую монархию. Российское общество получило новую возможность для своего политического развития. До 1905 г., в соответствии с Городовым положением 1870 г., а затем и 1892 г., городские самоуправления, формировавшиеся в границах городских поселений, не имели выхода на общегосударственный уровень. С появлением Гос-

¹ ПСЗ РИ. Т. 48. СПб. 1873. С. 527.

² Абрамов В. Ф. Указ. соч. С. 153, 154.

³ История государственного управления России / отв. ред. В. Г. Игнатов. Ростов-на-Дону, 2002. С. 325; Писарькова Л. Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 3. С. 35.

⁴ Медушевский А. Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997. С. 200.

ударственной думы такая возможность стала реальностью, хотя и в ограниченном варианте. Это наглядно показал Указ Правительствующего Сената от 29 декабря 1911 г., в соответствии с которым городским думам запрещалось возбуждать ходатайства перед Государственной думой¹. Также городские власти были лишены возможности устанавливать контакты с учреждениями других форм местного самоуправления. Кроме того, с самого начала формирования городского самоуправления отчетливо проявилась его особенность – выборные учреждения «включались» в систему государственного управления, государственное начало преобладало над общественным². С первых дней своего существования городские власти действовали в тесном контакте с административными учреждениями, так как в соответствии с Городовыми положениями 1870 и 1892 гг. их полномочия были ограничены. Общественные управления были вынуждены согласовывать с военными губернаторами каждое своё решение: расписание заседаний городских дум, избрание должностных лиц, принятие смет, создание городских комиссий, проведение благотворительных акций и т.д.

Без разрешения представителей царской власти городские думы не имели права распоряжаться городскими землями, проводить распланировку городов, создавать пожарные команды, собирать средства на городские нужды и проч. Городской голова был обязан предоставлять военному губернатору список вопросов, намеченных к обсуждению на очередном заседании думы, копии её постановлений, сообщать о переносах заседаний с указанием причины. Всё это существенно сковывало инициативу городов, мешало становлению и развитию данной формы самоуправления российского общества, вызывало справедливое разочарование городских обывателей. Впрочем, в условиях самодержавной монархии губернаторы тоже не могли самостоятельно принимать решения по всем насущным проблемам и, в свою очередь, были вынуждены обращаться в вышестоящие инстанции.

Взаимоотношения городского самоуправления с присутствиями по городским делам складывались по принципу подчинённости первым вторым, а также для осуществления надзора за первыми. Связано это было с тем, что присутствия под председательством губернаторов создавались в центрах губерний и областей одновременно с образованием в них городских самоуправлений для обсуждения правильности и законности постановлений и распоряжений общественных

---

¹ Мышь М. И. Городовое Положение 11 июня 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. Петроград. 1915. С. 1230.

² История государственного управления России... С. 325; Писарькова Л. Ф. Развитие местного самоуправления в России до Великих реформ... С. 35.

учреждений и для решения других дел, связанных с их деятельностью. С введением Городового положения 1892 г. присутствия по городским делам получили ранее принадлежавшее городской думе право отстранять членов управы от должности¹. Поскольку в состав присутствий, возглавлявшихся губернаторами, входили представители различных государственных ведомств: управляющий казённой палатой, прокурор окружного суда, председатель мирового суда и др. – городские головы фактически в одиночку отстаивали общественные интересы. Помимо того, что многие члены присутствий совершенно не знали городского законодательства, они ещё, нередко, в ущерб законным правам городов, стремились положить интересы своих ведомств в основу решений присутствий.

С 1892 г. фактически оформилась система двойного контроля над исполнительными органами городского самоуправления. В новом законе был расширен круг вопросов, подконтрольных губернатору, присутствию по городским делам, увеличено число должностей, утверждаемых губернаторами и министром внутренних дел. Губернатор теперь утверждал не только городского голову, но и членов управы. Была расширена система опеки и вмешательства государственных органов в дела городского общественного управления. Наряду с тем, что управы по-прежнему подчинялись городским думам, военный губернатор получил право производить ревизию управ и городских комиссий, требовать от них объяснений по поводу выявленных нарушений и т.д.

В целом среди многих представителей местной администрации было заметно стремление вернуться к прежнему порядку, то есть, произвольному распоряжению городскими делами и опеке над городским управлением. Особенно это стало проявляться с развитием городского самоуправления, накоплением у него опыта управленческой деятельности, что неминуемо вело к необходимости расширения полномочий общественных учреждений. Из всех городов России относительно самостоятельным оставался только г. Харбин, где общественное самоуправление могло самостоятельно решать некоторые проблемы жизни города, в частности, вопросы школьного образования и противопожарной безопасности. В то время как в России губернаторы осуществляли надзор над законностью действий городских самоуправлений, за целесообразностью городских мероприятий, вмешивались в хозяйственные функции самоуправления, администрация КВЖД ограничивалась только контролем за законностью действий общественного управления².

¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 367. ЛЛ. 274 – 280; ПСЗ РИ. Т. XII. СПб. 1895. С. 435 – 436.

² Сергеев О. И., Лазарева С. И., Тригуб Г. Я. Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – начале XX в. Очерки истории. Владивосток, 2002. С. 98; Сергеев

Правительственная и местная администрации держали под особым контролем вопросы, выходявшие за рамки «дозволенного» местному самоуправлению. Любые проявления общественно-политической инициативы, критики отдельных государственных структур и персон мгновенно и жёстко пресекались. Военные губернаторы напоминали об отсутствии у городских самоуправлений законных оснований для обсуждения вопросов и принятия резолюций, носивших политический характер, и грозили городским головам привлечением к ответственности за подобные нарушения¹. Введение военного положения на отдельных территориях позволяло властям вмешиваться во все сферы жизни региона, вводить различные ограничения, санкции и запреты.

Однако при всём том, что в Российской империи на протяжении длительного времени происходило ослабление и подчинение общественных институтов государству, они существовали неразделимо, составляя единое целое². Исторический опыт городского самоуправления свидетельствует, что для прогрессивного развития страны необходимо передавать местным властям под их ответственность значительные полномочия, чтобы общество имело возможность распоряжаться своей судьбой.

Попытка реализовать эти идеи была осуществлена в 1917 г., когда в соответствии с постановлением Временного правительства от 15 апреля 1917 г. «О производстве выборов гласных городских дум и об участковых городских управлениях» предусматривалось введение в 453 городах России муниципалитетов на основе всеобщего избирательного права. Выборы в новые городские думы состоялись в июле – сентябре 1917 г., однако, полноценной реализации этого постановления помешали Октябрьская революция и последовавшее за тем установление власти советов.

О. И., Лазарева С. И. Самоуправление в Харбине / Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск, 1998. С. 52.

¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 447. Л. 146.

² Попов А. И. Специфика самоуправления – в единстве государственного и муниципального управления // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 2. С. 119, 122.

Часть II

Философия, культурология

Л. В. Варфалви

АМЕРИКАНСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ И «НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК»

Мы видим духовное варварство народов утончённой умственной культуры, чёрствую жестокость при господстве гуманитарных принципов, душевную грязь и порочность при внешней чистоте и благопристойности, внутреннее бессилие внешнего могущества.

Франк С. Л. Крушение кумиров¹.

Социальный философ, один из крупнейших мыслителей XX века, автор многих книг, Александр Зиновьев (1922 – 2006) в интервью еженедельнику «Российские вести» (март 2006 г.) сказал, что определяющим фактором жизни в XXI веке является американизация. Она происходит, и происходит вовсе не так, как изображает пропаганда, совсем по другим канонам и с другими последствиями. Суть её ясна. Покорение мира. И выдумывать тут ничего не надо, это банально и общеизвестно. Это покорение мира происходит, не считаясь ни с какими нормами вообще, норм не существует ни моральных, ни юридических. Американизация, конечно, не имеет ничего общего с западнизацией [термин А. Зиновьева. – Л. В.]. Подавляющее большинство процессов, происходящих по линии американизации, – это не западнизация. Западнизация, как мы понимали её раньше, – развитие западноевропейской цивилизации – более не существует.

Мы разделяем эту точку зрения, и в данной статье проанализируем феномен американской гегемонии и подлинный смысл доктрины «Нового Мирового Порядка». Но прежде, в подкрепление аргумента на «заточенности» властвующей элиты США на идее «мессианства» приведём некоторые факты.

В своей второй инаугурационной речи Джордж Буш младший произнёс следующие слова: «Я знаю, что некоторые сомневаются в том, что мир стремится к свободе, хотя события нашего времени – минувших сорока лет, прошедших

---

¹ См.: Франк С. Л. Крушение кумиров. Берлин, 1924.

под знаком неведомого ранее по своим темпам распространения свободы в мире – не дают оснований усомниться в этом. Американцы не должны удивляться силе своих идеалов. Рано или поздно ум и сердце каждого человека услышат оклик свободы. Мы не можем смириться с существованием вечной тирании, потому что мы не можем смириться с существованием вечного рабства. Свободу обретут те, кто любит её»¹. Дж. Буш также утверждал, Америка употребит все свои силы на поддержку демократических движений с целью покончить с тиранией в мире.

Главный политический советник президента Дж. Буша Карл Роув заявлял: «Теперь мы империя, и когда мы действуем, мы творим свою собственную реальность. А пока вы изучаете эту реальность – в соответствии со здравым смыслом, если угодно – мы будем вновь действовать, создавая другие реальности, которые вы тоже можете изучать, вот так-то всё и образуется. Мы творцы истории... а вам, всем вам, остаётся только изучать то, что мы делаем»².

«Мы – исключительная нация», – заявляла Сара Пейлин, неудавшийся кандидат в вице-президенты США, на митинге в штате Невада в сентябре 2009 г. – «Америка – исключительная страна». И для непонятливых добавила: «Вы все – исключительные американцы»³.

Избрание Барака Обамы президентом Соединённых Штатов основано на его обещании снова сосредоточиться на американской мощи и утвердить её моральное лидерство на принципах, которым она следовала во время Холодной войны⁴.

Весьма примечательны в этой связи рассуждения Роберта Купера о разделении планеты на мир постмодерна (сегодняшняя Европа) и остальную часть планеты («зона модерна и предмодерна»). «Общество постмодерна, – цитирует Р. Купера Р. Каган, – должно привыкнуть к использованию двойных стандартов». В своём кругу европейцы могут «строить безопасность на основе законов открытого общества». Но выходя за пределы Европы, «мы вынуждены по мере необходимости возвращаться к более грубым методам предшествующей эпохи – силе, упреждающим ударам, обману». Вот в чём Р. Купер видит залог безопасности нового общества: «У себя мы придерживаемся закона, но, оказавшись в джунглях, мы должны и жить по законам джунглей». Рецепт Р. Купера адресо-

¹ Фукуяма Ф. Столкновение культур и американская гегемония // Без границ: сетевой журнал. 2007. № 1(3). URL: <http://www.beztemy.ru/> (дата обращения: 15.05. 2011).

² Коукер К. Почему Запад и Россия обречены на партнёрство. М., 2010. С. 23.

³ Там же. С. 19.

⁴ Там же. С. 20.

ван Европе, и вполне естественно, что ему сопутствует призыв к европейцам впредь не пренебрегать обороной «как в физическом, так и в психологическом отношении». Но ведь Р. Купер в действительности описывает не будущее Европы, а настоящее Америки. Именно Соединенным Штатам выпала сложная задача: они лавируют между двумя мирами, пытаясь поддерживать, защищать и распространять принципы более совершенного устройства цивилизации, в то же время употребляя военную силу против тех, кто эти принципы игнорирует. США уже проводят предложенную Р. Купером политику двойных стандартов, и по тем же самым причинам. Американские лидеры, как и он, полагают, что международная безопасность и либеральные ценности, так же, как рай европейского «постмодерна», недолго продержатся, если США не будут опираться на свою мощь в условиях гоббсовского мира, всё ещё торжествующего за пределами Европы¹.

Мы видим, что всё вышесказанное свидетельствует о том, что идеология так называемой либеральной демократии, к которой США пытаются «приобщить» «зоны модерна и предмодерна», на самом деле не более чем удачный обман, за которым скрываются своекорыстные, утилитарно-прагматические цели финансово-политической элиты США.

Уже во втором докладе Римскому клубу «Человечество на перепутье» (1974 г.) в качестве главного тезиса фигурировала причина международных кризисов – нехватка жизненных ресурсов. Мир в этой модели был разделён на 10 региональных подсистем, что позволяло решать проблемы одних регионов за счёт других. Отсюда отрицание суверенитета народов над их территориями и ресурсами. Запад (читай – США) открыто объявил своё право распоряжаться ресурсами всего мира. В 1991 г. видный футуролог Хейфиц писал: «Собственностью человечества является вся планета в целом, а не ресурсы, находящиеся в отдельных странах». Под человечеством понимаются «платёжеспособные» жители планеты. Финансовый вундеркинд Ж. Аттали говорил откровенно: «В грядущем новом мировом порядке будут победители и побеждённые. Число побеждённых, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной»².

---

¹ См.: Каган Р. Сила и слабость // URL: http://www.magazines.russ.ru/oz/2003/6/2004_1_24-pr.html (дата обращения: 15. 05. 2011).

² См.: Кара-Мурза С. Философия глобализации // URL: <http://www/situation.ru/cles/glob2.htm> (дата обращения: 15. 05. 2011).

Как справедливо утверждает А. Зиновьев, для идеологической маскировки войны, которую западный мир во главе с США ведёт за господство над всем человечеством, изобретено слово глобализация. Одним из важнейших компонентов этой войны является идеологическое оболванивание человечества в том духе, какой желателен для глобализаторов, т.е. идеологическая глобализация. С высот идеологической глобализации было пущено в оборот выражение «информационное общество», якобы определяющее тот уровень социального развития, на который уже почти что поднялись западные страны и который станет будущим состоянием всего человечества. Тут мы имеем характерное явление современной западной идеологии. Жульнический приём его заключается в том, что выделяются отдельные, привлекающие внимание аспекты жизни людей или сенсационные научные открытия и технические изобретения, их роль непомерно раздувается, жизнь человечества изображается так, как будто это является основой бытия вообще. В данном случае основой и материалом для идеологического жульничества послужил колоссальный прогресс в информационной сфере человечества.

Другой пример идеологического жульничества, – указывает А. Зиновьев, – идея конца человеческой истории (автор – американец Фукуяма). Суть её состоит в том, будто Западный мир во главе с США поднялся на самую вершину социальной эволюции, и выше подниматься уже некуда. И всему прочему человечеству не остаётся ничего другого, как стремиться к этому западно-американскому социальному идеалу, превзойти который ему не позволено даже теоретически¹. Между тем, в Западном обществе, утверждает А. Зиновьев, убеждённо моральный человек становится редким исключением, уклонением от общей нормы. Люди там не являются, а лишь выглядят моральными, и этого достаточно, поэтому там исчезает такое явление как угрызение совести. Потому там люди становятся чрезвычайно гибкими социальными хамелеонами. Человек, сделавший принципы морали основой своего поведения и неотъемлемым элементом своей природы, отмечает А. Зиновьев с горечью, там обречён на душевные страдания и на конфликты со средой. Если человек хочет добиться успеха, первое, что он должен сделать, это полностью очиститься от внутренней моральности и развить моральную мимирию, то есть способность использовать внешние формы морального поведения как средство сокрытия своей неморальной сущности и как средство поведения по законам коммунальности².

¹ См.: Зиновьев А. Глобализация есть новая мировая война // URL: <http://www.usinfo.ru/globalizacija3.htm> (дата обращения: 15. 05. 2011).

² См.: Зиновьев А. Запад. Феномен западнизма // URL: <http://www.reard.ru/aleksandr-zinovev-zapad-fenomen-zapadnizma.html> (дата обращения: 16. 05. 2011).

Один из ведущих идеологов «Нового Мирового Порядка» – З. Бжезинский в своей работе «Технотронная эра» предсказывал, что скоро станет возможным осуществление почти непрерывного контроля над каждым гражданином и вести постоянно обновляемые компьютерные файлы-досье, содержащие, помимо обычной информации, самые конфиденциальные подробности о состоянии здоровья и поведении каждого человека. Соответствующие государственные органы будут иметь мгновенный доступ к этим файлам. Власть будет сосредоточена в руках тех, кто контролирует информацию. Существующие органы власти будут заменены учреждениями по управлению предкризисными ситуациями, задачей которых будет упреждающее выявление возможных социальных кризисов и разработка программ управления этими кризисами. Это породит тенденции на несколько последующих десятилетий, которые приведут к Технотронной эре – диктатуре, при которой почти полностью будут упразднены существующие ныне политические процедуры. В «Технотронной эре» также упоминается о клонировании, возможности биохимического контроля над сознанием, генетических манипуляциях с людьми и «роботоидах», т.е. существах, которые действуют и даже рассуждают как люди, и внешне похожи на людей, но людьми не являются¹.

После завершения информационно-психологической войны, закончившейся разгромом и расчленением СССР, США в 1990-е годы вступили на путь установления тотального мирового господства. Они нанесли финансово-экономические и военные удары по целому ряду стран.

В наши дни правители США, выбравшие путь насилия, обрели неконтролируемую власть на планете. Осуществляется глобализация международных финансово-экономических и коммуникационно-информационных связей. США взимают дань с подавляющей части населения остального мира. Это, в частности, проценты по долгам, которые у ряда развивающихся стран намного превышают сумму годового национального дохода. Постепенно в глазах всё большего количества людей во всём мире США воспринимаются как носители мирового Зла, как угроза самому существованию людей и цивилизации в целом.

Определяющий момент современной ситуации состоит в том, что созданный сверхвысокий уровень жизни в США может сохраняться только благодаря прибыли, получаемой за счёт других стран. От внешнего притока невозможно отказаться, поскольку США уже не способны жить только за счёт внутренних

---

¹ URL: <http://www.rumormillnews.com/cgi-bin/archive.cgi?read=25388> (дата обращения: 16. 05. 2011).

ресурсов. Образно говоря, правительство демократов посадило США на иглу. Как государство-наркоман, США должны будут требовать в дальнейшем всё большей дани со всего остального мира, иначе – катастрофа¹.

В современном информационном пространстве активно обсуждается вопрос об осуществлении в масштабах планеты плана создания Единого Мирового Правительства, не связанного какими бы то ни было национальными или региональными интересами и находящегося в беспрекословном подчинении у авторов этого плана. Этот план проводится в жизнь под руководством чрезвычайно могущественной и влиятельной группы индивидуумов.

В состав группы входят многие из самых богатых людей мира, политические лидеры высших уровней и деловая элита. Их целью является установление полного и тотального контроля над каждым живущим на Земле человеком и уменьшение численности на 5,5 миллиардов человек.

В настоящее время существует ряд тайных обществ, имеющих колоссальное влияние на политические, экономические и социальные процессы в мировом масштабе. Однако, несмотря на их многообразие и кажущуюся самостоятельность, существует некая направляющая сила, задающая общее направление, общие тенденции, и подводящая весь мир к определённой цели.

Согласно свидетельству бывшего агента английской разведки МИ-6 Джона Колемана, такой силой является чрезвычайно могущественная группировка – Комитет 300. Главы правительств называют её «Волшебники», а сами себя они предпочитают называть олимпийцы, из чего можно заключить, какую роль в мире они себе отводят. В своей книге «Комитет 300. Тайны мирового правительства» доктор Дж. Колеман отмечает, что Комитет 300 является высшим слоем общества. В нынешний состав Комитета 300 входят не только аристократы, но и лидеры корпоративного бизнеса, владеющие основными финансовыми ресурсами планеты, хотя и не имеющие аристократического происхождения. В результате такого союза и образовалась данная группировка, влияние которой не сдерживают государственные границы. Комитет 300 недостижим для закона какой-либо страны и стоит над любым правительством. Ему подконтрольны сферы политики, религиозных движений, торговли, промышленности, банковского дела, страхования, торговли наркотиками и т.д. Особенностью этой организации является её невидимость. Она не имеет официального названия, но управляет мировыми процессами через мощные международные организации. Среди таковых –

---

¹ См.: Лисичкин В. А., Шелепин Л. А. Глобальная империя Зла // URL: http://www.patriotica.ru/enemy/lis_shel_imper.html (дата обращения: 17. 05. 2011).

НАТО, ООН, МВФ, Банк международных расчётов, Бильдербергский клуб, Трёхсторонняя комиссия и неисчислимое количество иных организаций.

По мнению Дж. Колемана, Комитет 300 базируется на идеях тайных обществ, в частности, иллюминатов, реализуя идею Нового Мирового Порядка на практике¹.

Человеком, сформулировавшим цели и задачи Нового Мирового Порядка, стал Адам Вейсхаупт (1748 – 1830). Именно он считается основателем Ордена современных иллюминатов. Следует отметить, что тайное общество иллюминатов известно ещё с XIV века. Однако А. Вейсхаупт использовал то же самое название («иллюминаты») для своего Ордена, задачи которого были сходными с задачами давно уже действовавших иллюминатов. Само слово «иллюминаты» переводится с латыни как «просветлённые». Согласно одной из существующих точек зрения, иллюминаты появились в Средневековье как тайное просветительское общество учёных, ведущих борьбу против преследований со стороны инквизиции. К числу иллюминатов относят и Леонардо да Винчи, и Галилео Галилея, и Николая Коперника, и Исаака Ньютона. Иногда можно встретить утверждения, что этот секретный орден учёных, хранящих тайные знания от простых смертных, существовал ещё во времена Античности.

А. Вейсхаупт в 1776 г. выработал перечень основных принципов, которые представляют собой пошаговую инструкцию о том, как организована конспирация в Ордене иллюминатов, и описывает их долгосрочные планы со времени основания Ордена.

Современный смысл этих принципов заключается в следующем.

1. (Пользоваться тем, что) в целом, люди более склонны к злу, чем к добру.
2. Проповедовать либерализм.
3. Использовать идею о свободе для провоцирования межклассовых войн.
4. Поскольку цели иллюминатов оправданны, для их достижения необходимо использовать абсолютно все средства.
5. Право на ложь является законным.
6. Наши ресурсы и их сила должны оставаться невидимыми до самого момента, когда они приобретут такую мощь, что уже никакая сила или козни не смогут подорвать их.
7. Отвлекать внимание толпы на основе её психологии с целью управления массами.

---

¹ Колеман Д. Комитет 300. Тайны мирового правительства // URL: <http://www.bookz.ru/authors/djon-koleman/colemanjhn01.html> (дата обращения: 10. 05. 2011).

8. Использовать алкоголь, наркотики, коррупцию и все социальные пороки для систематического разложения молодёжи.

9. Всеми способами захватывать собственность.

10. Пользоваться лозунгами вроде равенства, свободы, братства и вкладывать их в уста народных масс для ведения психологической войны.

11. Руководить ходом войн с тем, чтобы народы обеих воюющих сторон ещё больше увязали в долгах, и проводить мирные конференции таким образом, чтобы ни одна из противоборствующих сторон не получала территориальных прав.

12. Члены (Ордена иллюминатов) должны использовать своё богатство для того, чтобы к власти допускались такие кандидаты, которые будут послушными к их требованиям; они должны использоваться как пешки в закулисной игре. Их советники должны воспитываться и обучаться способам управления миром с детских лет.

13. Контролировать прессу.

14. После формирования травматических ситуаций должны появляться (наши) агенты и представляться спасителями народных масс.

15. Создавать промышленные кризисы и финансовую панику, безработицу, голод, нехватку продуктов питания и использовать это для управления массами или толпой с целью ликвидации всех тех, кто стоит (у нас) на пути.

16. Проникать в тайные масонские организации для использования их в целях иллюминатов.

17. Объяснять ценность систематического обмана, использовать высокопарные лозунги и фразы, а также давать щедрые обещания массам, несмотря на то, что они являются невыполнимыми.

18. Разрабатывать детальные планы по разрешению проблем, вести обсуждение правил уличной борьбы, необходимой для быстрого подчинения населения.

19. После окончания войн использовать (наших) агентов в качестве закулисных советников и применять тайную дипломатию для установления контроля (за воюющими сторонами).

20. Создавать огромные монополии, стремящиеся к управлению через мировое правительство.

21. Использовать высокие налоги и нечестную конкуренцию для разрушения экономики через захват сырьевых ресурсов. Организовывать недовольство в среде работников и субсидировать их конкурентов.

22. Разрабатывать боевые средства и формировать силы (полиции и солдат) для защиты наших интересов и потребностей в необходимой мере.

23. Лидеры и члены единого мирового правительства должны назначаться директорами.

24. Проникать во все классы и уровни общества и правительства с целью одурачивания, поражения и коррумпирования молодой части общества, обучая их теориям и принципам, которые, как мы знаем, являются ложными.

25. Национальное и международное законодательство нужно использовать для разрушения цивилизации, порабощения и управления людьми¹.

Современные иллюминаты представляют собой элитарный клуб тайно сплетённых между собой финансовых олигархов, контролирующих власть в мире по иерархическому принципу. Они-то и являются подлинными правителями во всех значимых областях социальной и политической жизни планеты. Это детально проработанная организация, включающая в себя людей, занимающих очень высокие посты. Они чрезвычайно богаты и стоят над законами государств.

В большинстве своём представители иллюминатов принадлежат к одной из 13 богатейших семей земного шара, и именно они являются теми, кто правит миром из-за кулис. Иллюминаты – «чёрная знать», те, кто принимает решения, кто пишет правила для президентов и правительств. Их родословная уходит корнями в глубь времён на многие тысячелетия, и они тщательно оберегают чистоту своей крови из поколения в поколение. Их власть основана на тайном знании и экономическом могуществе. Иллюминатам принадлежат международные банки, нефтяной бизнес, самые мощные производства и торговые организации. Их люди наводнили политические структуры и купили большинство правительств. Основой учения иллюминатов является оккультизм.

Конечной целью иллюминатов является создание единого мирового правительства и нового мирового порядка на основе единой безналичной электронно-денежной системы. Новый Мировой Порядок подразумевает стирание географических, экономических, культурных, религиозных и нравственных границ. Согласно данной концепции каждая личность общества должна быть унифицирована и представлять собой полностью контролируемый объект. В этом они чрезвычайно близки к влиятельному американско-британскому тайному обществу Комитет 300, которое следует рассматривать как составную часть более обширной иллюминатской системы.

---

¹ Манифест банкиров (1892 год), 25 принципов ордена иллюминатов (1776) и Новый Завет Сатаны // URL: <http://www.zagovor.jofo.ru/118901.html> (дата обращения: 25. 05. 2011).

Иллюминаты на протяжении столетий создавали дочерние тайные общества и организации, а также целые политические течения, среди которых были и иллюминаты А. Вейсхаупта, и филладельфы, и франкмасоны, и коммунисты, и фашисты. Каждый раз они ухитрялись менять власть в государствах, стравливать народы в кровопролитных войнах, вновь и вновь извлекая из этого сверхприбыли и продвигаясь к своей конечной цели – Новому Мировому Порядку.

К высшим уровням пирамиды иллюминатов относятся такие тайные комитеты как «Совет Трёх», «Совет Пяти», «Совет Семи», «Совет Девяти», «Совет Тринадцати», «Совет Тридцати Трёх», «Великий Совет Друидов», «Комитет Трёхсот», «Комитет Пятисот» и др.

На конференции Мирового форума в начале октября 1996 г. в Сан-Франциско была одобрена программа регулирования численности населения мира, проводимая Всемирным банком совместно с правительством США. Главная цель программы – обеспечить резкое снижение рождаемости в странах «третьего мира». Программа эта охватывает около 100 стран мира, предусматривая самые различные меры, вплоть до принудительной стерилизации мужчин и женщин. Было предложено такое решение экологической проблемы Земли: «Если мы урежем население земного шара на 90%, то не останется людей для того, чтобы наносить экологический ущерб». Предложение это было встречено бурными аплодисментами присутствующих.

Накануне выборов 1932 г. Адольф Гитлер обратился к народу Германии буквально с такими словами: «Если вы избере́те меня вождём этого народа, я установлю новый мировой порядок, который будет длиться тысячу лет». Сборник речей А. Гитлера, опубликованный на английском языке за границей, назывался соответственно: «Мой новый порядок»¹.

Новый Мировой Порядок – концепция мирового устройства, являющего собой отображение неокOLONиализма Запада и его сателлитов. Такая концепция Нового Мирового Порядка тесно связана с идеей мондиализма, так как согласно воззрениям сторонников этой теории в качестве так называемого «мирового правительства» будут посажены представители конгломерата самых богатых стран (богатых не потому, что богаты природными ресурсами, а богатых потому, что сумели подчинить себе всю мировую экономическую систему). Таким обра-

---

¹ Зарубин О. На пути к «Новому Мировому Порядку» // URL: <http://www.patriotica.ru/enemy/zarubin-parallel.htm> (дата обращения: 24. 05. 2011).

зом, Новый Мировой Порядок – это непосредственное внедрение в мировую практику и общественное сознание идей о том, что всё общество должно быть разделено на два класса – класс избранных и класс тех, кто обслуживает избранных. Оба класса должны состоять не более чем из 1 млрд. чел. (большего количества людей ресурсы планеты не выдержат), а остальное человечество должно быть «пущено в расход», как полностью нерентабельное или несоответствующее стандартам Нового Мирового Порядка.

К сожалению, приходится констатировать, что в последнее время реализация мейнстримного проекта «Новый Мировой Порядок» под прикрытием лозунгов об экспорте свободы и демократии, необходимости свержения диктаторских режимов в странах, входящих в «зоны предмодерна и модерна» набирает мощные обороты. Хорошо продуманные «ловушки демократии» собирают обильный «урожай» в ходе так называемых «революций» в Северной Африке. Лидеры тех стран, которые проявляют проницательность, мудрость и преданность своему народу, объявляются аутсайдерами, и против них под эгидой ООН развязывается война. Примером подлинного национального лидерства является глава Ливийской Джамахирии Муаммар Каддафи. Опираясь на поддержку своего народа, он бросил вызов алчной, лицемерной, бесчувственной (одним словом, морально невменяемой) финансовой, военной и политической «элите» Запада. В средствах массовой информации он объявляется «странным типом», ибо для коммерциализованной психологии западной «элиты», действительно, странно, как можно себя не продать на хороших условиях, сохранив себе жизнь.

У думающего человека, сохранившего совесть в условиях, когда всё продаётся и покупается, который понимает всю социопатологию, возникает вопрос: как жить и что делать?

Нам следует выказывать солидарность с теми, кто в существующих условиях, невзирая ни на что, не впадая в конформизм, продолжает оставаться настоящим Человеком – мужественным, справедливым, неподкупным, не идущим на сделку со своей совестью.

Следует понимать, что мировая элита, занимающаяся «промыиванием мозгов» через средства массовой информации, вырабатывает модель личности, для которой жизненными приоритетами являются сексуальные забавы, гипертрофированные материалистические ценности, а также созерцание сцен ожесточённой конкуренции, психологического и физического насилия. Поэтому необходимо исключать себя из этого поля патологических раздражителей.

Следует культивировать в себе творческое воображение, научиться аккумулировать жизненную энергию с тем, чтобы обладать внутренней силой противостоять негативным явлениям, более того, влиять на носителей этих явлений преобразующим образом.

Большую интеллектуальную и моральную поддержку можно получать от просмотра документальных фильмов таких режиссёров, как Аарон Руссо («Америка: от демократии к фашизму»), Алекса Джоунса («Конец игры»), Питера Джозефа («Дух времени» – 1, 2, 3 части) и других замечательных личностей. К счастью, современный Интернет (особенно площадка www.youtube.com) даёт возможность приобщиться к сообществу людей, которые разоблачают грязную игру мировой элиты, и призывают не становиться «бездумными и послушными овцами».

Следует занять активную жизненную позицию, не впадать в фатализм и перестать воспринимать зло как что-то неизбежно присущее жизни на Земле.

Развёрнутый в общественном сознании ажиотаж вокруг мрачных предсказаний относительно 2012 г. – это, на наш взгляд, попытка вызвать у людей чувство страха и тем самым деморализовать их и отвести внимание от подлинных устроителей мирового апокалипсиса. Обнадёживающим фактом является то, что в Западных странах крепнет движение активистов, объединённых борьбой за правду, не желающих становиться рабами Нового Мирового Порядка. Несмотря на скептическое к ним отношение, они занимаются просветительской работой на радио, телевидении, в прессе и Интернете.

В заключение приведу слова одной из активисток этого движения Бронте Бакстер: «Лучше быть высмеянным сегодня, но живым и свободным через десять лет, чем держать язык за зубами, вести себя, как ни в чём не бывало и в ближайшее время умереть или жить с микросхемой под кожей»¹.

Французский естествоиспытатель и мыслитель Ив Паккале написал в своей книге «Человечество исчезнет, скатертью дорожка» (2006), что человек – самое опасное животное на планете, подчинённое трём импульсам: размножению, захвату территории, захвату наибольшей власти в иерархии власти. Тем не менее, хочется верить, что всё-таки хотя бы отдельные представители человеческого рода способны выйти на более высокий уровень сознания и поведения.

---

¹Бакстер Б. Как мы можем свергнуть Новый Мировой Порядок // URL: http://www.nexusrus.com/index.php?option=com_content&task=view&id=31&Itemid=63 (дата обращения: 06. 06. 2011).

ДУХОВНОЕ ЗДОРОВЬЕ И ТАЙНЫ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ¹

Духовность и духовное здоровье

Духовность в западной, восточной и российской культурных традициях определяется как качество, наиболее глубоко отличающее человека от биологических видов животного мира. Определение духовности как *смысло-ценностного отношения* человека к миру позволяет говорить о её функционировании на двух взаимосвязанных и взаимообусловленных уровнях человеческой психики, на двух «этажах» нашего человеческого «я»: в сознании и сфере бессознательного (подсознания).

Среди многообразия ценностей бытия и человеческих отношений особое, кардинальное место занимает ценность самой жизни, условия её сохранения и развития. Принятие и признание человеком ценности жизни в качестве определяющей, субординирующей другие ценности в иерархии ценностных ориентаций субъектов социальной жизнедеятельности, дорожение ею, устремлённость к её защите и поддержке предопределяют положительную или *биофильскую* духовность. Биофилия понимается нами в широком, философском значении термина как любовь к жизни, её естественным проявлениям, дорожение ими и готовность к её защите от разрушения. Позитивная, биофильская духовность есть проявление неискажённой природы человека, его естественных, жизнеутверждающих природных инстинктов и интенций внутреннего мира (духа), главными из которых являются любовь и творчество. Ядром подлинно человеческой, биофильской духовности выступает нравственность – главное проявление силы личности и здоровья цивилизации. Нравственность – это альтруизм, ответственность, долг, честность, правдивость, человеческое достоинство. Духовная сила – исторически и психологически – это, прежде всего нравственная сила, все другие духовные силы либо «работают», укрепляют её, либо, напротив, ослабляют.

Э. Фромм, впервые употребивший понятия «биофилия» и её антипод – «некрофилию» в их философском значении, отмечал, что человек, не способный

---

¹ Данная статья написана Г. М. Конобеевым в продолжение темы, поднятой им в певом выпуске сборника научных статей DIXI-2010 (см.: Конобеев Г. М. Духовный труд личности: феномен, содержание, направленность // DIXI-2010... С.75 – 89).

творить жизнь, может её разрушить и в акте разрушения поставить себя над жизнью, что стремление к разрушению неизбежно возрастает, когда стремление к творчеству не может быть удовлетворено¹. Если биофильская позиция – это позиция жизнеутверждения, то противоположная ей *некрофильская* позиция – это позиция разрушения, позиция обедняющей редукции и реформаторства жизни, условий её сохранения и развития. Смысло-ценностной основой некрофилии, формирующей деструктивное духовно-психологическое и практическое мироотношение социального субъекта, выступают ценности доминирования (превосходства, преобладания) над другими людьми, насилия, разрушения и смерти.

Вопрос действительного развития человека и общества – это, прежде всего, вопрос о том, как мобилизовать, организовать и пополнять свои жизнеутверждающие духовные силы в борьбе с силами «трения» и тьмы во имя жизни и процветания, а не вопрос об уничтожении этих сил, поскольку болезни (как физические, так психические и духовные) и смерть неуничтожимы.

Способом утверждения и формой существования позитивной человеческой духовности является *духовный труд* – процесс жизнедеятельности, труд ума и души человека, направленный на пробуждение, использование и развитие его духовного потенциала. Под трудом в целом мы понимаем отдачу или затрату личностью или другими социальными субъектами своих внутренних физико-психо-духовных сил, в той или иной мере направляемых и корректируемых сознанием. Только духовно трудящийся социальный субъект (индивид, социальная общность, общество) может реализовать свои духовные способности и внутренние силы.

Выделяемые нами основные проявления – «лучи» человеческой духовности: нравственность, религиозность, стремление к истине, свободе, любовь, художественно-эстетическое отношение к миру, – переплетаясь в своих основаниях, порождают многообразие видов духовного и душевного труда. Сострадание, прощение, эстетическое, нравственное, религиозное воспарение над суетой обыденной жизни, муки творчества, страдание в борьбе за правду, справедливость и свободу, сохранение чести, родовой и фамильной гордости, верность дружбе, долг перед родителями и родиной – далеко не полный их перечень.

Развитие и углубление человеческой духовности как смысло-ценностного мироотношения может осуществляться только сознательно во взаимосвязанном процессе труда ума и души. Последние в духовном труде социального субъекта могут быть выделены лишь условно, поскольку в процессе функционирования

---

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 28 – 30.

целостной человеческой психики они тесно переплетены и друг без друга просто не могут существовать. Такие феномены, как любовь, поиск и постижение истины, благоговение человека перед красотой и жизнью, нравственное и религиозное чувство и отношение могли возникнуть и сопровождать культурно-историческое развитие человечества лишь как результат совместных и согласованных усилий ума и души человека.

Виды духовного труда социального субъекта есть формы проявления его внутренней, психо-духовной активности в выделяемых нами формах-«лучах» человеческой духовности. Ценности, лежащие в основе человеческой духовности и различных форм духовного труда, составляют костяк, становой хребет человеческой культуры, формируют фундамент социальных и индивидуальных смыслов, мотивов и целей конструктивной жизнедеятельности социальных субъектов, обосновывают политические программы, глубинную ориентацию права, государственных конституций и международных договоров, вдохновляют художников и поэтов, борцов за светлое будущее народов и человечества.

Духовным трудом поиска и утверждения истины выступают философское и научное познание, включающие в себя познание эмпирическое (получение информации с помощью органов чувств) и познание рационально-интуитивное, осуществляемое разумом и интуицией человека. Духовный труд поиска и утверждения истины не сводится к труду ума, он включает всестороннюю активность человеческой психики, в которой мышление занимает центральное место. Постигание истины невозможно без работы воображения, воли, эмоциональной сферы, что многократно подчёркивалось как учёными, так и художниками.

Необходимо отметить, что *религиозная духовность* и культура вовсе не лишены разумного, рационального начала, не отрицают необходимости труда ума социального субъекта, в противном случае они просто не нашли бы дорогу к умам людей. Подтверждением наличия рационального, «левополушарного» начала в религии является существование священных книг и текстов, излагающих религиозные каноны, а также её теоретико-познавательного русла – теологии или богословия. Последнее не сводится к прославлению религиозных ценностей и смыслов религиозного миропонимания, это своего рода наука, защищающая вероисповедание, наука толкования идей и символов религиозной традиции, культовых и организационных начал церкви. Религия чтит и уважает человеческий разум, но полагает его скорее комментатором и интерпретатором неисповедимых для человека велений высшего разума. Религиозный человек мыслит, но мыслит интуитивно, образно, мистически. Так называемый догматизм рели-

гиозного мышления служит сохранению высших религиозных ценностей и смыслов. Подлинно религиозное миропереживание и мироотношение, а не их суррогаты, такие как суеверие, мистицизм, фанатическое идолопоклонство, достигаются в результате упорного духовного труда и развития функций правого полушария мозга – интуиции, образного воображения, синтетического мышления.

Покаяние как духовный труд предполагает не только осознание личностью, группой или обществом предосудительности и пагубности допущенных оценок и действий, но и «сокрушение сердечное», то есть глубинное душевное переживание побудительных причин и тлетворных для себя и других следствий содеянного. Отсутствие, утрата культуры покаяния, на наш взгляд, сдерживает сегодня духовное и социокультурное развитие как российских граждан, так и общества в целом.

Прощение как духовный труд предполагает: 1) работу по осознанию социальным субъектом своего несовершенства, трудностей осуществления одухотворённой человеческой деятельности и социокультурного развития в мире творимого людьми зла и разрушения; 2) переживание с любовью отношения к другим людям как имеющим высокое духовное и земное творческое предназначение, но, возможно, не нашедшим внутренних сил и внешней поддержки для его осуществления.

Сострадание, близкое по форме духовного труда к прощению и часто выступающее его условием, предполагает постановку себя на место страдающего человека, а также эмпатию – чувствование чувств другого человека, сопереживание ему.

Покаяние, прощение и сострадание – вполне посильные для большинства людей формы духовного труда, предотвращающие духовное окоченение. Без их очищающего воздействия душа омрачается, внутренний мир человека может потерять свой духовный путеводный свет на жизненном пути, сердце как духовный орган ожесточается, разум становится озлобленным и циничным, совесть, устав взывать к разуму, отключается от своего духовного труда и впадает в своего рода кому и даже пожизненный летаргический сон. Человеческая деятельность в этом случае лишается возвышенного, творческого характера, что при разрастающихся масштабах обездуховления ведёт широкие слои населения, а иногда и целые народы, к обесчеловечению и одичанию.

Любовь, наряду с нравственностью, представляет собой центральную категорию и объяснительный феномен всей человеческой духовности, хотя объясне-

ние их самих вызывает немалые трудности. М. Мамардашвили писал: «Чтобы стремиться к добру, нужно уже быть добрым – другой причины нет. Именно поэтому сенсуалистские, прагматические обоснования морали или её обоснование на биологических теориях естественного отбора никогда не работали и не работают. Первый признак морали состоит в том, что моральные явления – причина самих себя. И тогда они моральны»¹. То же самое можно утверждать и в отношении любви.

В терминах любви можно определить все другие выделяемые нами формы или «лучи» человеческой духовности. Так, нравственность может быть определена как добро- и жизнелюбие, стремление человека к поиску и утверждению истины, как любовь к истине; художественно-эстетическое отношение человека к миру – как любовь к красоте; религиозность – как любовь к Богу; устремление к свободе и сохранению человеческого достоинства – как любовь к первому и второму.

Любовь, как правило, опирается на нравственность и не выступает разрушительной силой, но в отличие от нравственности она «живёт и дышит» не самодостаточным утверждением и культивированием моральных добродетелей: добра, справедливости, чести и др., – а своеобразным, доставляющим личности возвышенные, неповторимые переживания обменом жизненных сил и психодуховного состояния с другим, избранным ею субъектом или наделяемым сознательностью объектом внимания. Представить себе человечество утратившим любовь можно только в самой мрачной антиутопии, завершением которой будет лишь вечное царство тьмы – физической и духовной.

Признаком и следствием одухотворённой любви является духовное обогащение и развитие творческой индивидуальности любящих. Энергия любви – это энергия созидания и самосозидания, энергия, формирующая и совершенствующая человеческий талант и творческие способности. Все любящие люди по своему талантливы и, с другой стороны, за всяким состоявшимся дарованием и большим творческим успехом можно обнаружить любовь.

Духовный труд любви не сводится к её радостному ожиданию, умению дорожить её благом и следовать велению любящего сердца. Как естественное чувство и отношение *подлинной* личности, любовь есть культивирование высшей формы человеческого единства через уважение, внимание, заботу². Любовь, начисто лишённая разумного, рационального начала, также нежизнеспособна.

¹ Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 78 – 79.

² См.: Фромм Э. Искусство любить // Фромм Э. Душа человека. М., 1998. С. 84.

собна, как и любовь рассудочная, идущая от ума и лишь играющая на чувствах и побуждениях.

Художественно-эстетический труд социального субъекта выражается в двух основных формах: художественном творчестве и художественно-эстетическом восприятии мира. В последнем духовное содержание проникает в нас через совершенство формы (внешнее оформление), особенно значимое для искусства. Несовершенство формы художественного произведения нередко приводит к потере внутреннего во внешнем, к подмене художественного творчества формализмом.

Искусство перестаёт быть искусством, если некое теоретизирование, идейное содержание, не преломленное через соответствующую эстетическую форму, вторгается в ткань художественного произведения. Истина искусства – это, прежде всего, истина пробуждаемых и переживаемых человеком глубинных и властных эстетических чувств. Пробуждение, переживание и художественно-образное выражение этих чувств, главным образом, и представляет собой художественно-эстетический духовный поиск и труд, подкрепляемый и, в определённой степени, подготавливаемый работой ума – рациональной стороны эстетического сознания.

Духовный труд постижения и утверждения свободы проявляется в активности индивидуальной психики, однако, в его процессе речь идёт не только об индивидуальном понимании и достижении свободы. Свобода редко осмысливается людьми исключительно для себя (хотя такое понимание встречается достаточно часто), а представляется феноменом коллективной жизнедеятельности и социокультурного развития. Можно смело утверждать, что вся история человечества есть непрекращающаяся попытка постижения им свободы и попыток её утверждения в повседневной жизни. Специфику этого вида духовного труда составляет, во-первых, осмысление феномена свободы в соответствии с собственным индивидуальным жизненным опытом; во-вторых (и в главном), приведение представления о свободе в соответствие со сложившейся индивидуальной системой жизненных ценностей и смыслов, определение её места и значимости для жизни в этой системе; в-третьих, процесс формирования установок практической жизнедеятельности, вытекающих из двух предыдущих пунктов духовного труда. Результатом последнего станут практические действия индивида по реализации этого сформировавшегося смысло-ценностного отношения.

Категория «*духовное здоровье*» позволяет отделить позитивную (биофильскую) духовность от некрофильской – тлетворной и разрушительной для челове-

ка и общества. Вряд ли кому-нибудь придёт в голову назвать духовно здоровыми носителей преступного, аморального, аддиктивного и других видов деструктивного поведения. Эти виды поведения как раз и детерминируются в духовно-психологическом плане «духовным нездоровьем» личности, социальной группы, общества. Таких людей в словаре повседневности называют «больными на голову». Но психиатрическая экспертиза, пользующаяся лишь категорией психического нездоровья, зачастую в психике деструкторов отклонений не находит.

Условием существования духовного здоровья, как и духовности в целом, выступает духовный труд социального субъекта – личности, организации, общества; духовный труд в различных его формах, но, прежде всего, труд нравственный и труд любви как в наибольшей степени несущие и закрепляющие подлинно человеческое начало, а также – результативность этих видов труда, позволяющая говорить о сохранении и развитии человеческого в человеке.

По тому, в какой мере у человека утверждена и развита потребность в духовном труде, какое место этот труд занимает в его внутреннем мире, в оценках повседневности, в мотивации деятельности, и, в особенности, по степени настойчивости и продолжительности в осуществлении духовного труда можно говорить о мере (степени) духовного здоровья субъекта. Чем более интенсивные духовные нагрузки способен переносить субъект, не причиняя вреда своему целостному физико-психо-духовному организму, тем крепче его духовное здоровье. Также, в принципе, определяется и степень психического и физического здоровья по отношению к труду психики и способности к труду нашего физического тела.

Духовный труд и духовное здоровье человека не измеряются сегодня и не анализировались, как таковые, в прошлом. Да и о психическом здоровье обычные люди мало что знают и могут сказать. Они начинают о нём задумываться лишь в случаях достаточно серьёзных психических аномалий: невротозов, психозов, болезней «большой психиатрии» (олигофрения, шизофрения, маниакально-депрессивный психоз и др.). И это не удивительно, поскольку даже физическое здоровье начинает волновать большинство людей и общество в целом, главным образом, в случае серьёзных болезней, эпидемий, потери трудоспособности. Глубокие и обширные знания бурно развивавшейся в XX веке психологии незаслуженно не востребованы сегодня. Знания же духовной природы и духовного развития представляются большинству современников ненужной роскошью. Если это большинство полагает, что даже о его физическом здоровье должны заботиться официальная медицина и общество, то что можно сказать о куда более трудном понимании здоровья психического и духовного?!

Отчасти поэтому в России и многих других странах властителями и целителями душ оказываются, в лучшем случае, священнослужители, а в худшем – шарлатаны и проходимцы, выдающие себя за экстрасенсов, оккультистов, парапсихологов, которым чужд принцип подлинных целителей: «Не навреди». Образованный человек, пробуждённый духовно и нравственно, способен быть врачом самому себе, прежде всего, в плане профилактики болезней. Он предвидит пагубность как внешних, так и внутренних воздействий (собственных эмоций и мыслей) не только на своё тело, но и внутренний мир, воспринимает любое заболевание как нарушение в работе целостного организма, осознаёт, что всякая болезнь начинается с отклонений в энергоинформационном взаимодействии человека с миром и другими людьми, что она проявляется поначалу на самом тонком – духовном уровне этого взаимодействия. Следование ложным ценностям и смыслам, осуждаемым духовной (культурной) традицией и выявляемым в процессе беспристрастного анализа, есть допущение в свой внутренний мир духовной заразы, зла, способного прорасти чудовищными для здоровья и жизнедеятельности всходами. Духовный труд личности как труд ума и души человека – это всегда анализ своего поведения и складывающихся отношений с миром. Он проявляется либо как болезненное, тревожное (работа совести) состояние души и поиск ответов на состояние внутреннего разлада, либо как радостное переживание, воспарение души, соотносящей наши поступки с укоренёнными в глубинах подсознания ценностями и смыслами бытия.

Атрофия совести и омрачение ума и души человека делают такую работу неполноценной или невозможной. Человек далеко не всегда отдаёт себе отчёт в приобретённой им – навсегда или временно – духовной импотенции. А если он нечуток к себе и людям, не развил с детства культуру критического самоанализа, обладает самодурственным упрямством, привык не поддаваться оценкам, унижающим его самомнение, он теряет всякую возможность увидеть собственный духовный лик. И таких духовно невежественных людей сегодня очень много, если не большинство. Именно такие люди, не страшась ни Бога, ни дьявола, не обладающие никакими святынями, упрямо карабкаются на вершины властной пирамиды, не оглядываясь на последствия своих действий для себя и других. Бездуховные и антидуховные политические лидеры, вдохновляемые алчностью, распалюющие свой эгоизм в борьбе за власть и связанными с ней привилегиями, становятся диктаторами, манипуляторами, зачинщиками войн, как межгосударственных, так и гражданских, обрекают миллионы людей на нужду, страдания и смерть.

В обществе всегда находятся люди, способные предвидеть появление подобных бесчеловечных лидеров, их превращение в вершителей трагических судеб стран и народов. Они ставят им верный диагноз уже на духовном уровне, отмечая эгоцентризм, властолюбие, бесчеловечность, иезуитскую изворотливость в борьбе за власть. Но эти люди не в силах остановить возвышение будущих демонов тьмы, потому что не они принимают ответственные политические решения, и не им принадлежат рупоры средств массовой информации.

Некрофилизация – процесс утраты духовного здоровья

Вытеснение естественно формирующейся биофильской духовности личности, социальных и культурно-исторических общностей духовностью некрофильской можно назвать процессом *некрофилизации* человеческой духовности и культуры, а значит и социокультурной жизни в целом, если масштабы этого процесса достигают определённой «критической массы» и захватывают центры управления социальными отношениями. Термин «некрофилизация» представляется нам более предпочтительным в сравнении с близкими ему понятиями «вырождение», «деградация» или «мутация», прежде всего, потому, что чётко указывает на коренную причину происходящих деструктивных перемен в человеке и обществе – перерождение духовности, человеческих ценностей и смыслов и обусловленной ими мотивации деятельности.

Некрофилизация воплощает процесс запрограммированного, хотя и не очевидного поначалу, саморазрушения человека и формируемых им социальных общностей и институтов: сначала духовного, затем психофизического и социального, она трансформирует состояние ума и души человека, порождает безмыслие и бездуховность, установки и тенденции девиантного и деструктивного поведения населения. Игнорируя и ниспровергая биофильские, высшие смыслы человеческого существования и планетарно-космического предназначения *homo sapiens*, некрофилизация превращает человека в полуживотное, разум и душа которого погружены в летаргический сон самодовольства и оупения, или, напротив, вечно недовольное собой и миром невротическое, полуавтоматическое существо. Подвергшийся некрофилизации индивид не в состоянии ощутить себя субъектом собственной и социальной жизнедеятельности, хозяином своей жизни и своей страны. Он прекращает быть субъектом социального действия и политики даже потенциально. Гармонии труда ума и труда души, жизнеутверждающего баланса рационального и эмоционально-интуитивного начал в духовном труде

миллионов нет в некрофилизованной культуре ни Запада, ни России. Некрофилизованные культуры становятся обезчеловеченными.

Номенклатура: социальное положение и духовный облик

Властные структуры и центры политической власти являются «реакторами» некрофилогенной мутации обществ *политического типа*, к каковым относится и Россия. Это связано со спецификой власти как социокультурного феномена: её предназначением, возможностями использования, особенностями функционирования в зависимости от типа политического устройства, восприятием различными слоями населения.

Именно обладание властью позволяет властолюбивым, эгоцентричным натурам подчинять себе других людей и контролировать их поведение. Если не принимать во внимание врождённые патологии, то можно утверждать вслед за Э. Фроммом, что люди от рождения физически, психически и духовно здоровые, становятся искалеченными и больными только под тлетворным воздействием тех, кто хочет осуществлять над ними полный контроль, ненавидит жизнь и не переносит звуков радостного смеха. «Чем больше правящая группа может психически искалечить подвластных ей людей, – пишет философ, – тем легче ей эксплуатировать их для ускорения достижения своих целей»¹. Суть в том, что сильная личность может дать отпор, а слабая у власть имущих вызывает жалость.

Может ли политическая власть, стремящаяся к контролю всех сфер общественной жизнедеятельности, осуществлять ещё и функции самоконтроля? Выстраданный историей ответ на этот вопрос один – не может. Механизмы обратной связи в сферах управления и политики, используемые в социальной самоорганизации, их тип зависят от характера общества, прежде всего, от того, каким оно является по способу самоорганизации – открытым или закрытым. Практика показывает, что эффективный контроль за властью и её субъектами возможен лишь в открытом, демократическом обществе. Конструктивные или деструктивные процессы в самоорганизации, функционировании и развитии общества и человека разворачиваются в зависимости от решения этой центральной социокультурной задачи.

Главным деструктивным феноменом, порождающим клубок практически неразрешимых противоречий в функционировании закрытых обществ является *коррупция*. По сути, это главная форма некромутации власти, раковая опухоль социального организма, дающая метастазы во всех его подсистемах и связях с

---

¹ Фромм Э. Человеческая ситуация. М., 1995. С. 199.

внешним миром. Анализ коррупции как вида антисоциальной, преступной деятельности и антикультуры предполагает системный междисциплинарный подход. Связано это с тем, что речь идёт о некрофилогенном поражении и болезни целостного социокультурного организма, уязвлённого в самое сердце – властно-управленческий центр, определяющий функционирование всех других сфер общества, от экономики до системы образования и от международной политики до психологии и менталитета народонаселения.

Определяя коррупцию как противозаконную деятельность носителей и охранителей законной власти, использующих своё служебное положение, данную им власть для личного или группового обогащения, прежде всего, подчеркнём, что данная проблема – это не только центральная проблема функционирования и развития политической и правовой систем общества, но и социокультурного (цивилизационного) развития страны и нации в целом, оказывающихся, рано или поздно, в ситуации общенационального кризиса. Если эффективно не противостоять коррупции, такой кризис становится неизбежным.

Созревание условий социетального кризиса, возрастание его масштабов и неэффективное противостояние коррупции характеризуют Россию уже на протяжении многих веков. И это не случайно. Болезнь коррупции подготавливается всей субъект-объектной культурой российского общества, но, главным образом, культурным уровнем и духовностью народа, из которого по утвердившимся в обществе правилам политической игры рекрутируется управленческий аппарат в Центре и на местах.

Управленцы и правоохранители генетически – плоть от плоти своего народа. Между теми и другими существует определённое культурное и функциональное единство, однако это единство нарушается и извращается процессом некрофилизации, порождаемым желанием власть имущих быть бесконтрольными распорядителями и потребителями общенациональных благ и достижений. Этот процесс развивается во всех типах обществ, но наиболее динамично – в закрытых, где "непрозрачность" власти позволяет некрофилизированным личностям и группировкам безмерно обогащаться за счёт труда и политического бездействия основной массы населения, ущемляя тем самым общенациональные интересы и перспективы развития.

О том, насколько хорошо правящий класс руководит обществом, как отмечает М. Восленский, можно судить по материальной и духовной жизни людей, уровню их жизни, степени свободы, а также по тому, действует ли этот класс в

интересах всего общества или правит для удовлетворения собственного властолюбия и благосостояния, наперекор этим интересам¹.

Советская и российская правящие элиты (номенклатура) всегда были озабочены, прежде всего, сохранением себя во власти и воспроизводством в новых исторических условиях сложившейся более тысячи лет назад, со времён Киевской Руси, системы властвования, уделяющей народу роль «человеческого фактора», а по сути дела, «рабочей скотины», которая едва сводит концы с концами. И как бы эта система ни называлась: феодальный крепостной строй, капитализм, социализм – её центральными элементами остаются сохранение привилегий номенклатуры, несвобода основной массы населения и социальное неравенство. Главными государственными преступлениями такая система полагает покушение на её властно-распорядительные устои, попытку осмыслить и изменить сложившиеся, более феодальные, по своей сути, социально-экономические и политические отношения. Насилие, ложь и страх выступают единственно приемлемыми средствами сохранения такой административно-командной системы властвования. Ни о каком правовом государстве, гражданском обществе и демократизации страны не может быть и речи, пока власть предрержащие, правя насильем и обманом, будут воспроизводить подобную официально не декларируемую идеологию властвования и функционирования общества.

Современная российская номенклатура по-прежнему направляет свои основные усилия на противостояние с изверившимся и нищающим (материально и духовно) народом. А страна в это время окончательно превращается в сырьевой придаток глобализирующегося Запада, где, кстати, общество и власть пребывают, пусть, в прерываемом временами острым классовым противостоянием, но относительном единстве друг с другом и своей культурно-национальной почвой.

Общественное бытие номенклатуры как диктаторски господствующего, эксплуататорского, привилегированного и паразитического класса, как отмечает М. Восленский, полностью определяет его сознание. Мораль номенклатуры сформирована её «отцами» – В. И. Лениным и И. В. Сталиным. В. И. Ленин в своё время «нравственно» наставлял комсомольцев: «Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем...», «...нравственность – это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата»². И. В. Сталин

---

¹ Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 491.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 309, 311.

теоретизировал меньше, зато показал всему миру, что означает для него эта новая мораль.

Духовно-психологический облик номенклатуры

Социальная психология советской номенклатуры не пролетарская, как отмечает М. Восленский, а, по преимуществу, крестьянско-мещанская, точнее – кулацкая. Речь идёт не об идеализированном типе кулака как спором на работу крестьянине, а прижимистом кулаке-мироёде с мёртвой хваткой, стремлением взнуздать батраков и самому любой ценой выбиться в люди.

Карьеризм – главная психологическая черта всех номенклатурщиков, основной признак их классового мышления. Карьеризм стал важнейшим (хотя и негласным) критерием подбора номенклатурных кадров¹.

М. Восленский отмечает также постоянное *чувство одиночества*, характерное для представителей номенклатуры. Каждый из них отдаёт себе отчёт в том, что именно собратья по классу являются самыми опасными его соперниками. Они поддерживают его лишь до тех пор, пока это в их интересах, и с превеликим удовольствием вышвырнут из номенклатуры, как только перестанут в нём нуждаться. Номенклатурщик, привычно разглагольствующий о «волчьих законах капитализма», ощущает себя волком в стае волков, хотя и среди своих, но одиноким и в постоянной опасности. Надо полагать, подобные переживания испытывают члены бандформирований, головорезы-наёмники, собранные в один отряд, и другие некрофилизованные социальные типы.

Духовно-интеллектуальный облик советского номенклатурщика в своё время хорошо отделил Р. Медведев, приводящий наблюдения К. Паустовского: «Они проявляли враждебность ко всему, кроме своего положения, они поражали своим невежеством... Эти хищники, собственники, циники и мракобесы откровенно, не боясь и не стесняясь, вели антисемитские речи, как истые гитлеровцы... Обстановка приучила их смотреть на народ как на навоз, удобряющий их карьеру»².

М. Восленский справедливо называет номенклатуру деклассированным классом, подчёркивая как её разрыв с делегируемыми в неё перерожденцами, так и презрительно-уничтожительное отношение к трудящимся, месту и образу их жизни. Неофиты номенклатуры с антипатией и насмешливым презрением относятся к классу, прах которого отряхнули со своих ног. «Враждебная отрешён-

¹ См.: Восленский М. С. Указ. соч. С. 125.

² Цит. по: Восленский М. С. Указ. соч. С. 144.

ность от своей прежней социальной среды, – пишет М. Восленский, – характерная психологическая черта номенклатурных чинов. Никакие они не «представители»: вскарабкавшись на номенклатурную лестницу, они представляют только самих себя». Также учёный отмечает, что всё общество, в котором правит номенклатура, опутано клейкими тенетами номенклатурной лжи. Разорвать их хоть где-нибудь нельзя – номенклатура как гигантский паук сразу же набросится на вас. Все, от яслей до гроба, должны повторять казённую неправду, восхвалять «партию», как именуется в официальной пропаганде этот класс¹.

Мало кому придёт в голову отнести политиков, чиновничество, а тем более, номенклатуру, к интеллигенции. А ведь это люди с высшим образованием, многие со степенями кандидатов и докторов наук. Советская номенклатура, костяк которой составила полуинтеллигенция, «образованщина» (интеллигенция по форме, а не по духу), со времён В. И. Ленина, по большей части – антипод интеллигенции и интеллигентности в их традиционном российском понимании. Данное явление было обусловлено как духовно-психологически, так и исторически. Революционное возмездие царскому строю со стороны новой советской власти, наряду с «буржуазией», госслужащими (старым чиновничеством), священством и проч., было направлено также против интеллигенции, в целом не принявшей идей и преобразований большевиков. Ещё в 1918 г. И. Бунин отмечал, что «полуобразованные» (большевики), «дробя черепа интеллигенции», за помощью обращались к народу, специфической его части: «И вот из этой-то Руси, издревле славной своей антисоциальностью, антигосударственностью, давшей столько «удалых разбойников», Васек Буслаевых, не веривших «ни в чох, ни в сон», столько юродивых, бродяг, бегунов, а потом хитровцев, босяков, вот из той Руси, из её худших элементов и вербовали социальные реформаторы красу, гордость и надежду социальной революции»².

Неприятие и преследование таланта – давняя традиция советской номенклатуры. Чем он раздражает власть, понять не трудно. Прежде всего, своей независимостью, самостоятельностью мышления, чувством собственного достоинства, умением защитить своё миропонимание в опоре на знания, логику, подлинность и глубину убеждений. При всём том, призывы к творчеству и преобразованию старого мира прошли через весь период советской истории и завершились перестройкой – возвращением в «мировую цивилизацию». Но какого рода творчество предполагала, осуществляла и культивировала советская номенкла-

---

¹ Там же. С. 510.

² Бунин И. Ещё об итогах. М., 1997. С. 97.

тура? Не творчество в подлинном смысле этого слова, а по большей части бездумное исполнительство принятых наверху решений как норму социальной жизнедеятельности. В суть этого вопроса необходимо вникнуть во всей глубине, иначе подобного рода «творчество» может ожидать страну и в дальнейшем, пока сохраняется для него материал – природные и человеческие ресурсы.

Нужна ли номенклатуре идеология?

М. Восленский задаёт вопрос – а зачем вообще нужна номенклатуре идеология, столь упорно насаждаемая ею в СССР и других странах социализма? Затем, даёт он ответ, чтобы *внушить народу, что он должен делать*. Аргументы при этом приводятся фальшивые, а требования предъявляются реальные, соответствующие её действительным целям. Советская идеология – не пустая болтовня, как считали многие на Западе и в СССР. Во многих отношениях она представляла собой облечённые в пропагандистскую форму подлинные стремления номенклатурного класса.

Номенклатура хочет обезопасить свою власть и сладкую жизнь от народа, которого чуждается и страшится. Необходимость скрыть это желание толкает её к словоизлияниям о «нерушимом единстве партии и народа», «руководящей и направляющей роли партии». Инакомыслящие же изображаются морально разложившимися, купленными империализмом типами. Как эксплуататорский класс, номенклатура хочет, чтобы трудящиеся работали на неё больше и лучше. Поэтому она ведёт рассуждения о том, что надо-де трудиться с целью наполнить чашу коммунистического изобилия, что трудящиеся «работают на себя» и должны развивать в себе «чувство хозяина».

Идеология класса номенклатуры, подводит итог М. Восленский, – это сфабрикованная ещё господствующим классом феодального общества охранительная идеология великодержавности, пересыпанная марксистскими терминами и включающая в себя ряд отдельных тезисов К. Маркса и В.И. Ленина. За этой идеологией скрываются классовые интересы номенклатуры, жаждущей сохранить своё господство и привилегии, не допустить развития в СССР демократии, восторжествовавшей в малых странах Восточной Европы¹.

Классовая мораль номенклатуры распространилась в подвластном ей обществе. Как отмечает М. Восленский, исследования советских социологов 1920-х годов показали быстрое возрастание среди населения чёрствости, жесто-

---

¹ Восленский М. С. Указ. соч. С. 410.

кости, циничного эгоизма и карьеризма. Отмеченные в исследованиях явления легко объяснимы с марксистской позиции, правильность которой в данном вопросе вряд ли кто-то будет оспаривать. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила»¹.

Номенклатурная пропаганда тесно связана с террором. Если кто-нибудь усомнится в правильности идеологической формулы или будет говорить что-нибудь отличное от неё, его не убеждают, а наказывают. Истребив, в соответствии с волей номенклатуры, ленинскую гвардию, И. В. Сталин оставил за собой право и в дальнейшем уничтожать любого, независимо от его принадлежности к номенклатуре. За недонесение полагалось наказание по закону, но номенклатура старалась воспитать из всего населения страны идейных, убеждённых и не останавливающихся ни перед чем доносчиков. Террор – не только применение расстрела. В советских лагерях (колониях) об этом и речи нет, но заключённые работают, даже наиболее мужественные из них, как работали В. Буковский или А. Марченко². Наказание убеждает, разумеется, не в правоте номенклатурных установок, а в том, что им надо поддакивать: «С волками жить – по-волчьи выть».

Описывая одно за другим преступления ЧК – ГПУ – НКВД – МГБ – КГБ, многие авторы вольно или невольно создают впечатление, что «органы» – скопище дьяволов, некая мистическая сила. Между тем, как подчёркивает М. Восленский, это не так. КГБ – не пандемоний³, а *номенклатурное учреждение*. Сотрудники «органов» – это типичные высокооплачиваемые чиновники, очень держащиеся за свои места и старающиеся выслужиться. Они по-военному точны и беспрекословно послушны начальству.

Мыслят они, однако, не научно-логически, а психологизированными категориями профессионального полицейского мышления. Аксиоматика такого мышления состоит в том, что ни одному слову человека верить нельзя: никаких убеждений, кроме стремления получше устроиться в жизни, у людей нет и быть не может, для осуществления же такого стремления каждый готов на всё. По-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 45.

² В. Буковский – известный советский диссидент. А. Марченко – правозащитник и самый известный писатель самиздата, прошедший Мордовские лагеря, Владимирскую тюрьму, ссылку, Чистопольскую тюрьму и многое другое. Во время последнего срока в декабре 1986 г., после четырёхмесячной голодовки А. Марченко умер в возрасте сорока восьми лет.

³ Пандемоний – место сборища злых духов в греческой мифологии.

этому диссидентов они искренне считали жуликами или психически ненормальными.

Каковы политические взгляды сотрудников КГБ? Может быть, они идейные сталинисты, не смотря на то что культ личности Сталина был осуждён после его смерти Н. С. Хрущёвым? Не совсем так. Скорее, как отмечает М. Восленский, они были панически консервативными: весь смысл их службы состоял в том, чтобы препятствовать даже малейшим сдвигам в советском обществе в сторону либерализма. Сознawali ли они, что делали грязную работу? Да, но каких-либо душевных конфликтов в связи с этим у них не замечено. Защиту власти и привилегий своего класса они считали делом жизненно необходимым, методы же внутренне оправдывали уверенностью в том, что все люди – свиньи. Остатки сомнений затапывали культивируемым в их среде кастовым духом, чувством своего превосходства и значительности, официально поддерживаемой мифологией чекистского героизма, беспощадности к врагу, преданности народу (или власти?) и прочих эсэсовских добродетелей. Именно эсэсовских, как подчёркивает М. Восленский. Вся эта идеология полностью уместается в известную гимлеровскую формулу: «Наша честь называется верностью». Как известно, в странах, освободившихся от фашизма, честь называется честью.

Российская правящая элита – неономенклатура

Как отмечает современный российский учёный А. С. Панарин, на постсоветском пространстве вновь торжествует логика силы в противовес логике целесообразности. Советская партийная номенклатура, пользуясь своими властными возможностями, в качестве единственной организованной общественной силы узурпировала реформационный процесс, установила монополию мафиозно-спекулятивного капитала, разрушившую все производительные силы страны в угоду своим интересам¹.

Современная правящая элита России – плод симбиоза советской (по своему происхождению) номенклатуры и современной западной (по статусной ориентации) элиты. Этим, возможно, определяется её главное качественное своеобразие.

Процесс формирования постсоветской российской элиты представляет особый интерес в связи с тем, что перестройка и декларируемое поначалу «обновление социализма», его демократизация подавались официально как социальное творчество новых по духу лидеров, борцов с застоем и бесчеловечностью адми-

---

¹ Панарин А. С. Политология. М., 2004. С. 24.

нистративно-командной системы. На самом деле советская номенклатура просто сбросила с себя стеснявшие её действия облачения в виде социально-политических отношений и экономического строя, социальных норм и идеологии, поскольку при Советах и в соответствии с сохранявшимися смысло-ценностными установками того строя, как бы исподволь корректируемыми в целом здоровым нравственным сознанием народа и лучших его выразителей среди советской интеллигенции и СМИ, номенклатура систематически «подставлялась» под огонь критики и насмешек¹.

Для удовлетворения растущих appetитов, разжигаемых образом жизни миллиардеров Запада, советской номенклатуре нужен был иной строй, при котором можно было властвовать во всю ширь русской необъятной души, открыто казнить и миловать. Образец этого строя, скорректированный под российскую «отсталость», позаимствовали у самых демократических стран мира – вчерашних (да и нынешних, по сути дела) идейных и политических врагов – стран Запада. Замысел был прост и по-некрофильски гениален: использовать как прикрытие наработанную веками в неповторимых условиях Западного этноценоза духовность, породившую на определённом этапе эволюции Западную цивилизацию и соответствующую ей политическую культуру. Расчёт был сделан на то, что на российской культурно-национальной почве этот «имплантант» не приживётся, и в замутнённой ситуации несоответствия слова и дела можно будет «пером и шпагой» утвердить нужный номенклатуре порядок. Слова-призывы к демократии, правовому государству, равенству возможностей, честной конкурентной борьбе и т.д. возымели своё действие, подобно тому, как в годы Великой французской революции призывы молодой, созидательной буржуазии к свободе, равенству и братству. Народ и незакалённая в идеологических и, тем более, политических боях интеллигенция поверили сначала в обновлённый, демократизированный социализм, затем, при смене лозунгов, в правовое социальное государство, что развязало руки номенклатурным перестройщикам, их наймитам и их союзнику – криминалитету, проникшему во все сферы российского общества.

---

¹ Российская духовность спасала себя от некрофилизации и вырождения анекдотами. Достаточно вспомнить байки о Н. С. Хрущёве и Л. И. Брежнев, которые чуть ли не взахлёб рассказывала вся страна, чтобы убедиться в их неслучайности и социальной значимости для сохранения народом нравственного здоровья и самоуважения. Иностранцы, как показывает практика, российских политических анекдотов просто не понимают, сказывается чуждый менталитет. Чтобы понять наш специфический юмор, следует если не родиться, то хотя бы не один год прожить в стране Советов не прикормышем власти и приспособленцем, а уважающим себя честным тружеником.

Вместо «грабь награбленное» периода Октябрьской революции утвердился лозунг новой номенклатурно-криминальной революции – «грабь ничейное»¹.

«Архитекторы» российской революции конца XX – начала XXI веков не проводили коллективизацию и индустриализацию – социальное созидание в их планах вообще не предусматривалось. А вот культурная, точнее антикультурная революция была им крайне необходима для прикрытия своих истинных намерений и дальнейшего, по возможности бесконфликтного управления переделом и развалом страны. Как утверждает пословица, «ломать – не строить»: снизить уровень культурных запросов и духовной пищи миллионов, осуществить в массовом сознании переоценку ценностей в сторону их занижения в условиях обнищания основной массы населения и не сразу понятого шкурничества и предательства верхов, оказалось делом нескольких лет, тех самых лет, в течение которых «приватизаторы» сколотили себе многомиллионные состояния.

Как отмечают исследователи, начиная с 1993 г. и по настоящее время практически все ключевые посты на федеральном и региональном уровнях занимают представители бывшей советской номенклатуры. По сути, в 1991 г. произошла не смена элит, а смена вывесок². «Значительная часть постсоветской элиты, – отмечает Г. Ашин, – это партийные и комсомольские работники, как правило, второго и третьего эшелонов, сумевшие использовать карьеру и с лёгкостью сменившие свои убеждения, часто теневики, ныне легализовавшие себя, порой это люди с уголовным прошлым»³. По мнению Б. И. Зеленко, одной из особенностей демократического транзита в России стало сохранение у власти ключевых групп советского правящего класса. В роли признанного участника демократического процесса старый номенклатурный класс стал одним из центральных компонентов новой российской политической системы и смог участвовать в борьбе за власть по демократическим правилам⁴. Отчасти в силу этого, пишет А. Ю. Мельвиль, «транзит в России стал не столько радикальным разрывом с прошлой советской системой, сколько её специфической метаморфозой, в результате которой под лозунгами демократии и антикоммунизма фактически бы-

¹ Действительно, только сумасшедшему, какому-нибудь «блаженному аутисту с непредсказуемым будущим» может прийти в голову считать многонациональный советский и постсоветский народ собственником. Он им никогда не был и на достигнутом уровне духовного развития и политической культуры не сможет быть.

² Корольков Н., Цветкова Е., Фролов С. Обладает ли российская элита созидательным потенциалом? // Власть. 2005. № 7. С. 79.

³ Ашин Г. О понятии «элита» и не только // Власть. 2005. № 11. С. 45.

⁴ Зеленко Б. И. Демократия и современная Россия: непростое сочетание // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 7.

ло сохранено ядро номенклатуры в рамках обновлённого правящего класса, включившего в себя как старые кадры партийных и хозяйственных прагматиков, так и новых карьерных профессионалов из демократических рядов... Этот обновлённый правящий класс удержал власть и приобрёл собственность, выйдя в главные призёры масштабного закрепления в фактически частное и/или акционированное владение прежде государственной собственности. В результате в основе формирующейся в России олигархической... политической системы и оказались основные корпоративные группы интересов. При этом массовые интересы по-прежнему плохо артикулируются и не имеют адекватной политической репрезентации»¹.

*Преодоление раскола российского этноценоза
и революция сознания*

Действительное коренное изменение, а не номенклатурная перестройка созданного в СССР «номенклатурного феодализма» (М. Восленский), возможна лишь при верной философской и социологической оценке фундамента российской цивилизации. Этим фундаментом, по нашему представлению, является российский *этноценоз* – сложившееся на территории проживания российского этноса жизнеутверждающее системообразующее единство *народонаселения* (российского суперэтноса), *природно-географической среды* его формирования и обитания и созданной им *культурно-национальной почвы* (общенациональной культуры). Термин «этноценоз» в своё время предложил Л. Н. Гумилёв как понятие, аналогичное понятию «биоценоз» в биологии (предельно масштабная системообразующая форма организации жизни на планете). Этноценоз характеризует наиболее крупную структурную единицу жизнедеятельности человечества, существующую исторически и, видимо, во всей обозримой перспективе его цивилизованного развития в форме этнической самоорганизации. Если биоценоз – системно-функциональное сосуществование различных форм органической жизни и среды их обитания, обеспечивающее их жизнедеятельность и дальнейшую эволюцию, то этноценоз – феномен, относящийся к сфере сознательно осуществляющего свою жизнедеятельность социализированного человека² (см. рисунок 1).

¹ Мельвиль А. Ю. Демократический транзит в Россию – сущностная неопределённость процесса и его результатов // Альманах «Космополис». М., 1997. С. 65.

² См.: Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 93.

Под культурно-национальной почвой мы понимаем выработанный каждым народом в процессе его исторического формирования и развития социокультурный комплекс традиций, особенностей национального (прежде всего, народного) менталитета и духовности, связанных с исторически сложившимися способами хозяйствования и организационно-управленческой деятельности. Культурно-национальная почва, сформировавшись под воздействием природно-климатических, исторических, а, возможно, и доисторических эволюционных факторов, обладает впечатляющей самовоспроизводящейся и труднообъяснимой временной устойчивостью. Более того, устойчивость сформированных на данной почве ценностных ориентаций и смысловых предпочтений, черт и особенностей национального характера, менталитета, самосознания народов объясняет многие особенности их исторической эволюции. Культурно-национальная почва – это то, что сделало человека человеком именно данного социокультурного типа, например, русского русским, а китайца китайцем, то, что не позволяет им превратиться, например, в американцев, даже если они будут продолжительно проживать на территории США.

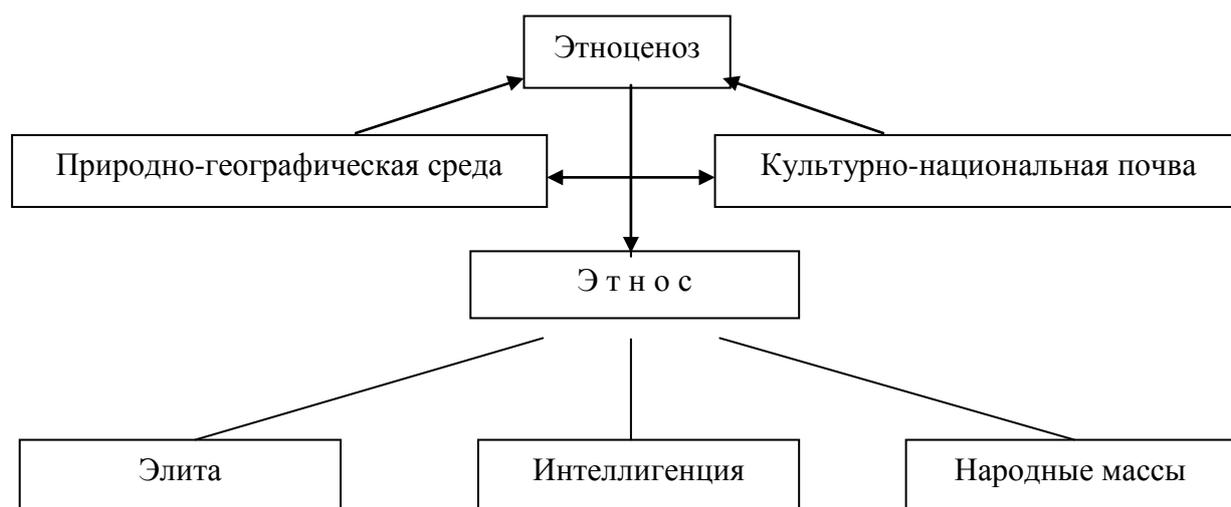

Рисунок 1. Структура этноценоза

Этноценоз претерпевает раскол, ведущий к деформациям, застою и гибели цивилизации тогда, когда его активно-деятельное начало – народонаселение (этнос) утрачивает глубинную связь как с природно-географической средой своего обитания, так и созданной им культурно-национальной почвой.

Связующим звеном 3-х элементов этноценоза выступает национальная духовность (зачастую, как в России, выражающаяся в виде национальной идеи) – система ценностей и смыслов, закреплённых традицией и историческим опытом этноса. Именно национальная духовность, с одной стороны, составляет ядро национальной культуры, а с другой – выступает фундаментом национального

сознания и самосознания народонаселения. Национальная духовность имеет тесные генетические и закрепляемые национальной культурой связи с природно-географической средой формирования и обитания этноса.

Утрата духовного единства этноса, сначала духовный, а затем и социально-политический раскол и противостояние основных слоёв населения провоцируют раскол этноценоза. В России это явление резко обозначилось во время правления Петра I. Оно началось с раскола российской элиты и интеллигенции на «западников» и «славянофилов». Их противостояние продолжается и сейчас, приобретающая характер безнадежно неразрешимой национальной задачи-традиции.

В настоящее время 3 основных слоя российского народонаселения, впрягшиеся в возросшую российскую цивилизацию, в их взаимоотношениях друг с другом напоминают персонажей известной басни И. А. Крылова «Лебедь, рак и щука». По моему глубокому убеждению, национальное единство россиян может быть достигнуто лишь при условии возврата к их культурно-национальной почве и возрождения национальной духовности – национальной идеи, способной объединить всю страну.

Тайна России – тайна российской власти

Ответить на вопрос – почему в постмонархической России (а зачастую также и при царях) традиционно утверждается не власть лучших (меритократия), а власть недостойных, изворотливых и циничных дельцов от политики, значит, понять не одну только тайну российской власти. Эта «тайна» – лишь часть правды, с которой «сопряжены» и другие: тайна российского народа («тайна русской души» относится по большей части как раз к «тайне народа»), тайна российской интеллигенции и тайна русской земли (цивилизации) в целом. В действительности, то, что называют «тайнами России» – сложные и зачастую сознательно (идеологически) запутываемые вопросы своеобразия российской духовности, культуры и социокультурного развития общества и человека.

Западным исследователям для раскрытия этих «тайн» не достаёт, на мой взгляд, прежде всего, понимания своеобразия российского менталитета и духовности (они просто становятся в тупик перед «вывертами» российской политики и истории), а отчасти – исторического и фактического материала; исследователям отечественным мешает как сложившийся при советах недостаточно высокий образовательно-исследовательский уровень в сфере социально-гуманитарного знания, так и последовательные и изощёренные препоны, создаваемые некрофи-

лизированной властью для честного, публичного исследования и обсуждения событий и хода российской истории и действительности. Отечественным исследователям «всеведающая» номенклатура либо мешает вырасти до необходимого уровня анализа, либо сама всеми правдами и неправдами фальсифицирует объективные и убедительные результаты научного познания. Мозаичность и неопределённость оценок вполне устраивает власть, руководствующуюся принципом «замутняй и властвуй».

Болезни нашего общества и власти связаны с расколом (российского) этноценоза, их общая причина – духовно-нравственное разложение никем и ничем не контролируемой политической элиты. В России этого не происходит ни снизу (со стороны народа, населения), ни изнутри (посредством духовно-религиозной культуры), ни политической оппозиции (контрэлиты), ни самостоятельных и независимых институтов правового государства (в частности, СМИ). Российской элите исторически удалось устранить все препятствия для своего всевластия, что привело её к самозамыканию и вырождению – духовной (умственной и душевной) деградации. Следствием этого стал своеобразный и далеко не полный «букет» духовно-психологических и социально-политических качеств, «украшающих» прошлых и современных носителей российских номенклатурных полномочий, который приведён ниже.

Продажность – ярлык некрофилизации, духовного и социального нездоровья. По-своему понимая рынок как институт обмана и насилия, российская некрофилизованная элита пытается выдать свою и чужую продажность за артефакты рыночных отношений, пользуясь тем, что нормальных – ответственных и деловых – рыночных отношений страна и народ не знали и пока не знают. То же и в отношении демократии, правового государства, гражданского общества. Обо всех этих феноменах Западной цивилизации российское население узнаёт, главным образом, из книг, а не на основе личного участия и опыта. Как они в действительности функционируют на Западе, народ может только догадываться.

Манипулирование сознанием и поведением российских граждан вследствие закрытости власти и фактической неинформированности о реальном положении дел в развитых и развивающихся странах осуществляется в современной России не менее широко и дерзко, чем в СССР, отгороженном от «цивилизованного» западного и всего остального мира «железным занавесом». Манипулирование – по сути своей, ложь и сознательный обман – одно из главных средств некрофилизации общества и причина социальных болезней (нездоровья). Существование Интернета не меняет положения дел при отсутствии независимых традиционных

средств массовой информации, инерции и занятости основной массы населения решением вопросов выживания.

Обман и насилие – взаимосвязанная пара «политтехнологий», освоенная элитой со времён возникновения общественного разделения труда, власти и политики. В этом свете И. В. Сталин – гений политтехнологии и учитель властвующей антинародной элиты.

Обобщая результаты правления советской и новой, постсоветской номенклатуры, анализ значимых духовно-психологических и политико-культурных качеств её представителей, с неизбежностью приходишь к выводу, что в России традиционно правит режим, весьма сходный с режимом завоевателей. Народ для российского правящего класса – чужая и враждебная стихия. Впрочем, в этом он отвечает элите взаимностью. Но, тем не менее, в нашем больном социуме в том или ином виде жизнь продолжается. Живут, по прикидкам экономистов, примерно миллион человек, выживают – все остальные, более ста миллионов.

Ещё одно довольно распространённое определение режима и его субъектов в России – *клеттократия*: власть воров. Считая проведённую неономенклатурой приватизацию воровской (а с этим или примерно этим согласны 80% населения страны), как ещё можно назвать власть, присвоившую себе общенациональные богатства, так называемую «общенародную собственность» СССР и распоряжающуюся ей по своему усмотрению? Как назвать власть, при которой не создаются условия даже для гипотетического участия граждан в со-управлении этой собственностью, также как возможности стать более или менее крупным собственником?

И такой режим в отсутствие центрального субъекта демократического процесса в западных странах – массового собственника – хочет утвердить западные институты правового государства и гражданского общества. Однако в условиях современного средневековья («номенклатурного феодализма», как определяет традиционный российский строй М. Восленский) сделать это, в принципе, невозможно. Следовательно, все подобные призывы и действия – пустая болтовня и инструмент манипулирования сознанием масс.

При этом нельзя забывать о том, что поведение власти по отношению к своему народу в значительной мере определяется тем, что представляет собой сам этот народ. Как записано в конституциях многих стран, народ является источником всякой государственной власти. Но это вовсе не означает, что государственная власть будет стоять на страже его интересов и заботиться о его благосостоянии и развитии. Власть устанавливает политический режим, которой устраивал бы обе стороны процесса управления – властвующих и подвластных –

только в том случае, когда последние обладают рычагами воздействия на власть, и в случае невыполнения ею «общественного договора» (точнее, игнорирования интересов подвластных) имеют возможности и средства защитить себя. А для этого народ должен сформировать независимые от государства формы политической самоорганизации, позволяющие сделать воздействие на власть действенной нормой. Как известно, система институтов подобной самоорганизации называется гражданским обществом. Известно и то, что в истории российской цивилизации институты гражданского общества, если и существовали (церковь, семья, общественные организации и движения), были либо слабы, неразвиты, либо в большей или меньшей мере подпадали под контроль государства и теряли главную свою функцию – способность противостоять государственной власти, они носили и продолжают носить номинальный характер. Если гражданское общество таково, как полагает его номенклатура, заботой власти становится удовлетворение лишь собственных интересов и укрепление своих позиций на будущее.

*Здоровое общество – идеальная модель
или воплощаемая реальность?*

Больное общество – это общество некрофилизованное и *некрофилогенное*, то есть воспроизводящее некродуховность как норму общественных отношений. Некрофилизация и есть духовная и социальная (социокультурная) болезнь. Здоровое общество – это, прежде всего, физически и психо-духовно здоровые люди. Наличие последних предполагает не только отсутствие у них соответствующих болезней, но и обладание рядом качеств, позволяющих предупреждать возникновение соматических патологий и личностных отклонений, развала личности и её последующей деградации (некрофилизации). К этим качествам, на мой взгляд, следует отнести «науку и искусство быть собой»: во-первых, в полной мере осознавать себя человеком (одухотворённой личностью); во-вторых, уметь развивать и сохранять свою неповторимую, творческую индивидуальность. Последнее предполагает превращение духовного труда в повседневную норму жизнедеятельности индивида и общества. Результатом такого труда станет духовное здоровье, выражающееся в ряде устойчивых качеств и свойств личности: жизнь в согласии (мире) с самим собой, внутренняя целостность, патриотизм и гражданственность, а главное – готовность и способность бороться с некрофилогенной мутацией культуры и общества.

Сущностью здоровых человеческих и общественных отношений, как отмечает П. Рассел, является недвусмысленное *проявление взаимной заботы*. Однако этому не обучают ни в школе, ни в колледжах и институтах. И хотя все мы хотим, чтобы нас любили, желаем мира с самими собой, в реальной жизни нередко делаем всё для того, чтобы другой (другие) почувствовал себя виноватым перед нами и лишился внутреннего покоя.

П. Рассел отмечает, что дети, вырастающие в несостоятельных семьях, усваивают несостоятельную модель поведения и легко становятся несостоятельными родителями. Если учить людей воспитывать детей с большей заботой, этот круг можно разорвать, тем самым оказав на общество серьёзное и долгосрочное воздействие. Автор считает, что, возможно, это самое важное, что мы могли бы сделать для общества.

Поэтому очень важно учить людей общаться так, чтобы не возникал этот порочный круг, а также вырываться из него, если он сложился. Основой любого здорового общения, по мнению П. Рассела, должен быть вопрос, обращённый к самому себе: как я должен вести себя, чтобы другой почувствовал себя любимым, чтобы он пребывал в ладу со мной и самим собой? Руководство этим правилом во взаимоотношениях с другими людьми, по мнению автора, даёт просто волшебный результат¹.

*Духовное и социокультурное оздоровление
российского общества*

Осознание всеми слоями российского населения своих исторических задач по сохранению и развитию российской цивилизации, духовное пробуждение и оздоровление российского этноса – эта, своего рода, «революция сознания» выступает главным условием духовного и социокультурного оздоровления российского общества, главным условием разрешения огромного, запутанного клубка российских противоречий и бед.

Необходим анализ методов, форм и масштабов разложения умов и душ – особенностей и последствий социокультурной политики правящего режима, подменивших политику действительного образования, здравоохранения, жизнеобеспечения и духовного развития граждан политикой популизма и манипуляций.

Предметом анализа должны стать военная реформа, реформа образования, развитие науки, национальные проекты «Здоровье», «Доступное жильё», разви-

---

¹ См.: Гроф С. Революция сознания: Трансатлантический диалог. М. 2004. С. 138.

тие аграрного сектора и др. Сегодня даже неспециалисту очевидно: куда ни по-смотрим, всюду одно и то же – видимость вместо деятельности, противостояние вместо единства, развал вместо созидания.

Задача российской интеллигенции как главного выразителя национальной духовности и носителя национальной идеи состоит в осмыслении исторической и социокультурной ситуации в стране и современном мире, в выработке национальной идеологии не по указке сверху, а в соответствии с общенациональными интересами. Этой работе должна способствовать национальная элита, не препятствуя, а создавая условия для коллективного поиска истины, общенационального «мозгового штурма». Выражая интересы страны и народа, интеллигенция подготавливает появление духовных лидеров нации, которые своими делами, а не речами и манипуляцией сознанием и поведением вызывают безоговорочное доверие к себе основной массы населения.

Ещё более трудная задача стоит перед российской национальной элитой. Преодоление номенклатурой своего эгоцентрического сознания должно стать важнейшим звеном назревшей в стране и современном мире в целом «революции сознания». По сути дела, номенклатура должна превратиться из партократии в меритократию – наделённых властью наиболее достойных представителей этноса. Если, по выражению А. П. Чехова, народ и интеллигенция должны «по капле выдавливать из себя раба», то элите необходимо «выдавить из себя» работодателя, безответственного властвующего самодура, тип которого охарактеризован в центральной части данной работы. А это означает, что элита должна начать *трудиться духовно* во всех или большинстве названных в нашей работе форм духовного труда, обеспечивая тем самым как собственное духовное здоровье, так и здоровье всего народонаселения страны.

Историческая задача народных масс России – повышение своего политического и правового сознания, преодоление правового нигилизма, понимание ответственности за настоящее и будущее государства и общества. Достижение этого возможно лишь при сознательном включении большинства людей в политический процесс, преодолении традиционного для российского социума перекладывания ответственности на «начальство», истреблении благодушно-потребительского, а также завистливо-ненавистного отношения к государству и носителям государственной власти. Однако это веками востребованное включение каждого дееспособного гражданина в политику оказывается невозможным в условиях режима, демократического по форме (в соответствии с Конституцией РФ), но абсолютно бездеятельного в плане утверждения реальных черт правового государства и создания условий для утверждения и развития гражданского

общества. Показательным подтверждением последнего является судьба среднего и малого бизнеса, интересы которого защищать в нашей стране, оказывается, никому.

Российское общество должно найти действенные, самоуглубляющиеся формы представительной и непосредственной демократии при постепенной передаче властных полномочий из замкнутого круга номенклатуры всё более широким слоям населения. Политическую элиту и национальных лидеров должно воссоздавать всё общество, а не дорвавшиеся до власти и богатства кланы, воспроизводящие застойную авторитарную систему правления.

Е. Ю. Потанчук, В. И. Потанчук

МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ¹

Предлагаемую современной России модернизацию, зачастую, связывают с обновлением и переоснащением всех сфер общественной деятельности (производство, наука, образование, здравоохранение, жилищно-коммунальный комплекс и пр.), разработкой и внедрением новых и инновационных технологий. Но процессы модернизации имеют несколько аспектов: экономический, политический, социальный и культурный. Индустриализация выступает в качестве одного из элементов экономической модернизации. Однако модернизационное изменение экономики невозможно без осовременивания других сфер общественной жизни. Модернизация предполагает проникновение современных ценностно-мотивационных установок в мировоззрение и мышление граждан. Политическая модернизация, по С. Хантингтону, например, предполагает рационализацию власти, дифференциацию социальных, государственных и гражданских структур, повышение уровня политического участия². То есть, результатом подобного рода социальных изменений должны стать правовое государство, гражданское общество, ответственная независимая и защищённая личность. Успешность модернизационной трансформации общества следует связывать с наличием в нём среднего класса, составляющего большинство, поскольку именно он исполняет

---

¹ Публикация подготовлена при поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. Госконтракт 16.740.11.0110. Грант: «Исследование шансов и рисков социально-политической модернизации на Дальнем Востоке».

² Хантингтон С. Политический порядок в изменяющихся обществах. М., 2004.

«роль главного агента технологического и социально-экономического прогресса ввиду высокой интеллектуальной квалификации»¹, выступает в качестве стабилизатора общества, является носителем его интересов и ценностей национальной культуры. Одна из проблем модернизации в России заключается в том, что средний класс одновременно представляется её условием и целью. В отсутствие лояльного среднего класса модернизация может стать формальной и не привести к качественной трансформации сфер социальной жизни. В процессе созидания среднего класса в России следует учесть исторический опыт самобытного и уникального явления отечественной культуры – воспитания и деятельности российской интеллигенции, которая обладала не только значительным интеллектуальным потенциалом, но и характеризовалась иными качествами, такими как совесть, ответственность, энергичность, само- и взаимоуважение². Такого рода «средний класс» и может стать основой для модернизационного преобразования в условиях России.

Модернизация в понимании некоторых западноевропейских и американских исследователей есть вестернизация общества, его культуры, системы ценностей, она реализуется через принятие западных экономических, социальных и политических порядков (например, теория Т. фон Лауэ³). Следовательно, претворение идей модернизации предполагает серьезные изменения в культуре российского общества, возможно, с захватом её ментального уровня. Конечно же, модернизационная трансформация ценностей вступает в противоречия с традиционным для российской культуры недоверием к государству и продвигаемым сверху реформам⁴. Опыт изучения отечественной социально-философской мысли приводит к выводу о сакральном значении государства и власти в русской культуре. В противоположность западной цивилизации в России власть сакрализируется, т.е. «осознаётся как онтологически истинная субстанция»⁵. Именно эти обусловленные историческим развитием России и спецификой русского менталитета особенности политической культуры и следует преодолеть в ходе модернизации.

Однако модернизация «не обязательно означает вестернизацию. Незападные общества могут подвергаться модернизации, не отказываясь от своих соб-

---

¹ Грицанов А. А. Средний класс // Энциклопедия социологии: средний класс: [сайт]. URL: <http://slovari.yandex.ru/> (дата обращения: 15. 09. 2010).

² Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.

³ Нефёдов С. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005.

⁴ Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.

⁵ Яковенко И.Г. Православие и исторические судьбы России // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 47 – 56.

ственных культур и не принимая западных ценностей, институтов и форм поведения... На самом деле модернизация усиливает эти культуры и приводит к относительно уменьшению силы Запада. В весьма существенном смысле можно сказать, что мир становится всё более современным и всё менее западным», – утверждает, например, С. Хантингтон¹. Его выводы созвучны идеям Д. Растоу, который определяет модернизацию как «соединение западных (вестернизация) и традиционных влияний»². Российский специалист в области социальной модернизации С. Н. Гавров считает, что в некоторых случаях модернизация превращается в «самовестернизацию». В этом случае она инициируется для «достижения внутренних целей, в число которых входит необходимость преодоления технологического отставания от Западной цивилизации модерна и сохранения государственной независимости»³. По наблюдению российского исследователя И. В. Побережникова, модернизационная парадигма продолжает развиваться, «совершая при этом экспансию в новые для неё области теоретизирования и абсорбируя (и адаптируя) новые теоретико-методологические подходы»⁴. С. Н. Гавров, например, считает, что модернизация в России представляет собой «векторное изменение социокультурной сферы, уменьшение локальной и возрастание универсальной составляющей, мегатренд от локализма к универсализму»⁵. Программа включения России в общемировые процессы характеризуется автором как «постимперский транзит», так как предполагает учёт проблем России, а также сохранение её специфических черт и особенностей. В условиях глобализации, по мнению С. Н. Гаврова, России «либо остаётся завершать национальный проект по созданию общества модерна, с последующей деконструкцией части его элементов, или в очередной раз попытаться “перехитрить” историю. Сегодня эта “хитрость” может состоять в попытке войти через постмодернистскую дверь, напрямую перейти к постиндустриальной экономике, мультикультурному, мультиконфессиональному обществу и культуре, легализовать наши локальные различия, рассматривая их не как тормоз развития, а как источник избыточной креативности, потенциальных инноваций, которые могут быть востре-

---

¹ Хантингтон С. Модернизация и вестернизация // Ерасов Б.С. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. М., 1998.

² Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Политические исследования. 1996. № 5. С.5 – 15.

³ Гавров С. Н. Модернизация России: постимперский транзит // URL: <http://www.bibliotekar.ru/gavrov-3/7.htm> (дата обращения: 24. 10. 2010).

⁴ Побережников И. В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB8/poberej.htm> (дата обращения: 24. 10. 2010).

⁵ Гавров С. Н. Указ. соч.

бованы на современном и будущих этапах исторической и социокультурной динамики»¹.

В этом ключе излагал предварительную программу модернизации Президент России Д. А. Медведев: «Считаю технологическое развитие приоритетной общественной и государственной задачей ещё и потому, что научно-технический прогресс неразрывно связан с прогрессом политических систем»². Модернизация экономики, по его мнению, должна стать основанием роста и благосостояния граждан, их свобод: «Чем “умнее”, интеллектуальнее, эффективнее будет наша экономика, тем выше будет уровень благосостояния наших граждан. Тем свободнее, справедливее, гуманнее будет наша политическая система, общество в целом»³.

При всём том, что модернизация России, как одна из актуальных задач развития нашего общества и государства, нуждается в обстоятельном научном анализе и детализации, также очевидно, что необходима спецификация модернизационной программы применительно к её отдельным регионам. Дальний Восток России в этом плане не является исключением, он требует к себе особого отношения – и государственного, и политического, и теоретико-методологического.

Развитие российских дальневосточных территорий во все эпохи было инициировано геополитическими интересами страны, поэтому и их заселение, и экономическое, и социально-политическое строительство на них осуществлялись под эгидой государства. Дальний Восток рассматривался в качестве форпоста России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, поэтому развитие производства на Дальнем Востоке, в основном, подчинялось военно-политическим программам. Такой подход вызвал ряд следствий в его социально-экономическом состоянии. В частности, здесь сложилось значительное отставание социальной сферы от военно-экономической: хроническая нехватка жилья, более низкое, по сравнению с центральными регионами страны, качество жизни, меньшая, опять же по сравнению с другими регионами, плотность (активность) культурной жизни. Все перечисленные выше проблемы привели к возникновению и распространению у прибывших осваивать Дальний Восток жителей ощущения временности, что само по себе не способствовало возникновению у них устойчивого интереса к активному устройству и переустройству повседневного быта и хозяйст-

---

¹ Там же.

² Медведев Д. Россия, вперёд! // URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (дата обращения: 26. 12. 2010).

³ Там же.

ва на всех уровнях – личностном, муниципально-городском или сельском, региональном¹.

Высокий уровень миграционной активности населения, ориентация на переезд в западные регионы страны и за рубеж привели к убыванию численности жителей Дальнего Востока России в 1990-е – 2000-е годы и остаются одними из насущных проблем Дальневосточного федерального округа в настоящее время. Так, Президент России Д. А. Медведев, выступая на совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами АТР в июле 2010 г., указал, что за последние 20 лет население Дальневосточного округа сократилось на четверть². Несмотря на предпринятые попытки минимизировать эти негативные процессы, обезлюживание по-прежнему грозит дальневосточным территориям. На этот аспект социально-экономического развития Дальнего Востока России обратил внимание и заместитель председателя правительства РФ И. Шувалов, побывавший с рабочей поездкой в регионе в 2008 г. Он отметил: «Пока этот регион является далеко не самым комфортным местом для проживания. То, что люди уезжают из Сибири и Дальнего Востока, в немалой мере связано с особенностями прошедшего здесь индустриального освоения, здесь до сих пор бытует психология “временщиков”»³. По его словам, «для решения этой проблемы необходимо доступ к ресурсам дополнить доступом к нормальным и комфортным условиям жизни»⁴. Обнаруживается, что в связи с модернизацией дальневосточных территорий необходимо фактически заново строить здесь и социальную инфраструктуру. Следует заметить, что в Дальневосточном регионе предполагается не усовершенствование, не восстановление, не обновление, а именно *создание* современной инфраструктуры.

По мнению экс-губернатора Хабаровского края В. И. Ишаева, необходим отказ от «модели “освоения” Сибири и Дальнего Востока»⁵. Требуется не только учёт уникальных возможностей и комплекса социальных, экономических, транспортно-энергетических и других специфически проблем, но и «сбаланси-

---

¹ Кулинич Н. Г. Повседневная культура горожан советского Дальнего Востока в 1920-е – 1930-е годы. Хабаровск, 2010.

² Стенографический отчёт о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/8234> (дата обращения: 09. 01. 2011).

³ Шувалов Игорь: Основой стратегии развития Сибири и Дальнего Востока должны стать модернизация и улучшение качества жизни людей // URL: <http://www.metallpress.ru/content/87240.html> (дата обращения: 12. 01. 2011).

⁴ Там же.

⁵ Ишаев В. И. Стратегия долгосрочного развития Востока России // URL: http://www.dvforum.ru/2006/doklads/PZ_Ishaev.aspx (дата обращения: 03. 02. 2011).

рованная внутрирегиональная, общероссийская и международная интеграция» Дальневосточного округа, а также преодоление его автаркизации, «аномально высокой межрегиональной и внутрирегиональной территориальной дифференциации»¹.

Таким образом, модернизация дальневосточной экономики приобретает специфические черты. Для её осуществления требуется не только обновление и переориентация производства, но также интенсивное развитие недостаточной для комфортной жизни населения социальной сферы для того, чтобы осуществить его «укоренение», поскольку только при наличии достаточных людских ресурсов, изменении тенденции с оттока на привлечение сюда людей, высококвалифицированных специалистов возможно осуществление программ по его модернизации.

В. Ф. Басаргин, министр регионального развития РФ, также указывал на «очаговый характер расселения с низкой плотностью населения, низкое качество социальной инфраструктуры и отсутствие комфортных условий проживания»² как одну из причин отставания Дальнего Востока в темпах роста по сравнению с другими российскими регионами и азиатско-тихоокеанскими соседями. Вопрос нехватки квалифицированных рабочих рук обсуждался в апреле 2011 г. между Президентом России Д. А. Медведевым и Полномочным представителем Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе В. И. Ишаевым. «По словам полпреда, многие представители бизнеса ожидали, что специалисты будут выстраиваться в очередь на получение работы, однако, произошла обратная ситуация. Работники не едут в регион, так как отсутствует в ряде случаев инфраструктура, нет жилья, детских садов, школ»³. Д. А. Медведев подчеркнул, что «важно также проработать вопрос соцпакета, который может включать различные требования, в том числе квартиры или дома, а также машины»⁴. Депутат Госдумы, коренной дальневосточник Б. Резник отмечает, что в развитии Дальнего Востока существуют «огромные проблемы, и, прежде всего, это проблемы, конечно, людских ресурсов. Вы посмотрите, что у нас в стране происходит. На территории Европейской части, а это где-то 3 млн. кв. км, живёт 123 – 124 млн. чел. На

---

¹ Там же.

² Стенографический отчёт о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона...

³ Президент России Дмитрий Медведев поручил своему полпреду Виктору Ишаеву и руководству ДФО уточнить перечень востребованных в регионе специальностей // URL: <http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=65&oid=1439> (дата обращения: 04. 04. 2011).

⁴ Там же.

территории азиатской, в 15 млн. кв. км, – более 20 млн. жителей. И на Дальнем Востоке... где-то 7 с небольшим млн. И ресурсная база находится в Азиатской части. Где-то более 75 – 80% всей ресурсной базы страны находится там. Поэтому хотим мы или не хотим, нам надо осваивать эти территории, и осваивать интенсивно, вкладывать колоссальные средства»¹.

Думается, что «вахтовый метод» и «психология временщиков» не приведут к эффективному освоению дальневосточных территорий, поскольку в этом случае регион сохранит свой статус сырьевого придатка, его будет преследовать болезнь «остаточного принципа», положение «пасынка» и т.д., а трансформация экономической сферы станет хаотичной и конъюнктурной. В связи с этим Полномочный представитель Президента РФ в ДФО В. И. Ишаев подчеркивает, что предполагаемое модернизацией «развитие транспортных коридоров не должно быть только “трубой” для перекачки природных ресурсов: оно призвано стать катализатором развития производства и экономики региона»². «Гнилая миграционная политика», «метод работы гастарбайтеров выгоден... чиновникам, алчным бизнесменам. Платите людям как следует, обустраивайте условия жизни коренных жителей – тогда и начнётся развитие не только Дальнего Востока», – отмечают сами граждане России³. Только посредством государственных программ можно преодолеть установку молодёжи на отъезд из Дальневосточного федерального округа. При этом, очевидно, что молодёжная политика в регионе должна состоять из целого ряда мероприятий по поддержке молодых людей, по созданию комфортных условий их жизни и труда. В этом смысле очень интересны выводы сделал заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации М. Е. Николаев, который утверждает, что главными стимулами привлечения молодёжи в регион являются образование и наука⁴. «Для Дальнего Востока, располагающего небольшим по численности населением, – говорит он, – принципиальным условием является повышение его качественных характеристик. В регионе сформирована значительная база перспектив-

---

¹ Будущее Дальнего Востока: модернизация по-европейски, по-китайски или мафиозный застой? Дискутируют Депутат Госдумы России Борис Резник и профессор Владислав Иноземцев // URL: <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1862986.html> (дата обращения: 13. 03. 2011).

² Ишаев В. И. Тезисы к выступлению на совместном заседании Высшего и Генерального Советов Всероссийской политической партии «Единая Россия» // URL: http://www.khabkrai.ru/governor/doc_er_23052007.html (дата обращения: 18. 04. 2011).

³ Будущее Дальнего Востока: модернизация по-европейски, по-китайски или мафиозный застой?..

⁴ Николаев М. Россия Тихоокеанская: регион нового развития // URL: <http://www.rosnation.ru/index.php?D=37&goto=214> (дата обращения: 15. 05. 2011).

ных инновационных проектов, осуществление которых могло бы сделать его одним из лидеров страны по степени наукоёмкости промышленности, способного решать как проблемы фундаментальной науки, так и исследований, касающихся конкретных нужд дальневосточных территорий и обеспечить, вспоминая слова академика А. Н. Несмеянова, “надлежащий научный тонус всего востока”. Чтобы решить эту задачу, надо сформировать инновационную инфраструктуру регионального масштаба»¹.

Наибольший интерес и в государственном, и в международном масштабе представляют дальневосточные инновации в области био- и нанотехнологий (например, выращивание наноминералов, извлечение наносоразмерного золота и металлов платиновой группы и пр.), подводной робототехники, развитии космических технологий (строительство космодрома в Амурской области), авиа- и судостроения, поиска новых энергоисточников (например, строительство приливной электростанции на севере Хабаровского края, разработка биотоплива) и пр. Так, например, в декабре 2010 г. руководство партии «Единая Россия» поддержало создание Арктического инновационного центра Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Начало деятельности этого центра связано с получением гранта в размере 120 млн. руб. в рамках федеральной целевой программы "Развитие инфраструктуры наноиндустрии". На базе Арктического инновационного центра уже созданы 7 малых инновационных предприятий в области современных технологий в строительстве, производстве стройматериалов, IT-технологий, переработки продукции².

По мнению М. Е. Николаева, в отличие «от советских времён, теперь трудно привлечь специалистов из Центральной России на Дальний Восток романтикой или патриотическими лозунгами, хотя и их не надо сбрасывать со счетов. В сегодняшней ситуации от федеральных властей потребуются специальные меры стимулирования инновационного развития Дальнего Востока»³. Аналитик предлагает не только увеличить ассигнования на дальневосточную науку, но и ввести особые коэффициенты к зарплате и подъёмные для учёных, приехавших работать на Дальний Восток, обеспечить их жильём, освободить от налогов дальневосточные институты и технопарки, для закрепления молодых специалистов в регионе предоставить права на получение ими бесплатного высшего образова-

---

¹ Там же.

² В Якутии создаётся Арктический инновационный центр // URL: http://www.tass-ural.ru/lentanews/v_yakutii_sozdaetsya_arkticheskiy_innovatsionnyy_tsentr.html (дата обращения: 18. 03. 2011).

³ Николаев М. Россия Тихоокеанская: регион нового развития...

ния с выплатой повышенных стипендий в период обучения. «Таким образом, образование, наука, дальнейший карьерный рост людей, работающих на Дальнем Востоке, должны стать главными стимулами для привлечения молодежи в регион, важным механизмом восстановления интеллектуального потенциала и создания максимально благоприятных условий для дальнейшего закрепления граждан, живущих на этой территории. Талантливой молодежи надо помогать интегрироваться в инновационную среду. Должна быть сформирована единая инновационная вертикаль: первоклассный лицей – престижный университет – фундаментальный научно-исследовательский центр. Подчеркнём: такая схема направлена на решение конкретных задач инновационного развития определённой территории Востока России»¹. Решение поставленных задач возложено на созданные в ДФО федеральные университеты: Северо-Восточный в г. Якутске и Дальневосточный в г. Владивостоке.

Высшее и среднее образование на Дальнем Востоке России ждёт серьезная реструктуризация, поскольку оно должно соответствовать не только интересам населения, но и социально-экономическим потребностям российских дальневосточных территорий. На встрече с Президентом России Д. И. Медведевым в апреле 2011 г. Полпред Президента в ДФО В. И. Ишаев отметил, что в регионе сохраняется значительная нехватка квалифицированных кадров, и в будущем этот дефицит будет только увеличиваться. Глава государства, в свою очередь, напомнил об избытке специалистов гуманитарных специальностей и недостатке инженеров. Д. А. Медведев поручил В. И. Ишаеву выяснить с руководителями субъектов ДФО, работодателями, какие специальности нужны и в каком количестве. По словам Д. А. Медведева, структуру специальностей, по которым осуществляется подготовка в учебных заведениях, необходимо привести в соответствие «с требованиями сегодняшнего дня»².

Итак, внедрение инновационных проектов, развитие образования и науки для социально-экономической модернизации Дальнего Востока России имеет двойное значение: с одной стороны, они должны быть направлены на «осовременивание» производства, с другой, – способствовать закреплению в регионе населения, особенно – молодёжи. Так обнаруживается вторая специфическая черта модернизации в условиях Дальнего Востока. Кстати, В. И. Ишаев подходит к данной проблеме с иной точки зрения. Если о закреплении

---

¹ Там же.

² Президент России Дмитрий Медведев поручил своему полпреду Виктору Ишаеву и руководству ДФО уточнить перечень востребованных в регионе специальностей...

населения на Дальнем Востоке обычно говорят как о факторе его социально-экономического развития, то В. И. Ишаев, наоборот, утверждает, что экономический подъём должен привести к росту уровня жизни населения, и, как следствие, «решению вопросов заселения восточных территорий России»¹.

Следует обратить внимание ещё на одно наследие предыдущих тенденций в освоении природных запасов Дальневосточного региона. Его экономика, зачастую, ориентирована на развитие добывающих отраслей, в то время как перерабатывающей и обрабатывающей не уделяется должного внимания. Так, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания РФ Б. В. Грызлов, выступая на открытии Первого Дальневосточного международного экономического форума (2006 г.), указывал, что «в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке сконцентрированы самые значительные и качественные лесные ресурсы. Однако здесь сосредоточено только 2% от производственных мощностей России по переработке леса. В итоге он продаётся за границу как сырьё за бесценок или просто гниёт. Поэтому создание условий для цивилизованного использования леса и для его переработки является сегодня главной задачей в данной сфере. В идеале ни один кубометр леса не должен продаваться за рубеж без переработки в России. Везде, где это реально, инфраструктура должна развиваться так, чтобы создать возможности для переработки добываемого сырья внутри России. Следует стремиться к тому, чтобы собственная переработка получила перед экспортом сырья безусловный приоритет»². В. Ф. Басаргин также отмечал в качестве причин, сдерживающих развитие региона, невысокую степень «диверсификации инновационной региональной экономики, имеющей ресурсную направленность»³.

В. И. Ишаев, выступая с докладом на совместном заседании Высшего совета и Генерального совета «Единой России», ещё раз обратил внимание на необходимость создания на Дальнем Востоке «контактной зоны – своеобразного фильтра из предприятий обрабатывающей промышленности. Так как наши экономические отношения в значительной степени связаны с рынками США, в настоящее время вывоз – в основном только сырья – на внешние рынки с Даль-

---

¹ Ишаев В. И. Стратегия долгосрочного развития Востока России...

² Грызлов Б. В. Через развитие Сибири и Дальнего Востока – к модернизации страны // URL: http://www.dvforum.ru/2006/doklads/dokl_PZ_grizl.aspx (дата обращения: 28. 04. 2011).

³ Стенографический отчёт о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона...

него Востока составляет 18%, а на российские рынки – только 4%»¹. В. И. Ишаев предложил превратить существующую на юге Дальнего Востока «промышленно-сервисную дугу в своеобразный фильтр, который будет поставлен на пути сырьевых, транспортных и энергетических потоков, обеспечивая производство добавленной стоимости, повышение доходности депрессивного субрегиона и увеличивая ресурсы накопления и инвестирования»².

Таким образом, модернизация Сибири и Дальнего Востока предполагает развитие здесь высокотехнологичных производств, но, прежде всего, их переориентацию с комплекса «добыча – продажа» на комплекс «добыча – переработка – продажа». В качестве перспективных называются направления по добыче и переработке растительного и морского сырья, фармацевтика, открытие в г. Находке гелиевого центра, создание сложных смежных производств по переработке природного газа в г. Южно-Сахалинске, а также нефтепереработка (высокотехнологичное сопровождение строительства трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», нефтегазовых проектов «Сахалин-1», «Сахалин-2», «Сахалин-3»).

Наряду с этим, высказываются опасения, что за Дальним Востоком по-прежнему сохранится наследие предыдущих экономических эпох. Об этом говорит, например, российский экономист и социолог В. Иноземцев, который в двусторонней российско-китайской программе сотрудничества на 2009 – 2018 гг. усматривает «воспроизведение назначения Дальнего Востока и Восточной Сибири как сырьевой базы»³. В результате предлагаемой Дальнему Востоку индустриализации добыча полезных ископаемых и других природных ресурсов будет, как и прежде, осуществляться на территории Российской Федерации, а их переработка – в Китае. Причиной такого подхода называют неразвитость дальневосточной инфраструктуры, при которой начинать трудоёмкое и затратное строительство предприятий перерабатывающей отрасли считается нерентабельным. Конечно, создать инфраструктуру для сырьевого экспорта быстрее и дешевле, но осуществление подлинной модернизации и переход к инновационной экономике при таком подходе к развитию промышленности Дальнего Востока в принципе невозможны. Именно поэтому от него необходимо отказаться, в ином случае «будущее Дальнего Востока экономически во многом будет зависеть от

---

¹ Ишаев В. И. Тезисы к выступлению на совместном заседании Высшего и Генерального Советов Всероссийской политической партии «Единая Россия»...

² Ишаев В. И. Стратегия долгосрочного развития Востока России...

³ Будущее Дальнего Востока: модернизация с поддержкой Китая // URL: <http://www.china-business-today.ru/novosti-kitaya/budushhee-dalnego-vostoka-moderniza-ciya-s-podderzhkoj-kitaya.html> (дата обращения: 23. 04. 2011).

Китай не только как от рынка сбыта, но и как от крупного промышленного комплекса, где будет находиться перерабатывающая промышленность для российского сырья»¹.

Без развитой транспортной инфраструктуры создание экономики инновационного типа на Дальнем Востоке, по мнению экспертов, невозможно. В продолжение этой очевидной идеи, В. И. Ишаев выдвинул предложения по созданию Северного широтного экономического пояса – зоны активного экономического пространства, которая даст импульсы для развития депрессивных ареалов. В неё предположительно могут войти Нижнеангарская, Северо-Читинская, Южно-Якутская и Ванинско-Совгаванская интегрированные производственно-транспортные (инфраструктурные) зоны. «Формирование этого пояса должно опираться не только на сырьевые ресурсы, но и транспортно-логистические возможности, открывающиеся при обслуживании международных транспортных коридоров и инфраструктурно-инженерных проектов. При этом здесь возможно создание в период до 2025 г. наиболее крупных интегрированных производственно-транспортных зон (ИПТЗ)»². Государственными программами предусматривается развитие зоны БАМа, включающее в себя строительство трассы «Амур», автодорожной сети на Камчатке и реконструкцию автодорог «Байкал», возведение второй очереди мостового перехода через р. Амур, строительство железнодорожных линий Беркакит – Томмот – Якутск. «Россия – это транспортный коридор, и надо менять ситуацию, когда в обороте грузов между азиатскими и европейскими странами доля российского транзита составляет около одного процента»³. Транспортные возможности Дальнего Востока – реальный шанс включения России в глобализационные процессы. По мнению М. Е. Николаева, например, «порты Дальнего Востока могли бы стать хребтом экономики региона, инструментом реализации транзитного потенциала страны»⁴. По словам Д. А. Медведева, «нужны новые производственные цепочки, запуск многосторонних проектов технологической кооперации и другие проекты. При этом важно использовать опыт соседей по формированию благоприятного инвестиционного климата и созданию особых экономических зон. Нужно предоставлять и современные банковские, логистические, консалтинговые и информационные

---

¹ Там же.

² Ишаев В. И. Стратегия долгосрочного развития Востока России...

³ Грызлов Б. В. Через развитие Сибири и Дальнего Востока – к модернизации страны...

⁴ Николаев М. Россия Тихоокеанская: регион нового развития...

услуги»¹. В результате осуществления предложенных экономических программ и проектов Дальний Восток должен стать плацдармом для экономической экспансии в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Как ныне действующий Президент России Д. А. Медведев, так и экс-президент В. В. Путин рассматривают экономическое сотрудничество со странами АТР в качестве стимула для развития российского Дальнего Востока. Такое сотрудничество, по мнению В. В. Путина, должно содействовать хозяйственному и социальному развитию страны, «прежде всего районов Сибири и Дальнего Востока»². Как «серьёзный ресурс подъёма экономики Дальнего Востока и всей России» оценивает интеграцию со странами АТР Д. А. Медведев³. Министр финансов РФ А. Кудрин отметил, что существует «неиспользованный резерв использования денег Азии для модернизации в России. Особенно на Дальнем Востоке, Сибири»⁴. Во время встречи с премьер-министром Японии господином Хатояма Юкио в Токио в апреле 2010 г. Полномочный представитель Президента РФ в Дальневосточном федеральном округе В. И. Ишаев отметил, что «интеграция России со странами АТР пойдет через Дальний Восток. В этой связи сотрудничество с Японией имеет два направления – приобретение природных ресурсов и инновационная составляющая»⁵. Япония готова содействовать процессам модернизации Дальнего Востока, «который является “воротами” России в Азиатско-Тихоокеанский регион»⁶. В целях создания благоприятных условий российско-зарубежного сотрудничества в Дальневосточном федеральном округе создан Совет по привлечению иностранных инвестиций, в задачи которого входит устранение административных барьеров внешнеэкономической деятельности на Дальнем Востоке России. В соответствии с «Программой сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики на 2009 – 2018 гг.», одобренной

---

¹ Стенографический отчёт о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона...

² Путин В. Россия – АТЭС: широкие горизонты сотрудничества // URL: <http://putin.viperson.ru/wind.php?ID=277833&soch=1> (дата обращения: 19. 03. 2011).

³ Стенографический отчёт о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона...

⁴ Кудрин предлагает модернизировать Дальний Восток азиатским капиталом // URL: <http://primamedia.ru/news/22.02.2011/147534/> (дата обращения: 14. 05. 2011).

⁵ Япония будет помогать модернизировать экономику Дальнего Востока // URL: <http://www.ptrvlad.ru/news/politics/28987-japonija-budet-pomogat-moderni-zirovat-jekonomiku.html> (дата обращения: 04. 12. 2010).

⁶ Там же.

в сентябре 2009 г. Ху Цзиньтао и Д. А. Медведевым, Китай окажет поддержку России в модернизации Дальнего Востока¹.

Итак, модернизация в условиях российского Дальнего Востока предполагает целый ряд специфических процессов: через укрепление и развитие науки и образования добиться разработки и внедрения инновационных проектов и технологий, закрепления населения на дальневосточных территориях, отказа от роли сырьевой базы и перехода к комплексной переработке добываемых ресурсов, создания энергетической, транспортной, социальной и других инфраструктур. При всей многоаспектности программы модернизации, путь у неё, собственно, один – изменение ценностно-мотивационных установок россиян посредством укрепления и усиления культурной и образовательной составляющей. Только в этом случае возможны осуществление индустриализации Дальнего Востока, как, зачастую, называют модернизацию в России, и реализация призыва: «Через развитие Сибири и Дальнего Востока – к модернизации страны»².

И. М. Ревич

О ДИВЕРГЕНЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ (сотериологический аспект)

Проблема человека в философско-антропологической версии обостряется с того момента, когда происходит осознание жёстко провокативного утверждения Ф. Ницше, что «Бог мёртв». С этого момента, якобы, начинается радикальная переоценка всех ценностей, на место Бога приходит человек, и он ставит новые ценности жизни, терпя при этом фиаско. Однако, на наш взгляд, человек никуда и никогда не уходил, и то ядро ценностей *жизнеоберегания*, которое выработалось в истории, остаётся при нём. Другое дело, какой человек. На наш взгляд, европейский человек, оставшийся верным иудео-христианским ценностям и философскому идеализму классической метафизики, не потерявший горизонты трансцендентности (в религиозном и философском смысле) остаётся и в наши дни глобального кризиса человечности носителем сотериологии разума, веры, эстетизма, морали. Другое дело, что традиционные ценности подвергаются многомерной агрессии по всем азимутам со стороны самого человека.

---

¹ Дальний Восток: от опасения местных властей до сотрудничества с Китаем // URL: <http://www.china-business-today.ru/novosti-kitaya/dalnij-vostok-rossii-ot-opasenij-mestnyx-vlastej-do-sotrudnichestva-s-kitaem.html> (дата обращения: 01. 02. 2011).

² Грызлов Б. В. Через развитие Сибири и Дальнего Востока – к модернизации страны...

Вполне вероятно, что констатация новых социальных реалий кризисного состояния человечества говорит лишь о том, что мы столкнулись с кризисом традиционной субъективности, для которой характерна нехватка гуманитарного этоса¹. Поэтому необходима фундаментальная онтология человеческой субъективности, которая возможна благодаря аналитике человеческой истории, с почерпнутыми в ней ценностными стратегиями персоногенеза в его тотальной целостности. Преодолеть «забвение Бытия», «открыть просвет истины», вопреки утопически-поэтическому проекту М. Хайдеггера, на наш взгляд, становится возможным только благодаря формированию и практическому осуществлению экзистенциальных стратегий личности в аспекте персоногенеза – персоногенеза, который выступает фактором спасения социогенеза. Не апелляция к мистически трактуемому «бытию» в духе исканий «фундаментальной онтологии», а установка на почерпнутые в человеческой истории актуальные ценности жизнеоберегания и *жизнезаботы* иудео-христианской антропологии, как в теологическом, так и философско-антропологическом вариантах. Можно в этой связи сказать, что классический разум справлялся со своей задачей в той мере, в которой являлся средством упорядочивания природного и социального хаоса в экзистенциальном смысле – то есть в аспекте богопознания и естество-познания как *жизнезаботы*. В этой связи представляется приемлемым утверждение, что разум выполнял свою задачу в той мере, в которой он являл собой «экзистенциальную сотериологию»². В развитие этой идеи можно сказать, что современному человечеству, чтобы избежать самоуничтожения, необходимо *лично* непрерывно удерживать целостный экзистенциально-креативный континуум субъективности как разума, веры, эстезиса и морали. Другими словами, «экзистенциальная сотериология» для человечества возможна только посредством формирования нового гуманитарного этоса, в котором все проявления экзистенциальной креативности личности обретут фундаментальную значимость. В этой связи интересно отметить, что если продуктивность (подлинность) инструментальной рациональности (естествознания) асимптотически достижима в перипетиях технологического прогресса, с вовлечением в его стихию массового человека, то вопрос о

---

¹ См.: Ревич И. М. Гуманитарный этос и экзистенциальные стратегии личности // “Va, pensiero, sull’ali dorate”: Из истории мысли и культуры Востока и Запада. Сб. ст. к 70-летию Е. Б. Рашковского. М., 2010.

² М. Рыклин, говоря о философии М. Мамардашвили, отмечает, что Э. Ю. Соловьёв правильно определил его философию как ««экзистенциальную сотериологию», учение о личном спасении через непрерывное удержание мысли» (см.: Рыклин М. Свобода и запрет. Культура в эпоху террора. М., 2008. С. 81).

продуктивности (подлинности) в средоточии гуманитарного этоса нами связывается с формированием нового (*экуменического*) религиозного сознания, новой эстетики *жизнезаботы*, новой этики *ненасилия* благодаря субъективности *ответственного меньшинства*. Данное утверждение не есть вызов демократии и либерализму, а необходимая констатация того непреложного факта, что мыслящее меньшинство человечества должно быть защищено от немнящего большинства (хотя бы в настоящий роковой момент принятия решений о судьбе бытия). Сегодня ситуация такова, что инициатива спасения находится в руках мыслящего меньшинства. Видимо, так устроено человечество, что *осознание пагубности партикуляризма и эгоистической корпоративности* (в экономике, экологии, политике, в поддержании телесного здоровья индивида) *не характерно для человека-массы*. Именно поэтому необходим субъект сотериологического действия. Разумеется, это меньшинство открыто для всех, в идеале оно должно стать большинством. Однако в наши дни между идеалом и действительностью существует огромная дистанция. Иными словами, высший цвет человеческого развития – творческая субъективность, ориентированная на экзистенциальную *жизнезаботу* (максимальную экологическую рациональность, альтруистическую экономику, этику ненасилия, сакрального отношения к индивидуальной телесности) – нуждается в радикальной защите.

В свете данного осмысления современного положения человека в мире следует говорить о дивергенции человеческой субъективности. Она раздваивается не в силу какого-то злого замысла людей или заговора дьявола. Не в силу мистической богооставленности. Она раздвоена в силу драматического столкновения человеческих интересов: эгоистических и альтруистических. Она раздвоена в силу различия партикулярного и универсального поддержания сакрального в различных областях общественной жизни. Того различия, которое задано социально-онтологическими причинами. Кстати, именно понимание этого факта не вызывает ничего, кроме горькой усмешки, по поводу объяснения причин ядерных катастроф, гигантских жертв в войнах тем, что люди «забыли Бога». Дело не в этом, а в том, что люди не пришли ещё к подлинным гуманитарным ценностям цивилизации. Человечество не пришло к гуманитарному этосу как сотериологическому проекту. Говоря о кризисе современного человечества, мы приходим к пониманию того, что человеческая субъективность представляет собой единство позитивной (гуманистической) и негативной (нигилистической) компонент. Последняя – это, своего рода, затмение, которое может панически восприниматься

людьми, у которых преобладают витальные эмоции, в философско-антропологическом смысле – эстетические эмоции.

Говорить о качестве субъективности (как высокой рациональности) в естественнонаучном ключе – это искать разгадку «замысла» природы. Говорить о качестве субъективности (как универсальном поддержании сакральности) в теологическом смысле – это искать разгадку «замысла» Бога. Однако в философско-антропологическом смысле – это поиск разгадки «замысла» человека о *самом себе*. Это поиск разгадки тайны человеческой личности, на которую возложена ответственность за выживание человека на единственной планете посредством экзистенциальной креативности. Видимо, по мощи метафизических задач, построение онтологии экзистенциальной субъективности соразмерно построению онтологии традиционного понимания субъективности. Ведь от экзистенциально-креативных стратегий личности, выработанных в историческом контексте, зависит гуманизация отношения к природе, человеческому телу, человеческой психологии. *Строго говоря, в определении человека как «разумного» остаётся в тени вопрос о человеке «гуманном»*. Гимн Прометею (инструментальной субъективности) не избавляет нас от вопроса о высоком предназначении человека, более того – не позволяет ответить на этот вопрос. Но его актуальность, как и поиски ответа на него, с необходимостью связаны с констатацией того, что отмечает А. Бадью: «Философия оставила незавершённым “картезианское размышление”. Заблудившись в эстетизации воли и пафосе свершения, судьбы и забвения... она вслед за Ницше провозгласила, что начатое Платоном вступило в пору сумерек, но это высокомерное заявление прикрывало бессилие продолжить его начинание»¹.

Продолжить это начинание, значит, заявить, что те, кто открыл для человечества экзистенциальные перспективы его субъективности в концептуальном поле теологии и абсолютного и трансцендентального идеализма, те, кто заявил о формировании гуманитарного этоса как основной проблеме метафизики, находятся не позади, а впереди нас.

Н. Ю. Степанова

---

¹ Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003. С. 33.

ТЕЛО ФЕНОМЕНАЛЬНОЕ И ВОПРОС О САМОВЫРАЖЕНИИ В ТАНЦЕ

В обыденном сознании танец часто связывается с идеей самовыражения. Танцуя, человек не просто исполняет последовательность определённых элементов и фигур, но вносит в это исполнение нечто самобытное, то, что свойственно только ему и никому другому. Последовательность движений, если это свободный танец, танец-импровизация, он выстраивает также в зависимости от собственных предпочтений. Но даже в том случае, если танец структурирован, исполняется на основе заданного хореографического текста, то, например, в танце модерн, этот текст заведомо исходит из танцовщика – т.е. из субъекта исполнения. Известно, что М. Бежар в процессе создания своих балетов видел последние именно в исполнении конкретных артистов, а если партия по тем или иным причинам передавалась другому исполнителю, то менялось и её содержание¹.

Однако означает ли это, что сущность танца в действительности сводится к проявлению индивидуального начала в человеке? Что при этом понимается под «индивидуальным»? И чем тогда танец принципиально отличается от иных форм телесного бытия человека вне пространства «танцевального»?

В истории философско-психологической мысли известно различие близких, но не тождественных понятий: эго (характер) и самость (индивидуальность). Наиболее яркое выражение эта дихотомия получила в психоаналитической традиции, связанной с именами, соответственно, З. Фрейда и К. Юнга. Эго (по З. Фрейду) представляет собой культурно обусловленный образ «я», самость (по К. Юнгу) – эмоционально-духовную ипостась «я», которая не сводится к его социокультурным репрезентациям. К. Юнг писал об этом различии как о принципиальном: «Большинство людей путает самопознание со знанием своей осознаваемой эго-личности. Любой человек, у которого имеется хоть какое-то эго-сознание, не сомневается в том, что он знает самого себя. Но эго знает только своё содержимое и не знает бессознательного и его содержимого. Люди определяют своё самопознание мерой знания о себе среднего человека из их социального окружения, но не реальными психическими фактами, которые, по большей части, скрыты от них»². Как видно из приведённого фрагмента, именно зна-

¹ См.: Бежар М. Мгновение в жизни другого: мемуары. М., 1989.

² Юнг К. Г. Нераскрытая самость (настоящее и будущее) // Синхрония: акаузальный объединяющий принцип: сб. ст. М., 2010. С. 54 – 55.

нием и (впоследствии) интеграцией бессознательного определяется разница между эго и самостью.

Тело – плацдарм бессознательного. В определённом смысле оно и *есть* бессознательное. По словам З. Фрейда, «...никакой смертный не может сохранить тайну. Если губы молчат, то сплетничают его пальцы. Каждая часть тела выдаёт его»¹. Но тело может демонстрировать как искомый синтез сознательного и бессознательного (и тогда оно будет выступать «инструментом» самости), так и отсутствие такового (и тогда оно будет выражать эго).

В. Райх, последователь психоаналитической школы и её великий «отступник», экстраполировал дихотомию эго и самости на тело, заложив основы нового направления в психоанализе – телесно-ориентированной терапии. Именно он развернул во всей полноте проблему свободного и несвободного тела. Учёный сформулировал понятие «мышечный панцирь» (= панцирь характера), под которым понимал совокупность хронических мышечных судорог (зажимов)², препятствующих проявлению чувств и ощущений и кристаллизующихся в картине телесных блоков. Эти блоки расположены по семи основным поясам, аккумулирующим энергию запруженного либидо. Таким образом, характер, проявляющийся на телесном уровне в виде застывшей структуры мышечной координации, является аналогом психического эго.

В формах телесного бытия, отличных от танцевальных, характер имеет место быть, и его существование оправдано с точки зрения адаптации к физической реальности, в пределе – с точки зрения выживания в ней. Те формы, которые некогда оправдали себя в качестве эффективных, были отработаны, со временем закреплены в телесной схеме человека как прошедшие «проверку практикой» и стали использоваться в качестве единственно возможных. Важно, что эти схемы сохранились как наименее затратные с точки зрения физических усилий, но их ценность – это ценность тактическая. Стратегически же эти схемы часто умножают энтропию в организме. К таким формам относятся удобные, но вредные привычки сутулиться, класть ногу на ногу, ходить, опускать уголки губ вниз («печалиться»), специфические комплексы техник тела³: походки, сна, употреб-

¹ Цит. по: Грэнлюнд Э., Оганесян Н. Ю. Танцевальная терапия. Теория, методика, практика. СПб., 2004. С. 24.

² Райх В. Функция оргазма. Основные сексуально-экономические проблемы биологической энергии. СПб.; М., 1997. С. 151.

³ Мосс М. Техники тела // Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. – М., 1996. С. 242 (под техниками тела антрополог понимал традиционные способы, посредством которых люди в различных обществах пользуются своим телом).

ления пищи и др. Напротив, стратегически эффективные телесные модели зачастую тактически «неудобны» и поэтому кажутся более затратными.

Характер, проявляемый как телесная ипостась эго, так же имеет место в танце. Но, будучи регулярным тяготением к одним и тем же способам исполнения элементов в условиях физически изменяющейся действительности, он становится препятствием самому танцу и реализуется в структуре его остановки, то есть, в травме.

Исходя из представления о танцевальном движении как о технически заданной программе действия, травма обычно рассматривается как результат неправильного исполнения элемента: искажения первичной интенции движения, нарушения баланса силы, соположения частей тела, скорости или траектории их перемещения. Но глубинная причина травмы – в неуместности данного движения (импульса, скорости, силы) для данной ситуации, которое было бы уместно в иной ситуации при иных условиях. Поэтому отсутствие необходимости вырабатывать одни эффективные схемы и отличает танец от нетанцевальных форм телесного бытия.

Показательно языковое преломление феномена травмы, ядром которого всякий раз является семантическая константа «утраты *здесь*», в переносном смысле – почвы, среды, поддерживающей движение. Это – падение, недолёт/перелёт, разбалансировка, неудержание, сверхусилие. Важно, что для каждой из перечисленных траекторий дисбаланса существует способ компенсации, осваиваемый в танце. Для падения, неудержания – это техники правильного приземления, для недо-/перелёта – техники фиксации, для разбалансировки – генерализация концентрации, для сверхусилия – дополнительные усилия. В основе компенсирующего действия – технический принцип амортизации. Интересен и хореографический сленг, отражающий представления о потенциальной травматичности: так, прямая нога (на вытянутом колене) характеризуется как «сухая», что несёт общее значение отчуждённости и непригодности (ср.: *сухие* продукты, *сухая* трава, даже *сухой* разговор).

Что же тогда есть танец, если не характер (эго), и какого рода самовыражение присуще ему?

Танец – это процесс бесконечного открытия и преодоления границ собственного тела, свобода от всяких характерных устойчивостей. Танец расширяет доступное к освоению человеком пространство, которым в пределе является весь мир. Но посредником в реализации этой свободы является тело в его характерной ипостаси, или тело «моё». «Моё тело» – это тело феноменальное, яв-

ление среди других явлений. «Тело – это то, что сообщает миру бытие, и обладать телом означает для живущего срачиваться с определённой средой, сливаться воедино с определёнными проектами и непрерывно в них углубляться», – так определяет феноменальное тело М. Мерло-Понти¹. Кроме того, философ отмечает, что «пространственность тела – не пространственность позиции, а пространственность ситуации»². В этой мысли заложен огромный потенциал для понимания того, что телесная ригидность – это не неспровергаемая ригидность тела, поскольку тела как такового *не существует*. А если это так, то за пределами простого самовыражения как выражения «характера» в танце есть ещё нечто иное. Для того чтобы понять, что именно, следует рассмотреть стадии взаимодействия тела как характера и физического мира, или мира вещей.

Первая инстанция, первое экзистенциально близкое в процессе такого взаимодействия – это сама вещь. Вещь не отягощена структурами высшего уровня, принадлежащими сознанию: она изначально лишена временности³, как качества своего бытия она просто *есть*. Ветхость, старость, употреблённость или молодость-новизна, сияющая свежестью восприятия – категории порядка иных значимостей, нежели сама вещь. Временность вещи исходит из проецирующего субъекта, а не от внезапно обнаруживающейся «живости» самой вещи.

И первое, что случается с Человеком Танцующим, – это столкновение с материальностью вещи, независимо от того, танцует ли он в тесноте ритуального приношения, на балу или в пустом зале в иллюзии абсолютного одиночества. Такое столкновение присутствует в каждом жесте, если жест ещё недостаточно ассимилирован человеком, если мир пока не сподручен ему. Пол, на котором я стою, ещё «не знает» прикосновения моей ноги, как я не знаю твёрдости и силы давления его на меня. Я шагаю и обнаруживаю, что способен держаться: новые ощущения благодаря их безопасности становятся «по крайней мере, интересными». Но это столкновение может быть более жёстким при исполнении элементов в партере: мягко упасть на руку или устойчиво опереться коленом или кистью руки о пол. Оно даёт большой опыт движений, которые в обыденной жизни не актуальны.

---

¹ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 118.

² Там же. С. 139.

³ См.: Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М., 2000 (термин «временность» используется Ж.-П. Сартром в значении атрибута бытия тела-сознания, его качества, в дополнение и противовес понятию «время», полагающемуся как независимое от субъективного бытия явление, иными словами – как феномен).

Вторая стадия контакта с вещью – освоение и присвоение. Это два разных – взаимоисключающих и взаимодополняющих одновременно – процесса. То, что присваивается, – осваивается. То, что не может быть освоено, моим не станет и будет представлять угрозу, исходящую от мира. Присвоение включает вещь в мои синтезы, делает её частью меня. Так присваиваются одежда (костюм), атрибуты, например, лента или обруч в художественной гимнастике. Освоение не делает вещь частью меня, оно позволяет мне стать частью вещи и расширить её образы фактичности. Так, ступенька не может стать «моей», но я могу по ней пройти, принимая её «условия» к себе и могу, не спотыкаясь, подняться по лестнице. Яркий пример необходимости регулярного освоения вещности в профессиональном танце демонстрирует организация классического сценического пространства: сцена традиционно располагается не горизонтально, а под наклоном к зрителю, что требует затрачивания больших усилий при исполнении элементов вглубь сцены, особенно вращательных (они идут словно бы «в гору»). Предварительные репетиции на сцене обеспечивают, таким образом, готовность танцовщиков демонстрировать своё мастерство именно в данной ситуации.

На третьей стадии происходит *Встреча*. В ней – квинтэссенция танца: вещи как только фактичности, враждебной мне своей неподатливостью или освоенной и уже податливой, больше не существует. Отныне препятствия нет, сталкиваться больше не с чем. В этот момент и случается Событие, поскольку только событийный ряд явлений позволяет обнаружить Живое в иллюзии вещного, Дух в самой сердцевине Материи. В этом контексте универсальный образ подлинного танца – образ оживления – можно найти в архетипических сюжетах: от сюжета о сотворении мира до мифа о Пигмалионе и Галатее.

Встреча означает, что теперь есть не только «я». Вещь в танце – это всегда потенциальный Другой, но лишённый первичной временности. Превращая вещь в Другого в процессе её «оживления», я отныне при обращении с ней вынужден подчиняться Закону Живого – закону непредсказуемости и изменчивости, закону всеобщей динамики и всеобщей связи. Кроме того, именно в тот момент, когда вещь рождается, она приобретает и собственное время, которое соприкасается со временем моим и заставляет меня считаться с Иным. Так, концертные туфли могут заявить о себе сломом каблука во время выступления, что, очевидно, заставит меня каким-то образом приспособиться к новому *течению* ситуации. А старенькие дощатые подмостки начнут «говорить» своим деревянным «языком».

Смысл Встречи с миром в танце и, в целом, умение танцевать состоит в самой способности быть Живым, в опыте Жизни. Процесс такого взаимодействия

бесконечен: чем больше я танцую, чем больше фактичности познаю и осваиваю, тем более широким становится мир, тем больше я считаюсь с ним и тем меньше я предъявляю к нему требований... то есть, тем меньше «характера» остаётся во мне.

Танец всегда есть разрушение моделей-стереотипов, обнаружение мира как сподручного в любом ракурсе. Точно так же, как держать ложку левой рукой не менее удобно, чем правой, как гора – мотив к её преодолению, а не только к прекращению пути, так и танцевать – значит быть свободным от шаблона. Пол, по которому я хожу, в обыденности имеет один способ обращения с собой (реже два или три): ходьбу (реже бег или случайное падение). В танце таких способов бесчисленное множество: в виде исполнения разного вида партерных элементов: шпагатов, забежек, стоек на руках, вертушек на лопатках, удержания на тазовых костях – или в виде особого «вертикального» взаимодействия с ним посредством стояния-опоры, импульса-пружины в прыжке или посредством несоприкосновения с ним в исполнении определённого рода «полётных» элементов. Точно так же обстоит дело с любой фактичностью: стена, платок, кукла, стул, шест (в стрип-танце, например) – всё может быть отанцовано. Танец есть опыт преодоления телом собственной феноменальности. Он несёт в себе возможность переживания иного способа существования тела-в-мире. Танцевать, – значит, непрерывно преобразовывать мир, изменять свой витальный ареал: шершавое делать скользким, давящее – раскручивать, падающее – останавливать и т.п.

Отказ от детерминирующих шаблонов действий распространяется не только на «нейтральный» опыт общения с материальным миром, но и на опыт проживания боли. Боль – это то, что, безусловно, рефлексивно, но, так же как и прочие порождения схемы, должно быть «приручено». История знает немало случаев, когда, имея жесточайший физический недуг (травма или болезнь), не позволяющий, казалось бы, продолжать танцевальную деятельность, человек не переставал танцевать и не снижал качества танца. Таков Рудольф Нуриев, танцевавший, несмотря на лопавшиеся от напряжения вены на ногах. Подобный пример эффекта естественной анестезии обусловлен смещением центра мира с эго на сам мир, не имеющий заданного «характера», а потому позволяющий даже на негативные воздействия отвечать любым – разным – способом бытия, а не только «поддающимся боли».

Но растворение «характерных» границ тела в танце не предполагает их изначального отсутствия. Напротив, именно наличие жёстко детерминированных границ и делает их последующее «растворение» возможным. Более того, если

изначально эти границы в виде устойчивых схем не были усвоены как универсальные, то невозможным будет и их полноценное нивелирование. Этим объясняется необходимость базовой физической и специальной хореографической подготовки, которая подчас приобретает кажущиеся идиосинкразическими формы. Так, в хореографических школах для тренировки подтянутости ягодиц практикуют удержание между ними, например, платка, а для выработки плавности хода – ношение на голове кружки с водой. Здесь нельзя не согласиться с мыслью С. Е. Ячина, что «тело обученное, тренированное, спортивное и в целом воспитанное не только видится, но и по смыслу является более *естественным*»¹ (курсив С. Е. Ячина).

Тренировка, база, структура как таковая при правильном подходе (не останавливаться только на ней) – это не отсутствие свободы, а сама свобода, поскольку свобода есть, прежде всего, возможность выбора. В свободе, не знающей отработанной техники, выбора нет, а, следовательно, это ещё не свобода. Свобода же, основанная на фундаменте телесной структурированности, представляет совсем другую свободу – свободу не *до*, а *после* структуры, когда в теле открываются всё новые и новые её степени. Поэтому представляется ошибочной бытующая претензия танцтерапевтов, не различающих эти уровни, адресуемые в рамках телесных тренингов спонтанности профессиональным танцовщикам по поводу шаблонности исполняемых схем. Новые степени свободы тела, открывающиеся в процессе специальной подготовки, впоследствии, конечно, могут стать «характером» в танце, но о шаблонности такого характера можно говорить ровно настолько же, насколько можно говорить о шаблонности знания алфавита для чтения или умения играть гаммы для музыкального исполнительства.

Очевидно, что такое самовыражение в танце уже имеет совершенно другую природу. Происходящее в процессе такого самовыражения мы будем называть собиранием Самости. Самость – это не только и не столько характер. Она «собирается» путём осваивания характерных репрезентаций танцующего, с одной стороны, и путём осваивания периферических телесных проявлений и их последующей интеграции с тем, что именуется характером. Именно такая интеграция и позволяет выйти за пределы тела как тела феноменального и ощутить единство с окружающим миром – не только мёртво-вещным, но, прежде всего, с Другим. А Другой, как и «я» никогда не бывает устойчивым и определённым. Другой может таить и расположенность, и угрозу. И мне необходимо танцевально вести

---

¹ Ячин С. Е. Состояние метакультуры. Владивосток, 2010. С. 40.

себя с ним по-разному: быть со-ритмичным, дополняющим, а иногда и опровергающим или не позволяющим – для того, чтобы Другой своей фактичностью не уничтожил моё «я», ведь собирание Самости означает не разрушение или отказ от эго, но переоценку его роли и значимости. Так, умением не только быть устойчивой опорой, но и проявить «слабость», податливость стойки гарантировано безопасное исполнение парного колеса с удержанием сзади, в случае, если партнёр неверно рассчитал силу «проката». Аналогичный принцип распространяется не только на реальных – физических – партнёров, но и на любое проявление «другости» и попытки диалога в танце. В этом контексте показательно выделение знаменитым балетмейстером и педагогом Ф. В. Лопуховым разных типов взаимодействия танцевального движения и музыки: первое может протекать по отношению ко второй по моделям структур – танец «около», «под», «на», «в» музыку¹.

Итак, смысл собирания Самости – в создании дистанции между мной и моим телом, в открытии имперсональности бытия. Так свобода трансформируется в ответственность за целостность мира, когда не должно остаться ничего, к чему у меня не было бы доступа. В танце моё ограниченное, характерное «я» открывает свою принадлежность общемировому «Я». Самовыражаясь, я выражаю не замкнутую личность, претендующую на правоту, а весь мир, представленный множеством различных индивидуальностей. Всё богатство мира отныне становится «моим». В этом и состоит изначальный – с точки зрения телеологической – проект Самости.

В этом смысле танец как феномен, имеющий ритуальное происхождение, выполняющий функцию связи сакрального и профанного в первобытной культуре, не может быть сужен в современном понимании только до средства «самовыражения» эго. Танец неизменно есть *ис-целение* мира, когда обнаруживается, как пишет В. Подорога, что «есть тело Космоса, тела Богов, но нет и не может существовать тела Человека»².

Такое понимание танца свойственно, прежде всего, тем людям, для которых он является образом жизни. Танцовщица Рут Запора так описывает свой опыт этого рода: «...Рут там не было. Вместо этого танец танцевался сам собой»³. Иногда в работах исследователей психологии танца или в мемуарной ли-

---

¹ См.: Кириллов А. П. Язык танца: историко-системно-семиотическая разработка и обоснование. М., 2004.

² Подорога В. А. Феноменология тела. М., 1995. С. 11.

³ См.: Запора Р. У тела есть свой разум // URL: [http:// girshon. ru/txt/ zapora2.htm](http://girshon.ru/txt/zapora2.htm) (дата обращения: 03. 03. 2009).

тературе встречаются формулировки типа «танец танцует человека». Достижение такого сверхличного состояния и является целью танца. Кацуо Оно, танцовщик и учитель японского традиционного танца буто, говорит своим ученикам: «Вы должны убить ваше тело, чтобы построить сознательное тело»¹. Этот призыв имеет множество параллелей во многих религиозно-философских системах: у индуистов человек, «убивший» своё физическое тело и сделавший его, таким образом, сознательным, именуется «живым мертвецом» (dead man in life)², в дзен-буддизме – «полым бамбуком». Эти представления идут вразрез с традиционным пониманием танца как выражения характера.

Такое понимание позволяет использовать танец и как метафору целой жизни. Тогда за образцом подлинно танцевального отношения к жизни следовало бы обратиться к культурам, в которых реализуются жизненные стратегии, отличные от западных. Это касается, допустим, способов ориентировки в пространстве. Известно, что в языках некоторых туземных народов, например, австралийских аборигенов племени Йимитир или индейцев винту, нет наименований для сторон, исходящих из субъекта: рука (сторона) может быть только северной или южной – т.е. центр мира находится в самом мире³. При том, что весь мир принадлежит мне, ни одной частью его я не владею в первичном смысле «принадлежности – владения». Подобный способ созидательного и охранительного касания мира и есть танец.

В таком ракурсе танец есть поворот от себя к феноменальности мира. Нет больше акцента на мне и моём теле как препятствию к взаимодействию с ним. Я растворяюсь в мире. И если можно говорить о том, что танец есть самовыражение, то лишь с тем уточнением, что под само- в этом случае подразумевается Мир как субъект всякого опыта. И дилемма самовыражения в танце и в жизни сводится к выбору одной из двух стратегий: либо к философскому удивлению тому, что существует, к раскрытию многоликой реальности, к отказу от алчного фиксированного «я», либо к ограничению и прекращению контактов с миром, а потому и прекращению внутреннего роста и усложнения, в конечном итоге – к разрушению.

¹ Цит. по: Бергмарк Й. Буто – восстание тела в Японии и сюрреалистический способ движения // URL: http://girshon.ru/txt/sur_butoh.htm (дата обращения: 03.03.2009).

² Mindell A. Dreambody, The Body's Role in Revealing The Self. Los Angeles, 1982. P. 24.

³ Минделл А. Геопсихология в шаманизме, физике и даосозме. Осознание пути: В учениях Дона Хуана, Ричарда Фейнмана и Лао Цзы. М., 2008. С. 29.

Часть III

Социология, политология, психология

А. Ю. Завалишин

ЛЮБОВЬ СОЦИАЛЬНАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ (опыт концептуального анализа)

Феноменология любви

Любовь – удивительное творение человеческой природы. Вряд ли найдётся другой социокультурный и социально-психологический феномен, который бы вызывал у людей столь бурные эмоции, пристальное внимание, всеобщее обсуждение, жажду найти, присвоить и обладать им. За всю историю человеческой цивилизации не было создано ни одного художественного произведения, соавтором которого не была бы Любовь (любовь к женщине, детям, природе, обществу, Богу). На протяжении тысячелетий величайшие умы человечества (философы, святые пророки, психологи, писатели и поэты) пытались ответить на вопрос: а что же такое любовь? Все отвечали по-разному, но окончательного ответа не нашёл никто.

В обыденном, житейском сознании любовь чаще всего ассоциируется с сильным переживанием, *чувством* по отношению к объекту, желанием *идентифицировать* себя в нём (перенесение своего «Я» на объект любви, отрицание себя ради любимого). Самопожертвование, верность «до гроба», иррационализация существования (готовность ради любимого на любой, самый абсурдный поступок) – вот общепризнанные, закреплённые в общественном сознании и многократно воспроизведённые в художественной литературе эталоны «настоящей» любви.

В отличие от обыденного (сужающего феномен любви до рамок специфической интеракции между индивидами), философское её понимание изначально было несравненно более широким. Уже в Древней Греции орфики и, в частности Эмпедокл, рассматривали любовь в качестве строящей, сплавляющей, движущей и соразмеряющей *энергии мироздания*. Аристотель видел *космическое*, всеобщее проявление любви в движении небесных сфер. Платон рассматривал её

как *восхождение* от чувственной влюблённости к абсолютному благу и абсолютной красоте.

Религиозное представление о любви как *сущности* Бога и важнейшей компоненте *человеческого естества* было сформулировано в христианстве («И любви Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всеми силами твоими» [Втор. 6, 5]). На протяжении веков в границах христианской ойкумены происходила сознательная, хотя и не всегда последовательная интервенция этой центральной идеи христианского мировоззрения в общественное и индивидуальное сознание. Любовь стала осознаваться как высшая духовная ценность, цель самосовершенствования и условие приобщения к Богу, слияния с ним.

Секуляризация европейского сообщества, начавшаяся в Новое время, потребовала переосмысления феномена любви. Отрицание Бога привело к отрицанию любви, вплоть до низведения её до уровня инстинкта (А. Шопенгауэр: «Любовь между полами есть иллюзия, при помощи которой мировая воля заставляет обманутых индивидов быть слепыми орудиями продолжения рода»¹). На рубеже XIX – XX веков З. Фрейд развил эту мысль, предположив, что любовь – не что иное, как сублимация полового инстинкта.

В XX веке научное осмысление феномена любви происходило преимущественно по двум направлениям: психологическому (социально-психологическому) и философскому. Причём, что показательно, внимание к данному объекту со стороны науки было несравненно меньшим, чем со стороны искусства. Основное внимание исследователи уделяли психологическому и прикладному аспектам половой любви: чувствам, эмоциям, способам привлечь внимание «объекта вожделения», сохранить верность любимого и так далее. На протяжении XX столетия появилось всего лишь несколько фундаментальных социально-философских исследований, объектом которых была любовь. Этот парадокс нуждается в специальном исследовании. Пока мы можем лишь предположить, что искусство, почти полностью построенное на любви, стремится удовлетворить социально-психологическую *потребность* любить и быть любимым, существующую у каждого человека, а фундаментальная наука, игнорирующая по большому счёту сам этот феномен, констатирует таким образом его *фактическое отсутствие* (или по крайней мере, существенный дефицит) в обществе.

Среди немногочисленных социально-философских исследований любви, опубликованных в XX веке, лишь труды Д. фон Гильдебранда, Г. Ричардсона,

---

¹ Цит. по: Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 327.

В. С. Соловьёва, Э. Фромма и М. Шелера¹ отличаются достаточной глубиной и основательностью. Большинство учёных рассматривают любовь с позиций феноменологии, что, однако, не мешает им делать заметно различающиеся выводы относительно её сущности и проявлений. Тем не менее, у всех без исключения мы обнаруживаем определённые, хотя и не всегда последовательные подходы к осмыслению сугубо *социального компонента* любовного отношения.

Ближе всех к социологическому пониманию любви подошёл Э. Фромм в труде «The art of loving» («Искусство любви»), впервые опубликованном в 1962 г. Принципиально важной для нашего исследования стала идея, высказанная Г. Ричардсоном в работе «Любовь как осознанное действие»: «Всё, с чем мы встречаемся на материальном и ментальном уровнях, имеет свои *архетипы* на уровне духовной реальности, и то же самое относится к любви. Духовный архетип любви проявляется на психологическом уровне реальности – в нашем внутреннем мире – как знакомая нам человеческая эмоция, но только сейчас мы начинаем понимать её. Как мы видим, она может метаморфически выразиться в различных формах, таких как интерес, бережность или сострадание, так же, как и в разнообразии форм родительской, сыновней, братской или сексуальной любви»².

Вплоть до сегодняшнего дня практически все исследователи (философы, психологи, социологи) рассматривают любовь как сугубо *индивидуальную, интимную* обращённость чувства и воли на *другую личность*. Немногочисленные социологические публикации о любви отечественных и зарубежных авторов также анализируют её исключительно на микроуровне – в межличностных взаимодействиях. Введённые в последние годы в некоторых мировых университетских центрах курсы «Социологии любви»³ также ориентированы исключительно на анализ межличностных её проявлений и призваны оказывать практическую помощь молодым людям в саморефлексии общечеловеческого (гуманистического) понимания индивидуальной (прежде всего половой) любви и её современных, нередко существенно деформированных проявлений.

¹ См.: Гильдебранд Д. фон. Сущность любви // Гильдебранд Д. фон. Новая Вавилонская башня: Избранные философские труды. СПб., 1998. С. 139 – 313; Ричардсон Г. Любовь как осознанное действие. М., 1994; Соловьёв В. С. Смысл любви // Соловьёв В. С. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998. С. 428 – 480; Фромм Э. Искусство любви: Исследование природы любви. Минск, 1990.; Шелер М. *Ordo amoris* // Шелер М. Избранные произведения. М. 1994. С. 339 – 377.

² Ричардсон Г. Указ. соч. С. 241.

³ См., напр.: Love Talk: Lectures on the Sociology of Love // Sinorama. 1997. January. Vol. 22. № 1; Jacobs H. The Sociology of Love // URL: <http://www.newpaltz.edu> (дата обращения: 16. 11. 2002).

Таким образом, и прошлые, и нынешние исследователи как бы «не замечают» (В. С. Соловьёв, Э. Фромм) или не признают (Д. фон Гильдебранд) социальной сущности любви, искусственно суживают сферу её проявления до межличностных или, в крайнем случае, – групповых интеракций. Вплоть до настоящего времени любовь не стала самостоятельным объектом масштабного социологического исследования. В то же время потребность в таком исследовании именно в начале XXI века нам представляется бесспорной¹.

Чем это вызвано? Прежде всего, тем, что любовь, в нашем понимании, – гораздо более фундаментальное и широкое явление, чем принято о ней думать. Она оказывает существенное влияние не только на межличностные (между мужчинами и женщинами, родителями и детьми), но и межгрупповые и общесоциальные отношения (любовь к своему народу, к родной стране, к человечеству). Все эти различные в своих конкретных проявлениях феномены имеют нечто общее: их основу составляет материнская любовь, являющаяся *базовой* и *опосредующая* все прочие её проявления.

Связано это с тем, что любовь к матери – первое наиболее сильное и наиболее глубоко укоренённое чувство, испытываемое младенцем. Материнская любовь интернализуется им в первые дни, может быть, недели после рождения на уровне подсознания, формирует базовые *архетипы* любви в первые годы жизни и в дальнейшем оказывает непосредственное воздействие на характер и насыщенность половой любви (любви к партнёру по сексу) и социальной любви (любви к ближнему). Социальная любовь выступает в качестве важнейшего социального института, обеспечивающего самосохранение общества, она интегрирует отдельных индивидов в социально-психологическую целостность, предотвращает или в значительной мере сглаживает возникающие между ними разногласия, обеспечивает устойчивое взаимодействие.

К сожалению, приходится признать, что на протяжении всего XX века любви в мире больше не становилось. Категоричное утверждение Э. Фромма о том, что «анализ природы любви раскрывает её общее отсутствие сегодня и ведёт к критике социальных условий, ответственных за это отсутствие»², на наш взгляд, недалеко от истины, хотя Г. Ричардсон высказывает и противоположную точку зрения: «Любовь... увеличивается, начиная с её первого проявления в XVIII ве-

---

¹ См.: Завалишин А. Ю. Любовь как социологическая категория и как социальный институт // Гуманитарные науки и современность: Матер. регионал. науч.-практ. конф., 15-16 марта 2003 г. Комсомольск-на-Амуре, 2003. С. 9 – 12.

² Фромм Э. Указ. соч. С. 78.

ке, и процесс этот продолжается и сейчас... Придёт время и любовь станет доминирующей силой»¹.

Э. Фромм «отсутствие любви» связывает прежде всего с капиталистическими общественными отношениями, утверждая, что «принцип капитализма несовместим с принципом любви», поскольку в сегодняшнем западном обществе «любовь является по необходимости маргинальным явлением... не столько потому, что многие профессии не допускают отношений любви, сколько потому, что дух общества, сосредоточившего свой интерес на производстве товаров и алчущего товаров, таков, что только нонконформист может успешно защищать себя от него»².

Не оспаривая данную точку зрения, мы добавим, что ещё одной существенной причиной девальвации любви и всех её проявлений в современном обществе является демократизация общественных (в том числе и сексуальных) отношений, так называемая «сексуальная революция», породившая чувство вседозволенности в интимных отношениях, поспание казавшихся незыблемыми моральных принципов. Современные молодые люди в значительной массе считают любовь либо недостижимым идеалом, либо красивой сказкой, выдуманной моралистами прошлого. Они не отягощают себя рефлексиями, разносят понятия «любовь» и «секс», как не связанные друг с другом, стремятся получить максимум удовольствий и не задумываются о возможных последствиях. Не только половая, но и материнская любовь утрачивает свою ценность в глазах нынешних 20 – 30-летних. Растёт количество разводов, добрачные и внебрачные половые отношения рассматриваются как сами собой разумеющиеся, массовой практикой становятся отказы матерей от детей, родившихся вне брака или имеющих какую-либо врожденную патологию. Всё это в совокупности создаёт реальную угрозу не только морали и нравственности, но и всему мировому порядку, уже сейчас проявляется в беспрецедентном росте преступности (особенно подростковой и женской), тотальном наступлении международного терроризма, дегуманизации всего современного мира (и здесь мы солидарны с М. Шелером: «Если человек ниспровергает божественный порядок (= любовь. – А. З.) в себе – он ниспровергает и божественный миропорядок»³).

---

¹ Ричардсон Г. Указ. соч. С. 245.

² Фромм Э. Указ. соч. С. 77.

³ Шелер М. Указ. соч. С. 354.

Любовь в социологической экспликации

С позиций социологии любовь следует рассматривать двояко: как *категорию* и как *социальный институт*. Как социологическая категория, любовь представляет собой *универсальное сугубо человеческое отношение, интегрирующее человеческое сообщество на всех уровнях проявления социального и обеспечивающее гармонизацию межличностных и межгрупповых отношений в условиях социального неравенства и перманентно протекающих социальных конфликтов*. Как социальный институт, любовь является *совокупностью специфических ценностей и норм поведения, а также чувствований, реакций, символов, отношений, интегрирующих людей в некую целостность на надрациональном, трансцендентном уровнях*. Это важнейший вид диффузного обмена, при котором любовь по отношению к объекту в качестве затраты (дара) возмещается не ответным даром (взаимной любовью, услугой или ресурсом), а чувством удовлетворения от самого факта любви. То есть, любовь *самодостаточна, она питает сама себя* и в силу этого в условиях тотального дефицита средств обмена выступает важнейшим условием *самосохранения и целостности общества*.

Любовь можно трактовать в широком и узком смыслах. В узком смысле – это социально-психологическая любовь – *чувства и опосредуемые ими действия между индивидами, порождённые инстинктом самосохранения (любовь к себе), половым инстинктом (любовь к сексуальному партнёру), материнским инстинктом (любовь матери к ребёнку и ребёнка к матери)*. Любовь в широком смысле – социальная любовь – это *чувства и действия индивидов по отношению к социальным группам и институтам, являющиеся результатом инверсии социально-психологической любви на более высоком социетальном уровне, и интернализирующиеся ими в процессе социализации в конкретном социально-историческом континууме*. Вследствие этого в разные исторические эпохи, у разных народов содержание и смыслы социальной любви существенно различаются.

Подчеркнём ещё раз: социально-психологическая любовь возникла из инстинкта и показала свою высокую эффективность в оптимизации межличностных отношений. И именно поэтому ещё в глубочайшей древности была взята на вооружение обществом, которое стремилось осуществить интервенцию любви практически во все сферы социальной жизни.

Генезис и историческая эволюция социальной любви

На индивидуальном (личностном) уровне любовь возникает с момента рождения в процессе взаимодействия младенца с матерью первоначально на подсознательном (условно-рефлекторном) уровне, затем (в процессе социализации) – на уровне сознания (саморефлексии). Именно материнская любовь выступает в роли своеобразного эталона (мерила) всех иных видов любви, осмысливаемых и переживаемых индивидом в жизни. Одновременно она является и своеобразной матрицей – шаблоном, первоосновой для выстраивания соответствующего отношения личности ко всем иным объектам его *позитивного морального расположения*. Таким образом, природа любви двойственна: она возникает как *чувство*, но существует как *отношение*. Любовь взрослого человека (сложившейся личности) – это уже сугубо *социокультурный* феномен, возникший на определённом этапе развития общества и выполняющий важные социальные функции.

На протяжении истории человечества любовь претерпевала существенную эволюцию. В условиях первобытности, когда социальные связи и отношения только ещё складывались и не носили институционального характера, возникла и осмысливалась (через мифы, легенды, предания, были) сугубо индивидуалистическая любовь (прежде всего материнская и половая). Взаимоотношения героев, богов, стихий описывались в терминах симпатии – антипатии, верности – измены, взаимности – безответности. Именно эти социально-психологические феномены были базовыми архетипами любви на протяжении тысячелетий.

Возникновение общества, ставшее следствием увеличения численности человеческой популяции и институционализации социальных контактов между индивидами, привело к возникновению социальной любви (любви к роду, племени, этносу, нации).

Возможно, первое осмысление нового вида любви и попытка её использования для социального конструирования общества были предприняты ещё в начале нашей эры в рамках христианства. В понимании адептов этой религии любовь представляла важнейшим инструментом урегулирования социальных конфликтов и оптимизации социальных взаимодействий: «...Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую; и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому,

просящему у тебя, давай, и от взявшего твоё не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» [Лука. 6, 27-31].

Особое значение апостолы Христа придавали идее *безвозмездности и жертвенности* любви: «И если любите любящих вас, какая вам за то благодарность? ибо и грешники любящих их любят. И если делаете добро тем, которые вам делают добро, какая вам за то благодарность? ибо и грешники то же делают. И если займы даёте тем, от которых надеетесь получить обратно, какая вам за то благодарность? ибо и грешники дают займы грешникам, чтобы получить обратно столько же. Но вы любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего; и будет вам награда великая, и будете сынами Всевышнего; ибо Он благ и к неблагодарным и злым» [Лука. 6, 32-35]. Устами апостола Павла Иисус Христос формулирует важнейший в христианстве принцип *первичности любви*: «Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон. Ибо заповеди: “не прелюбодействуй”, “не убивай”, “не кради”, “не лжесвидетельствуй”, “не пожелай чужого”, и все другие заключаются в сем слове: “люби ближнего твоего, как самого себя”» [Рим. 13, 8-9].

Итак, с точки зрения христианства, основа любви – любовь к себе. В максимах, приписываемых Иисусу, Он как бы выстраивает логическую цепочку: любовь к себе (основа любви) → любовь к ближнему → любовь к Богу (вершина любви). Одновременно феномен любви начинает эксплуатироваться и светской (публичной) властью. Поскольку государство (как считает большинство исследователей) возникло в результате эволюции семьи (семья → род → племя → союз племён → государство), то здесь за основу была взята любовь сына (дочери) к матери (отцу). «Эксплуатация» символов сыновне-родительской любви в процессе формирования государственного мировоззрения просматривается в соответствующих словообразованиях: царь – *батюшка*, подданные – *чада*, родина – *мать (отец)*. Иерархия видов любви здесь уже иная: любовь к матери (основа любви) → любовь к Родине (Отчизне) → любовь к государю (вершина любви). В условиях сакрализованного государства (каким, в частности, была и Россия вплоть до 1917 г.) существовала мировоззренческая потребность в поиске оптимального сочетания религиозного и светского понимания любви. В России XIX века это сочетание выразилось в известном слогане «православие, самодержавие, народность»: любовь к Богу → любовь к царю → любовь к этносу («русскому народу»).

В советское время символы любви также успешно эксплуатировались новой властью с той лишь разницей, что любовь к Богу была заменена любовью к коммунизму (непререкаемой *верой* в коммунизм), любовь к царю – любовью к партии, любовь к народу – любовью к «пролетариям всех стран»¹. Идеологически гипертрофированная любовь к «социалистическому» Отечеству, усиленно внедрявшаяся в общественное сознание («прежде думай о Родине, а потом о себе»), была уже не просто вершиной, но *единственно возможной* любовью, отрицавшей самым своим фактом любви более низкого уровня (отсюда – требование самопожертвования во имя Родины, партии, коммунизма (как отрицание любви к себе); воспевание поступка Павлика Морозова, предавшего родного отца (как отрицание сыновней любви), введение многочисленных запретов и ограничений в сексуальной сфере (как отрицание половой любви)).

Половая любовь вообще занимает особое место в ряду базовых видов любви. Ни прежде, ни теперь она не оказывалась востребованной в социальном плане (при том, что она ничуть не менее «социальна»). Дело, очевидно, в том, что половая любовь имеет одну принципиально важную особенность – она максимально *свободна в выборе объекта*. Действительно, нам не дано выбирать родителей и детей (мать любит дитя, дитя любит мать *по природе*). Любовь к народу, родине, власти (государю) имеет откровенно *авторитарный* характер – она *навязывается* индивиду посредством его включения в ценностно-нормативный контекст данного общества. Не только измена, но даже проявление *нелюбви* к своему народу, родине, государству сурово караются авторитарной властью и осуждаются общественным мнением вплоть до самого последнего времени. При этом контроль за поведением партнёров в половой любви со стороны общества до недавнего времени также был чрезвычайно жёстким. Одно дело – выбор того, кого любить («Любовь зла, – гласит народная мудрость, – полюбишь и козла»). Другое дело – измена. За изменой следует расплата. Легитимируя наказание за супружескую измену, общество латентно (с позиций Р. Мертона) обеспечивает единство любовей всех уровней и, как следствие, собственную целостность. Если измена невозможна по отношению к Родине, государю и Богу, она невозможна и по отношению к мужу (жене). И наоборот – допуская возможность измены в половой любви (или хотя бы право на развод и повторный брак), общество автоматически допускает возможность измены Родине, государству, религии. Не в

---

¹ Если иметь в виду, что любовь, помимо прочего, проявляется в *единении* субъекта с объектом, *слиянии* с ним, то известные лозунги советского времени "Народ и партия – едины", "Пролетарии всех стран, объединяйтесь!" и им подобные можно рассматривать, как откровенные призывы к любви, установку на любовь со всеми, вытекающими отсюда последствиями.

этом ли ключ к пониманию катастрофически деструктивных социокультурных процессов, происходящих в современном мире?!

Одной из фундаментальных причин переосмысления и переоценки любви во всех её проявлениях стала глобальная демократизация, начавшаяся ещё в Новое время в Западной Европе и США и охватившая в наши дни по некоторым экспертным оценкам более половины земного шара. Механизм этого процесса представляется нам следующим.

Если в условиях авторитарных обществ прошлого отношение подданных к государю (политической власти) проявлялось (или а priori должно было проявляться) в виде социальной любви, то в условиях политической демократии оно стало объектом торга между избирателями и претендентами на власть и *перестало быть любовью* (на что указывает и Э. Фромм). Пример России конца XX века в этом отношении более чем показателен. Каких-то 15 – 20 лет назад руководителя партии и государства в нашей стране величали не иначе как «*дорогой*» и «*любимый*». Сегодня «побрехать на слона» норовит всякая уважающая себя «моська». Сугубо прагматичное (рыночное) отношение к власти закономерно спроектировалось на отношение к родине («где мне хорошо, там и родина»), народу (пренебрежительное отношение к «русскому» и «русским» в России 1990-х годов стало уже общим местом), семье (всё большее распространение брачных контрактов, «гражданских» браков, порождающих безответственность супругов друг по отношению к другу, а нередко и к детям, абсолютный и относительный рост числа разводов), самому себе (о чём свидетельствует массовое распространение «наплевательского» отношения к своему здоровью, беспрецедентный рост числа самоубийств, особенно среди подростков и молодёжи).

Все эти явления имеют и «обратный ход»: девальвация социально-психологической любви, начавшаяся с девальвации любви социальной, приводит к прямому разрушению последней. На наших глазах происходит кумулятивный процесс разрушения социальной любви, грозящий дезинтеграцией и повергающий в хаос всё мировое сообщество.

Но так ли это в действительности ужасно? Феномены любви рождаются в сознании людей и, будучи осмысленными, превращаются в социальные действия. До тех пор, пока общественное и индивидуальное сознание сохраняет и воспроизводит архетипы любви, говорить о её исчезновении преждевременно.

Архетипы любви

Под *архетипами любви* в данном случае мы понимаем устойчивые, закреплённые в культуре и систематически воспроизводимые в общественном сознании и социальных действиях знаки, символы, чувства, отношения, соотносимые с любовью и её проявлениями. Не обязательно говорить «я люблю», достаточно воспроизвести тот или иной архетип по отношению к объекту, и всё будет понятно. И наоборот, можно сто раз сказать «заветные слова», не подкрепляя их архетипическими проявлениями, – любви от этого больше не станет.

Несмотря на устойчивость базовых архетипов любви, их понимание разными людьми, в том числе и исследователями, существенно различается. Так, по мнению М. Шелера, (вселенская) любовь проявляется в силе, самолюбии (но не себялюбии = эгоизме!), становлении, росте, движении к Богу, выходе за пределы себя как телесного индивида, самосовершенствовании.

Д. фон Гильдебранд видит проявления любви в жертвенности, трансценденции, *тематичности* (в любви соответствующие ценности и наслаждение ими должны быть связаны с человеком как *личностью*, а сам он в них должен являться *главной темой*, то есть, быть тематичным), интересе, солидарности, восхищении, духовном единении, благожелательности, самопожертвовании, счастье, тоске по взаимности, самоотречении. Вместе с тем, Гильдебранд не считает проявлениями истинной любви любовь к безличным объектам (Родине, нации, государству), любовь как средство получения удовлетворения (например, любовь к мороженому), а также самоуверенность, тщеславную гордость, половое влечение, желание, волю и уважение («любовь – аффективный ценностный ответ, уважение – это “оценивающий” ценностный ответ», – утверждает он¹).

По мнению Э. Фромма, важнейшие проявления любви – это *забота* («активная заинтересованность в жизни и развитии того, что мы любим»), *ответственность* за объект любви, *уважение* («если я люблю другого человека, я чувствую единство с ним, но с таким, каков он есть, а не с таким, как мне хотелось бы чтоб он был, в качестве средства для моих целей»²), *знание* объекта любви. Помимо этого, Э. Фромм отмечает в качестве проявлений любви искусство жить, межличностное слияние, единение, решимость, обещание (особенно для половой любви), веру в себя и в объект любви, активность («не делание чего-либо, а внутреннюю деятельность, созидательное использование своих сил»).

¹ Гильдебранд Д. фон. Указ. соч. С. 197 – 198.

² Фромм Э. Указ. соч. С. 19.

Г. Ричардсон называет в качестве архетипов любви интерес, бережность и сострадание. «На архетипическом уровне, – отмечает он, – любовь проявляется не как знакомая нам человеческая эмоция, но как *первичная вселенская сила огромной мощности*»¹.

Таким образом, имеет место существенный разброс мнений. Кто прав? Ответ на этот вопрос мы попытались получить в социологическом исследовании, проведённом в некоторых вузах г. Хабаровска весной 2003 г. (результаты исследования представлены в данном сборнике²).

Типология и социальные функции любви

Какие типы любви рождены человеческим обществом и освящены цивилизацией? Сравним разные точки зрения.

В Древней Греции выделяли четыре типа любви: *эрос* – восторженную и страстную любовь-влюблённость, *филию* – любовь-дружбу, любовь-приязнь индивида к индивиду, *сторге* – любовь-привязанность, особенно семейную, *агапе* – жертвенную и снисходящую любовь «к ближнему». Критерием в данном случае служили различия чувств, испытываемых к объекту любви.

Исследователи XX века в качестве основания для типологии рассматривают не оттенки чувств, а социальные различия объекта, таким образом, *социализируя* любовь.

В. С. Соловьёв важнейшей (базовой) считает половую любовь (между мужчиной и женщиной), а также выделяет мистическую и родительскую любовь. Не являются любовью, по его мнению, эгоизм (себялюбие) и дружба между лицами одного и того же пола («если эта дружба достигает особенной интенсивности, то она превращается в противоестественный суррогат половой любви»³). Также он не считает любовью патриотизм и любовь к человечеству («по несоизмеримости любящего с любимым»). Высший тип любви – любовь к Богу, посредством которой образ Божий «познаётся конкретно и жизненно»⁴.

М. Шелер выделяет самолюбие (противопоставляя его себялюбию = эгоизму), вселенскую любовь (как мировую силу) и человеческую любовь (между индивидами). Д. фон Гильдебранд утверждает о существовании материнской люб-

¹ Ричардсон Г. Указ. соч. С. 241.

² См.: Завалишин А. Ю., Фёдорова В. Р. Социальная любовь глазами 18 – 20-ти летних (некоторые итоги пилотажного исследования) // DIXI – 2011. С. 109 – 122.

³ Соловьёв В. С. Указ. соч. С. 450.

⁴ Там же. С. 458.

ви, сыновней, дружеской, супружеской, любви к Богу и ближнему. Он также отрицает возможность любви к безличным объектам (Родине, народу и так далее).

Э. Фромм называет и подробно характеризует братскую любовь (= любовь к ближнему), которую он считает основной (фундаментальной), материнскую любовь (высший, по его мнению, тип любви в силу её альтруистического, бескорыстного характера; это «наиболее священная из всех эмоциональных связей»), эротическую любовь, любовь к себе («если добродетельно любить своего ближнего, как человеческое существо, должно быть добродетелью – а не пороком – любить и себя, так как я тоже человеческое существо»¹), любовь к Богу («это не познание Бога мыслью, не мысль о собственной любви к Богу, а акт переживания единства с ним»²).

Не пытаясь полемизировать с корифеями науки, мы смеем предложить свою типологию любви, основанную на социологической экспликации и увязывающую типы любви с уровнями её существования и социальными функциями.

Итак, существуют три уровня любви (в этом мы солидарны с В. С. Соловьёвым): *базовый*, на котором формируются, закрепляются в культуре и фиксируются в индивидуальном сознании архетипы любви (он охватывает все возможные межличностные отношения и основывается на инстинктах); *средний* (включает все виды социальной любви); *высший* (объединяет духовные типы любви).

К базовому уровню относятся: а) *любовь к себе* (основана на инстинкте самосохранения; важнейшие функции – охранительная и индивидуализирующая («оправдание и спасение индивидуальности через жертву эгоизма»³); б) *любовь к сексуальному партнёру* (основана на половом инстинкте, выполняет воспроизводительную функцию и сексуальноинтегрирующую («создать единство мужского и женского начал, сохраняющих свою формальную обособленность»⁴); в) *родительская и сыновняя любовь* (прежде всего – любовь между матерью и ребёнком, основанная на материнском инстинкте; функции такой любви – охранительная и социализирующая; на первом этапе (маленький ребёнок, молодые родители) охранительная функция проявляется в заботе о безопасности и развитии ребёнка, на втором (взрослые дети, престарелые родители) – в заботе детей о своих родителях; при этом с годами материнский инстинкт постепенно угасает, замещаясь чувством долга, а сама эта любовь из психологической преобразуется в социальную).

¹ Фромм Э. Указ. соч. С. 36.

² Там же. С. 46.

³ Соловьёв В. С. Указ. соч. С. 444.

⁴ Там же. С. 455.

Средний уровень включает: а) *любовь к родственникам* (выполняет функции социальной интеграции и социально-экономической поддержки); б) *любовь к роду, племени, этносу* (её назначение – сохранение социокультурной целостности, самобытности, своеобразия данного этноса во взаимодействии с другими этносами); в) *любовь к Родине* (её важнейшая функция – защитная: охрана окружающей среды и защита политического суверенитета Отечества во взаимоотношениях с другими странами и народами); г) *любовь к человечеству* (как результат социокультурной глобализации, распространения общности интересов, проблем, ценности и хрупкости человеческой цивилизации во всех её проявлениях; важнейшие функции – сохранение мира, преодоление глобальных катаклизмов, как природных, так и военно-политических).

На высшем уровне располагаются: а) *любовь к общественному строю* (политическому режиму, форме правления, политической идеологии; функции этого типа любви – сохранение социально-политической целостности, выработка общезначимых целей общественного развития и мобилизация общества на их достижение); б) *любовь к Богу* (выполняет функции сохранения нравственных принципов, общественной морали, стремления к самосовершенствованию и усовершенствованию мира («познание образа Божия» (В. С. Соловьёв), «оценивать себя с точки зрения соответствия божественному образу» (М. Шелер), «вера в божественное существование, божественную справедливость, божественную любовь» (Э. Фромм)).

Если рассматривать социальные функции любви интегрированно, то важнейшими среди них, безусловно, являются: преодоление чувства одиночества (объединение, «слияние» субъекта с объектом любви, будь то другой человек, социальная общность или Бог); социальная интеграция общностей на основе безвозмездного вклада её членов в общее дело; противостояние злу во всех его проявлениях (Г. Ричардсон); утверждение общественной морали.

Любовь – нелюбовь (социальные антиподы любви)

Все без исключения исследователи феномена любви говорят об опасности, состоящей в подмене любви псевдолюбовью, в распространении «нелюбовей», которые общественным мнением могут восприниматься как самая настоящая любовь, порождая тем самым разнообразные социальные патологии. Рассмотрим некоторые виды таких «нелюбовей».

Любовь и секс нередко сливаются в обыденном сознании. Если мы занимаемся сексом, значит, любим друг друга; если я его (её) люблю, то это, прежде всего, проявляется в том, что я занимаюсь с ним (с ней) сексом. Действительно, половая любовь и секс – вещи нерасторжимые. Однако необходимо иметь в виду, что секс в чистом виде является средством *присвоения* половых качеств партнёра, *получения* физиологического удовлетворения. В данном случае субъект не даёт объекту, а берёт от него, что по определению любовью не является. В случае половой любви любовь и секс взаимодополняют друг друга, поднимая любовь на качественно более высокий уровень. Но в равной мере возможны половая любовь без секса и секс без любви.

Более того, в широком смысле «секс», как использование не любящим субъектом любви к нему объекта, возможен и во всех иных типах любви. Всякий раз, когда вы эксплуатируете чьё-то позитивное к вам расположение в своекорыстных целях, вы «занимаетесь с ним сексом», что в принципе аморально.

«*Любовь и ревность* – не порок», – поётся в популярной песенке. «Если ревнует, значит, любит», – гласит народная мудрость. Так ли это? В действительности чувство ревности, порождённое любовью, убивает любовь. Ревность – это, прежде всего, стремление единолично, безраздельно *владеть* объектом, лишить его свободы выбора, свободы общения, права иметь и менять свою точку зрения. Ревность означает *неуважение* к объекту, стремление субъекта сделать его своей собственностью, своей *вещью*. Ревность убивает любовь, которая принимает извращённую форму *фетишизма*.

Любовь и ненависть – очевидные антагонисты, которые, однако, «бегают в одной упряжке». Общеизвестна максима: «От любви до ненависти – один шаг». Однако не только любовь с лёгкостью превращается в свою противоположность, но и ненависть может стать любовью. Дело здесь в том, что ненависть «является лишь следствием в некотором смысле неправильной и хаотичной любви... основой каждого акта ненависти является акт любви, без которого первый терял бы смысл»¹.

Любовь и ненависть – в равной мере сильные, но разновекторно направленные чувства. Изменение направленности (нередко случайное) приводит к тому, что сильная ненависть преобразуется в не менее сильную любовь, и наоборот. Чем сильнее мы ненавидим, тем сильнее можем полюбить один и тот же объект.

---

¹ Шелер М. Указ. соч. С. 366.

Самолюбие (любовь к себе) и эгоизм также нередко сливаются в нашем понимании, однако, исследователи любви считают их прямыми противоположностями, и в этом они поразительно солидарны. «Эгоизм – это самоотрицание и гибель», – утверждает В. С. Соловьёв¹. «При себялюбии (эгоизме. – А. З.) мы всё, а значит, и себя самих воспринимаем, запутавшись в пёстром покрове иллюзий»². «Эгоистичный человек любит себя не слишком сильно, а слишком слабо, а на самом деле он ненавидит себя»³. Опасность эгоизма состоит в преувеличенном внимании к себе и одновременно пренебрежении к другим людям. Однако есть угроза и иного рода, на которую указывает Э. Фромм: «Если индивид в состоянии любить созидательно, он любит также и себя; если он любит только других, он не может любить вообще»⁴. Таким образом, и чрезмерное внимание к себе (эгоизм), и демонстративное самопожертвование (альтруизм) являются нелюбовью.

Патриотизм и национализм конгруэнтны самолюбию и эгоизму на более высоком – социетальном – уровне. В данном случае патриотизм – это любовь к Родине и одновременно – уважение патриотических чувств других народов к их родинам. Причём, наша любовь к Родине тем сильнее, чем выше уважение к патриотическим чувствам других людей. «Со-патриотичность» с другими народами планеты порождает чувство глобальной *солидарности* и ощущение *единства* всего человечества. Национализм (= групповой этноэгоизм), проявляющийся в превознесении своей нации и одновременно – демонстративном пренебрежении всеми другими народами, эпатирует неприязнь, порождает ксенофобию, разделяет людей по этническому признаку (а разделение, отдаление также по определению – не любовь).

Пиетет, симпатия к другим странам и народам при пренебрежении к своей стране и своему народу (космополитизм) в данном контексте оказывается конгруэнтным альтруизму и также любовью не является.

Демократизм и политический фанатизм можно рассматривать как любовь и нелюбовь на социально-политическом и идеологическом уровнях, если иметь в виду, что демократия в широком смысле есть *уважение* прав и свобод других людей, *со-участие* в управлении обществом, *толерантность* по отношению к взглядам, идеям, образу жизни «не таких как я» людей и «не наших» социальных

¹ Соловьёв В. С. Указ. соч. С. 445.

² Шелер М. Указ. соч. С. 349.

³ Фромм Э. Указ. соч. С. 37.

⁴ Там же.

групп. Политический фанатизм и особенно его крайняя форма – политический терроризм – это антилюбовь, способная уничтожить не только политического противника, но и общество как таковое.

Любовь к Богу и религиозный фундаментализм – последняя дихотомия, нуждающаяся в пояснении. Выше уже было сказано о том, что в соответствии с христианской доктриной Любовь это и есть Бог. Бог «вселюбен», и если ты истинно веруешь, так же как Бог, должен любить всех. Религиозный фундаментализм, порождённый партикулярным мышлением, конгруэнтен эгоизму на индивидуальном уровне и национализму – на этносоциальном. Неприятие иноверцев, борьба с ними означает неприятие центральной религиозной доктрины, а значит и религии как таковой. Таким образом, люди, попавшие под влияние религиозного фундаментализма, отрицают не только «неверных», не только религию, но и самого Бога.

* * *

Предпринятое нами исследование феномена социальной любви позволяет сделать один парадоксальный вывод: несмотря на вездесущность и очевидную значимость для каждого человека, любовь (и, прежде всего, социальная любовь) до сих пор не стала объектом социологического исследования. Половая любовь досконально «изучена» представителями искусства, подвергнута всестороннему психологическому анализу, не обойдена вниманием философов. Социальная же любовь – как бедная падчерица, до сих пор остаётся вне сферы внимания учёных. Приведённые выше высказывания о любви выдающихся исследователей XX века являются по существу плодом их умственного (как говорит А. Тойнби – интеллигибельного) анализа. Однако очевидно, что реальные отношения любви – нелюбви, возникающие в обществе, основываются не на глубоких идеях мыслителей прошлого и настоящего (с которыми знаком лишь узкий круг специалистов и любознательных обывателей), а на тех архетипах, которые существуют в данном обществе в данное время и интернализуются каждым новым поколением в процессе его социализации.

Именно поэтому мы предприняли попытку проведения конкретного социологического исследования, направленного, прежде всего, на выявление тех образов (архетипов) любви, которые интернализованы современной молодёжью и которые оказывают существенное влияние на актуальные проявления как психологической, так и социальной любви. Результаты данного исследования представлены во второй статье, посвящённой социологическому анализу социальной любви.

СОЦИАЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ ГЛАЗАМИ 18 – 20-ти ЛЕТНИХ (некоторые итоги пилотажного социологического исследования)

Социологическое исследование любви, проведённое нами в апреле – мае 2003 г. в г. Хабаровске¹, призвано было подтвердить (или опровергнуть) теоретические построения, изложенные в приведённой выше статье. Мы попытались найти ответы на следующие вопросы: 1) какой видится любовь глазами современной молодёжи; 2) какие архетипы любви определяют её проявления в современной России; 3) взаимосвязаны ли, и если взаимосвязаны, то как различные типы любви и прежде всего любовь психологическая и любовь социальная; 4) какие проблемы испытывают молодые люди, пытающиеся строить любовное отношение к кому или чему-либо.

Результаты социологического исследования

Респондентам было предложено определить своё отношение к следующим типам любви: 1 – к себе, 2 – к детям, 3 – к родителям, 4 – к мужчине (женщине), 5 – к мужу (жене), 6 – к близким (согражданам, землякам, людям, живущим по соседству), 7 – к соплеменникам, 8 – к малой родине, 9 – к России, 10 – к общественно-политическому строю государства, 11 – к главе государства, 12 – к человечеству, 13 – к Богу, 14 – к религии.

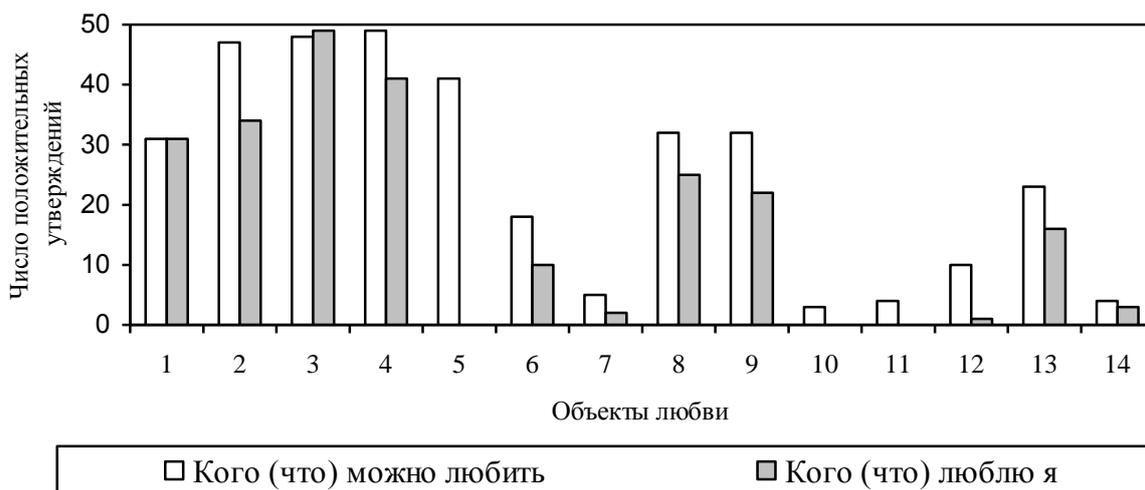
При оценке результатов анкетирования мы учитывали возраст и семейное положение респондентов, существенно влиявшие на некоторые их ответы (в частности, тот факт, что к моменту опроса все молодые люди, участвовавшие в опросе, не состояли в браке, не имели собственных детей, находились в сильной экономической и психологической зависимости от родителей). И даже в тех случаях, когда от респондентов требовался гипотетический ответ (в чём *вообще* проявляется любовь к детям, к мужу (жене) и т.д.), их социальный статус на момент заполнения анкеты заметно сказывался на предпочтениях и, соответственно, полученных результатах.

---

¹ Проведён анкетный опрос студентов 1–2 курсов вузов Хабаровска (N = 51, в том числе 36 девушек и 15 юношей) в возрасте от 18 до 20 лет. Респондентов попросили дать психологический портрет разных типов социальной любви по методике семантического дифференциала и ответить на 11 вопросов анкеты.

Первый вопрос касался оценки возможности любви к данным объектам и фактической любви (кого или что *можно любить* в принципе и кого или что респонденты *действительно любят*) (см. диаграмму 1). Молодые люди, участвовавшие в опросе, признали возможным любить все, названные в анкете объекты. Однако оценка такой возможности существенно различается. Более 80% респондентов посчитали возможным любить детей, родителей, мужчину (женщину), мужа (жену), причём, абсолютный «лидер» в опросе – любовь к мужчине (женщине) (98%). Связано это, очевидно, с тем, что все респонденты находятся в брачном возрасте, и поиск брачного партнёра имеет для них первостепенное значение.

Диаграмма 1. Соотношение возможной и фактической любви по отношению к данным объектам

Цифрами обозначены объекты любви:

1 – я сам,	6 – ближние	11 – глава государства
2 – дети	7 – соплеменники	12 – человечество
3 – родители	8 – малая родина	13 – Бог
4 – женщина (мужчина)	9 – Россия	14 – религия
5 – муж (жена)	10 – общественно-политический строй	

На втором месте почти равное количество голосов (от 60% до 65%) получили любовь к себе, к малой родине, к России, несколько меньше (46%) – любовь к Богу. При этом возможность любви к религии признали всего 8% респондентов. Лишь 36% опрошенных считают возможным любить ближнего, ещё меньше (20%) любить всё человечество и менее 10% – любить общественно-политический строй и главу государства.

В данном случае респонденты продемонстрировали определённую зависимость возможности любви от близости к ним объекта (и в какой-то мере подтвердили мнение В. С. Соловьёва о том, что любовь возможна лишь к соизмеримому с субъектом объекту: «Ни человечество, ни даже народ не могут быть для отдельного человека таким же конкретным предметом, как он сам»¹). Любовь к близким (но не ближним) играет важнейшую роль в жизни людей, что и подтвердил данный опрос. Не менее значима любовь к Родине и почти для половины респондентов – любовь к Богу (не близкому, но *персонифицированному* существу). Любовь к отдалённым объектам (глава государства), многочисленным и безличным (соплеменники, человечество) и относительно абстрактным (общественно-политический строй и религия) получили минимальное количество положительных утверждений. По мнению подавляющего большинства респондентов любовь к ним невозможна. Но так ли это? Ответы на следующие вопросы анкеты позволили нам уточнить данную позицию.

Опрошенные, признавая возможность любви, неравнозначно оценивают своё отношение к названным выше объектам именно как любовь. В значительной части случаев, утверждая о *возможности* любви, они признаются в своей *нелюбви* к объекту. Так, говорят о возможности любить детей 94% респондентов, а утверждают, что любят их – 68% (мотивируя это тем, что дети «капризные», «шумные», «наглые»² и т.д.). Однако реальная причина такого несоответствия кроется, скорее всего, в том, что своих детей у респондентов пока нет, и они оценивают *свою* любовь к *чужим* детям или к младшим братьям – сёстрам. Несовпадение предполагаемой и фактической любви к мужчине (женщине) (98% и 82%) объясняется банальным отсутствием у части из них молодого человека (девушки), которых можно было бы реально любить. Полное отсутствие признавшихся в любви к мужу (жене) точно также объясняется фактическим отсутствием брачного партнёра у всех молодых людей, участвовавших в опросе.

Симптоматичным, на наш взгляд, является существенное несоответствие гипотетической и реальной любви к малой родине и России и практически полное отсутствие любви к общественно-политическому строю, главе государства, к человечеству. Дело здесь, очевидно, не только в том, что это «безличные» объекты, но и в том, что респонденты, заявляя о готовности их любить, ожидают

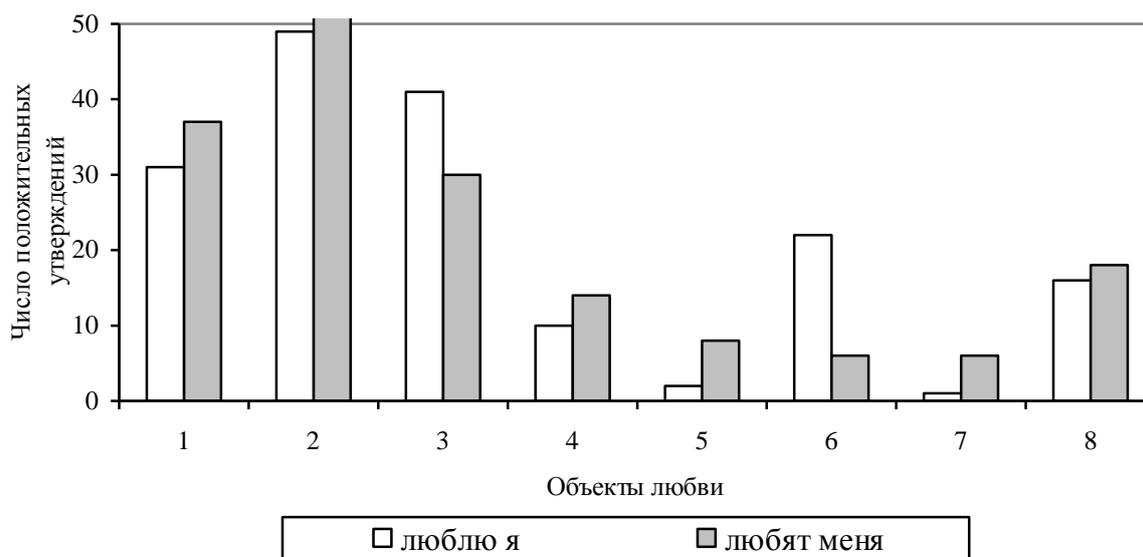
¹ Соловьёв В. С. Смысл любви // Соловьёв В. С. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998. С. 450.

² Все заковыченные слова и фразы, иллюстрирующие ответы респондентов, позаимствованы из материалов опроса.

взаимной любви, но не ощущают её и потому не отвечают этим объектам взаимностью.

Так, по оценкам респондентов (см. диаграмму 2), родители любят их больше, чем они родителей (хотя и не на много – 98% против 100%). Наоборот, их любовь к сексуальному партнёру оценивается намного больше ответной любви (82% и 60% соответственно). 44% респондентов любят своё государство, а вот считают, что государство отвечает им «взаимностью» – всего 12% (демонстрируя этим, с одной стороны, недостаточное внимание властных структур к молодёжным проблемам, с другой – сохраняющиеся в нашем обществе патерналистские и этатистские настроения). И парадоксальный результат, нуждающийся в дополнительном исследовании: молодые люди полагают, что любят своих сограждан, соплеменников и всё человечество меньше, чем сограждане, соплеменники и даже всё человечество любит их.

Диаграмма 2. Соотношение: люблю я - любят меня

Цифрами обозначены объекты любви:

1 – я сам,

4 – сограждане

7 – человечество

2 – мои родители

5 – соплеменники

8 – Бог

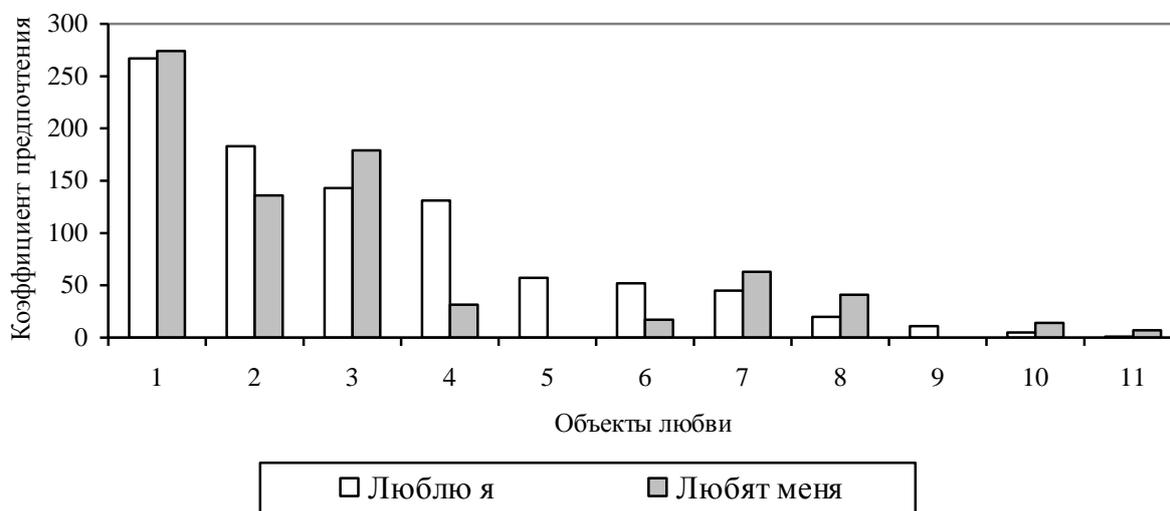
3 – молодой человек (девушка)

6 – государство

Сравнительно небольшая разница в общем соотношении «люблю я – любят меня» (без учёта любви детей, которых у наших респондентов пока нет) – 163 пункта к 172 – показывает относительную гармонию любовного отношения, что может косвенно свидетельствовать о социальном благополучии опрошенной части молодёжи.

Следующий вопрос касался оценки значимости видов любви, испытываемых респондентами к данным объектам и значимости любви этих объектов к ним самим (см. диаграмму 3)¹. Здесь в значительной степени повторилась картина, полученная при ответах на предыдущий вопрос. Первостепенное значение для молодых людей имеет любовь к родителям и родителей к ним (что свидетельствует об относительно гармоничных межпоколенных отношениях в данной социально-демографической группе, хотя некоторые респонденты высказывают и претензии к родителям по поводу «вмешательства в личную жизнь», «непонимания», «недостатка в общении» и т.д.).

Диаграмма 3. Иерархия видов любви (субъектно-объектное и объектно-субъектное отношения)

Цифрами обозначены объекты любви:

1 – родители,	5 – малая родина	9 – религия
2 – молодой человек (девушка)	6 – Россия	10 – соплеменники
3 – я сам	7 – Бог	11 – все человечество
4 – мои дети	8 – соотечественники	

На втором месте по значимости – любовь к молодому человеку (девушке) и его (её) ответная любовь. Причём, что любопытно, ценность любви субъекта к объекту оказалась несколько выше ценности любви ответной. Видимо, для части

¹ Коэффициент предпочтения рассчитан следующим образом. Респонденты расположили выделенные ими виды любви по степени значимости для них на 6 уровнях. Каждому уровню был присвоен условный коэффициент от первого (высшего) до шестого (низшего). Соответственно, $k_1=6$, $k_2=5$, $k_3=4$, $k_4=3$, $k_5=2$ и $k_6=1$. Суммарный коэффициент K по каждому типу любви n получен по формуле: $Kn^n = k_1n_1+k_2n_2+k_3n_3+k_4n_4+k_5n_5+k_6n_6$, где $n_1\dots n_6$ – количество расположенных данного типа любви на данном уровне.

молодых людей *их* любовь к сексуальному партнёру является самоценностью, не требующей (в данный момент) взаимности.

Любовь к себе – на третьем месте, что уже само по себе говорит об отсутствии эгоизма у большинства наших респондентов (однако 24% опрошенных считают любовь к себе наиболее ценной). Любовь к детям на 4 месте и любовь детей (либо детей вообще, как возрастной группы, либо младших братьев, сестёр, племянников и т.д.) – на 6 месте.

Затем с большим отрывом от родительской любви (в 5 и более раз) оценивается любовь к малой родине, России и Богу (5, 6 и 7 место, соответственно), в то время как любовь Бога занимает 4 место в иерархии, любовь соотечественников (ближних) – 5 и России – 6 место. Таким образом, любовь к Родине не слишком отягощает сознание современных молодых людей. Причины этого кроются в характеристиках, данных ими России: «несовершенство», «грязь на улицах», «не заботится о гражданах», «плохие условия жизни» и т.п.

Следующий вопрос касался образа любви (С чем у Вас ассоциируется любовь?). В общей сложности респонденты привели более 80 (!) ассоциаций, которые мы разделили на 5 групп: 1) чувства, 2) действия, 3) объекты, 4) природа и предметы, 5) ощущения.

Любовь у молодых людей ассоциируется с 18 различными чувствами, среди которых наиболее часто упоминаются: счастье (11 раз), красота (4) и трепетность (4). По вектору: положительные чувства («благодать», «романтика», «радость» и т.д.) существенно преобладают над отрицательными («беспокойство», «проблематичность», «печаль») в соотношении 13 : 3, что свидетельствует, на наш взгляд, об общем позитивном отношении к любви.

Респонденты назвали 43 различных действия, сопровождающих любовь, которые мы классифицировали по критерию направленности действия между субъектом и объектом: 1) я → объекту, 2) я ↔ объект, 3) объект → мне. При этом отношение «я → объекту» мы посчитали полностью соответствующим любви, «я ↔ объект» – частично соответствующим (требование взаимности), «объект → мне» – проявление нелюбви (псевдолюбви). К первому мы отнесли действия типа «забота», «защита», «поддержка» и т.д., ко второму – «взаимопонимание», «взаимовыручка» и т.п., к третьему – «желание иметь», «желание пользоваться», «секс» и т.д. Наиболее часто повторяющиеся ассоциации – «взаимопонимание» (16 раз), «доверие» (10), «уважение» (10), «забота» (7) и «нежность» (7).

В процентном соотношении все действия, ассоциирующиеся с любовью, расположились следующим образом: я → объекту (58%), я ↔ объект (21%) и объект → мне (21%). Таким образом, приблизительно в 1 случае из 5 респонденты проявляют склонность путать любовь с псевдолюбовью.

В качестве объектов, ассоциирующихся с любовью, были названы: девушка (молодой человек) (3 раза), дети (2), Родина и семья. Для некоторых любовь ассоциируется с природой и природными явлениями: «весна» (8 упоминаний), «солнце» (4), «свет» (3), «море», «пляж», «прибой», «радуга» и т.п. – и ощущениями: «пушистое», «лёгкое», «туманное», «тёплое».

Целью следующего вопроса анкеты было определение дифференциации проявлений любви по отношению к разным объектам. Респондентам предложили по каждому объекту назвать 2 – 3 проявления любви. При этом большинство молодых людей привели примеры практически по всем предложенным в анкете типам любви, хотя ранее они отрицали возможность многих из них. Полученные результаты были проанализированы так же, как в предыдущем вопросе (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка проявлений разных типов любви по критерию субъектно-объектного отношения (в процентах от их общего количества)

Тип любви	Я → объекту	Я ↔ объект	Объект → мне
К себе (52) ¹	52	27	21
К детям (41)	94	3	3
К родителям (35)	71	19	10
К женщине (мужчине) (52)	54	10	36
К мужу (жене) (43)	66	13	21
К близким (42)	66	26	8
К соплеменникам (21)	69	19	13
К Родине (39)	91	–	9
К политическому строю (23)	100	–	–
К главе государства (20)	89	–	11
К человечеству (33)	75	18	7
К Богу (26)	91	–	9
К религии (22)	95	–	5

Наиболее последовательное любовное отношение, как ни странно, было продемонстрировано к политическому строю. Респонденты проявили готовность

¹ В скобках указано общее число названных в анкетах проявлений данного типа любви.

бескорыстно его любить, ничего не требуя взамен, даже взаимности. Близкое к этому отношение проявилось в любви к религии (95% проявлений любви типа «я → объекту»), к детям (94%), к Родине и Богу (по 91%), к главе государства (89%). Ожидание взаимности («я ↔ объект») наиболее сильно выразилось в любви к себе («самоуважение», «самокритика», «саморазвитие» и т.д.) – 27%, любви к ближнему («взаимопонимание», «дружба», «компромисс» и т.п.) – 26%, к соплеменникам и родителям (по 19%), то есть к тем объектам, от которых в значительной степени зависит социальный статус субъекта, его положение (нынешнее и будущее) в обществе.

«Нелюбовь», то есть ожидание определённых действий со стороны объекта, требовательность к нему наиболее заметно проявились в отношении к женщине (мужчине) (36% проявлений «любви» типа «объект → мне»: «желание общаться», «секс», «страсть» и т.п.), к мужу (жене) и к себе (по 21%). Несложный подсчёт по формуле: [(я → объекту) + (я ↔ объект) – (объект → мне)] – позволил получить объективную оценку более или менее «чистого» отношения любви к данным объектам (см. табл. 2).

Таблица 2

Индекс «чистоты» любовного отношения

Объект любви	Индекс	Объект любви	Индекс
Политический строй	100	Родители	80
Дети	94	Глава государства	78
Религия	90	Соплеменники	75
Человечество	86	Я сам	58
Ближний	84	Муж (жена)	58
Родина	82	Женщина (мужчина)	28
Бог	82		

100 ←—————→ 28
 менее требовательная ←———— ЛЮБОВЬ —————→ более требовательная

Полученные результаты показали, что наиболее бескорыстна любовь молодых людей к политическому строю, к детям, к религии, к человечеству и т.д., то есть к тем объектам, которые абстрактны, далеки, от которых им, по большому счёту, ничего не нужно или кто им ничего не может дать (дети). И наоборот, чем ближе к респондентам объект любви, тем они более к нему требовательны (любовь к себе, к мужу (жене), к сексуальному партнёру).

Анализ проявлений любви по отношению к разным объектам позволил подойти к разрешению вопроса о её архетипах. Напомним, что, по мнению иссле-

дователей, базовыми архетипами любви являются: забота, ответственность, уважение, знание¹, интерес, бережность и сострадание². Отвечая на вопросы анкеты, респонденты не продемонстрировали чёткой позиции в данном вопросе. Разброс оценок и мнений оказался очень широким. Однако многие понятия близки по значению, что, на наш взгляд, позволяет их сгруппировать в относительно гомогенные совокупности (например, «помощь», «поддержка», «опека» и им подобные объединить в архетип «забота» и т.д.).

Выявилась следующая картина: такие проявления любви, как «интерес», «бережность», «сострадание» не были названы ни разу. «Ответственность» за объект упомянута 1 раз. Таким образом, настоящее исследование не даёт оснований считать эти понятия архетипическими для современной молодёжи. «Забота» об объекте (в различных проявлениях) встречается 18 раз, «уважение» – 10, «знание» – 20. Помимо этого, названы и вполне могут рассматриваться в качестве архетипических такие проявления любви как взаимность (25 упоминаний), доверие (11), верность (9), искренность (5). В ходе анализа обнаружился ещё один архетип, но не любви, а «антилюбви» – «желание пользоваться» объектом (16 упоминаний).

Следующей задачей исследования было выяснить, какие архетипы воспроизводятся, и воспроизводятся ли вообще, в разных типах любви? Результат представлен в таблице 3.

Полученные данные подтвердили нашу гипотезу о том, что отношение любви к личным и безличным, конкретным и абстрактным объектам воспроизводится по общему образцу и на основе одних и тех же базовых архетипов. При этом наиболее «востребованными» оказались такие архетипы, как «уважение» (проявилось по отношению ко всем объектам), «доверие» (по отношению к 12 объектам из 13), «знание» и «забота» (к 11 объектам). Сравнительно менее востребованными оказались «верность» (к 8), «единение» (к 7), «желание пользоваться» (к 5) и «искренность» (к 4).

Самой «насыщенной» по архетипическим проявлениям для респондентов оказалась любовь к женщине (мужчине) (по отношению к данному объекту обнаружены все архетипы). Для данной возрастной группы такая любовь, очевидно, является наиболее значимой, что и подтвердили результаты исследования. На втором месте – любовь к родителям, к мужу (жене) и к близкому (7 базовых архетипов из 8), на 3 месте – любовь к детям и к Родине (6 архетипов), на 4-м –

¹ См.: Ричардсон Г. Любовь как осознанное действие. М., 1994.

² См.: Фромм Э. Искусство любви: Исследование природы любви. Минск, 1990.

Архетипические проявления любви по отношению к данным объектам
(в процентах от общего количества названных по отношению к каждому объекту архетипов)

Базовые архетипы любви	По отношению к объектам												
	к себе	к детям	к родителям	к жен. (мужч.)	к мужу (жене)	к ближнему	к соплеменникам	к Родине	к полит. строю	к главе государства	к человечеству	к Богу	к религии
Верность	8	10	18	14	22	13 (9)*	–	18 (20)	– (11)	– (11)	–	– (22)	25 (37)
Доверие	17	10	9	4	6	6 (9)	–	9 (4)	40 (17)	43 (28)	11 (4)	29 (13)	25 (11)
Единение	–	10	9	10	17	19 (12)	50 (40)	– (28)	– (17)	– (22)	22 (26)	– (7)	–
Забота	58	50	27	21	22	31 (38)	17 (13)	36 (48)	20 (22)	29 (17)	44 (35)	–	– (11)
Знание	–	10	18	10	17	13 (12)	17 (7)	9 (28)	20 (11)	14 (11)	11 (4)	29 (7)	– (5)
Искренность	–	–	–	4	–	13 (12)	– (13)	–	–	– (6)	–	14 (7)	25 (5)
Уважение	17	10	9	4	6	6 (12)	17 (27)	9 (4)	20 (17)	14 (6)	11 (26)	14 (17)	25 (21)
Желание пользоваться («нелюбовь»)	–	–	9	43	11	–	–	18 (12)	– (6)	–	– (4)	14 (22)	– (11)
ИТОГО	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* В скобках указано суммарное соотношение базовых архетипов любви и их инверсий по отношению к данным объектам.

любовь к человечеству и к Богу (5), на 5-м – любовь к себе, к соплеменникам, к политическому строю, к главе государства, к религии (4 архетипа).

Важно также и то, что данные, приведённые в таблице, позволяют, на наш взгляд, провести достаточно тонкий анализ *нюансов* любовного отношения респондентов к тем или иным объектам. Так, например, набор и процентное соотношение архетипических проявлений любви по отношению к самому себе может свидетельствовать о том, что для молодых людей самым важным и очевидным проявлением такой любви является «забота» (о здоровье, красоте, саморазвитии, безопасности и т.д.) (58%), менее значимы, но весомы «уважение» и «доверие» (по 17%). Совершенно иная картина в отношении любви к женщине (мужчине). Здесь на первом месте – «нелюбовь» («желание пользоваться» – 43%), явное и сильное стремление «потреблять» объект сексуального желания. И значительно отстают от этого показателя, хотя и значимые для респондентов, «забота» (21%), «верность» (14%), «знание» объекта и «единение» с объектом (по 10%).

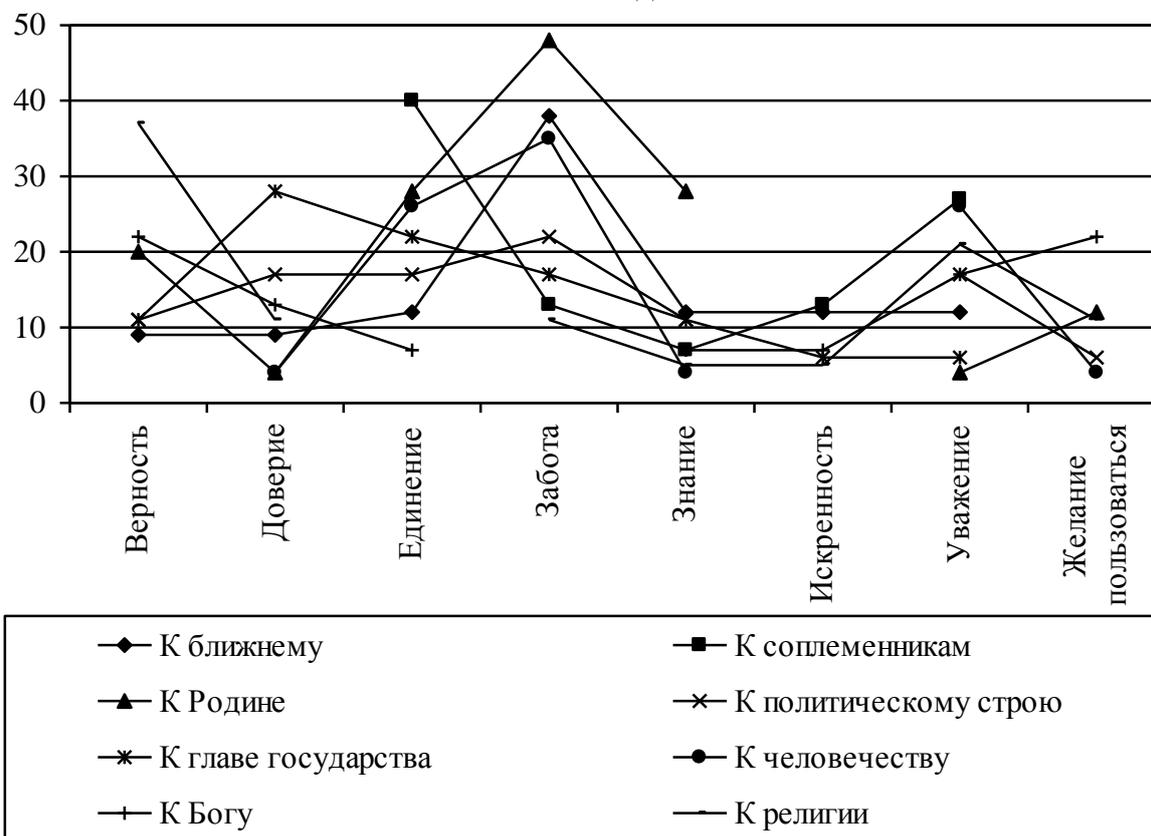
Особый интерес в рамках настоящего исследования представляет любовное отношение респондентов к деперсонифицированным и абстрактным объектам. Насколько любовь к ближнему, Родине, Богу и т.д. конгруэнтна любви личностно ориентированной? Полученные результаты свидетельствуют, что принципиальной разницы в архетипических проявлениях любви к обоим типам объектов нет. Вместе с тем, очевидно, что любовь к конкретному человеку и абстрактному объекту не может проявляться идентично, но может – *сходным образом*. Эта идея натолкнула нас на поиск возможных инверсий базовых архетипов любви по отношению к различным объектам. И такие инверсии были обнаружены.

Так, например, архетип «верность» по отношению к ближнему преобразуется в «умение сосуществовать», по отношению к Родине – «не забывать обычаев», по отношению к главе государства – «соглашаться с его решениями», по отношению к религии – «отрицать другие религии» и т.д. Анализ инверсий базовых архетипов любви позволил существенно скорректировать общее представление о конкретном содержании социальной любви.

Как нам представляется, социальная любовь, исходя из психологической любви и опираясь на её базовые архетипы, существенно обогащается социокультурными инверсиями этих архетипов, обеспечивая тем самым устойчивость позитивного эмоционального расположения индивидов по отношению к большинству существующих социальных институтов и обществу в целом. Вместе с тем, результаты исследования позволяют выявить специфику проявлений данных типов любви, построить своеобразную «кардиограмму» любовного отношения,

определив её высокие, средние и низкие показатели. А это, в свою очередь, даёт возможность обнаружить потенциальные угрозы социальной любви и предпринять конкретные меры для преодоления данных угроз (см. диаграмму 4).

Диаграмма 4. Соотношение проявлений базовых архетипов любви по отношению к данным объектам

Так, например, «верность» респонденты готовы проявлять прежде всего по отношению к религии (37%), Богу (22%) и Родине (20%). «Доверие» они испытывают к главе государства (28%), в меньшей степени – к политическому строю (17%) и ещё в меньшей – к Богу (13%) и религии (11%). «Единение» с объектом и «заботу» о нём молодые люди отметили почти по всем позициям. При этом наибольшее значение для них имеет «единение» с соплеменниками (40%), Родной (28 %) и всем человечеством (26%). «Заботу» они готовы проявлять по отношению к Родине (48%), к ближнему (38%), ко всему человечеству (35%) и гораздо в меньшей степени – по отношению к главе государства (17%), к соплеменникам (13%), к религии (11%) (для понимания причин этого требуется дополнительное исследование).

Выборочный анализ базовых архетипов любви (с учётом инверсий) по отношению к некоторым объектам показывает, что любовь к ближнему, например,

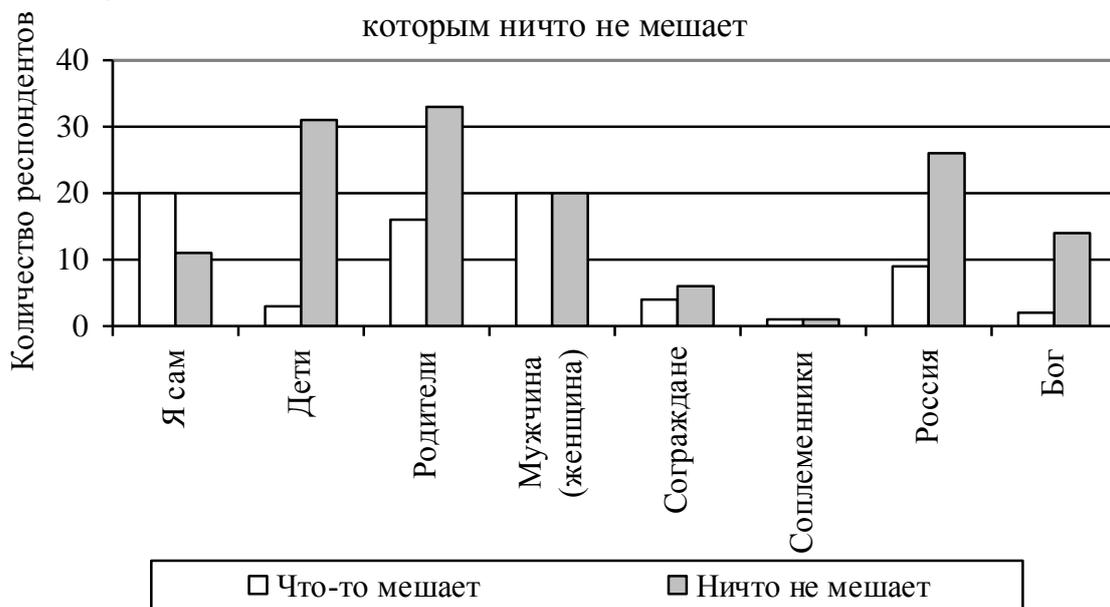
проявляется, прежде всего, в «заботе» о нём (38%), в то время как «верность», «доверие», «единение», «знание», «искренность» и «уважение» оказываются менее существенными (от 12% до 9%). По отношению к соплеменникам совершенно иная картина: на первом месте – «единение» с ними (40%) (осознание общих интересов, солидарность) и «уважение» (27%), менее значимы «искренность» (13%), «забота» (13%) и «знание» (7%), прочие архетипы вообще не представлены. По отношению к Богу (при том, что большинство респондентов считают себя неверующими) на первом месте – «верность» Ему (вера в Него) и «нелюбовь» (ожидание неких благ, обращение за помощью) (по 22%), затем следуют «уважение» (17%), «доверие» (13%), «единение», «знание» и «искренность» (по 7%) и т.д.

Ответы респондентов на вопрос о том, что мешает им любить указанные в анкете объекты, отразили широкий спектр требований и претензий к ним. Так, любить себя многим молодым людям мешают «критика» и «самокритика», «комплексы», «низкая самооценка» и т.д.; любить детей – «недопонимание», «непослушание», «вредность»; любить родителей – «чрезмерная опека», «конфликты», «разногласия»; молодого человека (девушку) – «ревность», «неуверенность в нём (в ней)», «неаккуратность»; мужа (жену) – «невнимание», «недопонимание», «быт», «однообразие отношений»; соотечественников – «грубость», «неуважение друг к другу», «невежество», «наш менталитет»; соплеменников – «отсутствие поддержки», «необразованность», «разногласия во взглядах»; Родину – «неуверенность в завтрашнем дне», «нестабильность», «неустроенность», «плохие условия жизни»; политический строй России – «неверие в него», «неуважение к народу», «неопределённость», «бюрократизм»; президента России (в период проведения опроса – В. В. Путина) – «бездействие в некоторых вопросах», «авантюризм», «отдалённость»; всё человечество – «много плохих людей», «необъятность»; Бога – «неверие в него», «грехи», «суетность жизни»; религию – «кровь, пролитая за неё», «навязчивость», «наличие сект» и т.д.

При этом общее соотношение тех, кто выразил те или иные претензии к данным объектам (то есть, фактически, признал, что не любит их или не понимает сущности любви) и тех, кто выразил готовность любить их такими, какие они есть, явно свидетельствует о преобладании истинной любви над псевдолюбовью (см. диаграмму 5) – факт примечательный и очевидно позитивный.

Таким образом, предварительные результаты, полученные нами в ходе пилотажного исследования социальной любви, продемонстрировали перспективность данного направления. Представляется очевидным, что привлечение к

Диаграмма 5. Соотношение количества респондентов, указавших, что им что-то мешает любить данные объекты, и которым ничто не мешает

опросу различных социальных и возрастных групп позволит получить более объективный и глубокий анализ социальных отношений типа «любовь – нелюбовь», существующих в значительной степени латентно и проявляющихся лишь в некоторых, нередко экстремальных ситуациях. Изучение феномена социальной любви позволит вооружить общество инструментами тонкого воздействия на социально-психологические процессы и оптимизировать, таким образом, социальное пространство России.

А. Ю. Завалишин

**РОССИЯ, США, КИТАЙ: ДИНАМИКА 2-Й ПОЛОВИНЫ
XX века – ПЕРСПЕКТИВЫ В XXI век
(опыт компаративного экономико-социологического анализа)**

Триалог РФ – США – КНР, бесспорно, представляет собой одну из ключевых интриг современного глобализирующегося мирового сообщества. Связано это со многими обстоятельствами, известными читателю. Достаточно лишь обратить внимание на то, что каждая из этих стран является абсолютным мировым лидером в одном из трёх аспектов: ресурсно-территориальном (Россия), социально-демографическом (Китай), военно-экономическом (США). Несмотря на разный экономический и военно-политический «вес» этих государств в мире, каждое из них оказывает всё более заметное влияние на течение мирового про-

цесса. Не случайно внимание многих исследователей, работающих в самых разных отраслях науки (но, прежде всего, экономики, политологии и социологии), приковано к их анализу, о чём свидетельствует растущий поток публикаций и выпуск ряда специальных журналов на эту тему.

Сегодня, возможно, самой распространённой практикой научных исследований государств и регионов является изучение их макросоциальной и макроэкономической динамики (изменения численности населения, объёмов и роста ВВП, наличия природных ресурсов и т.д.). На этом основании делаются выводы относительно текущего положения стран в глобальном сообществе, выстраиваются прогнозы на ближайшую и отдалённую перспективу. При этом практически никем не учитывается такой важный момент, как территориальное поведение населения, которое, как правило, эволюционирует латентно, но порождает в своих повседневных практиках все транспарентно фиксируемые статистикой экономические, демографические, военно-политические и иные факторы, придающие своеобразие каждой стране и дислоцированному в ней социуму, а также обеспечивающие преференции для более или менее успешного солирования государства на международной политической сцене.

Ранее мы высказывались по этому поводу и пришли к выводу о необходимости сочетания макро- и микросоциологического подходов к анализу базовых форм и динамики территориального поведения социально-территориальных общностей для получения релевантных выводов об их текущем и ожидаемом состоянии¹. В данной статье теоретические положения и методы экономико-социологического анализа территориального поведения, изложенные в указанных работах, применены для компаративного исследования территориального социально-экономического поведения (далее ТСЭП) населения России, Китая и США на протяжении 2-й половины XX века и прогноза эволюции этих государств в 2010-х – 2040-х годах.

В своих рассуждениях мы исходим из того, что территориальное поведение социального субъекта представляет собой одну из важнейших инкарнаций социального поведения человека. Ранее на уровне регионов России нами были концептуализированы и операционализированы, преимущественно, две его базовые

---

¹ См.: Завалишин А. Ю. Центр и периферия в проекции социально-экономического поведения: междисциплинарный подход // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2006. № 2. С. 74 – 84; Завалишин А. Ю., Рязанцев И. П. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 83 – 92; Рязанцев И. П., Завалишин А. Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М., 2006 и др.

формы: урбанное и руральное¹. Полученный результат показал важность и принципиальную возможность экономико-социологического анализа ТСЭП региональных общностей в синхронически-диахронической перспективе. Однако остался открытым вопрос о типологизации и квантификации территориального поведения, позволяющих подойти к его анализу на более высоком абстрактно-математическом уровне.

Объективация и концептуализация типов ТСЭП возможна с использованием трёх базовых оснований: 1) отношения к территории как экономическому ресурсу; 2) отношения к территории как пространству перемещения; 3) отношения к территории как социокультурной ценности. Соответственно, первое основание позволяет выделить *экстракционное ТСЭП*, представляющее собой систему хозяйственных поведенческих практик, предполагающих экстракцию и дистрибуцию природных биологических ресурсов и полезных ископаемых, предназначенных для дальнейшей переработки и потребления; *руральное ТСЭП* – систему хозяйственных поведенческих практик, основанных на возделывании плодородных почв как основного фактора производства и источника существования; *урбанное ТСЭП* – систему хозяйственных поведенческих практик, основанных на вторичной переработке и обмене продукции сельского хозяйства и добывающей промышленности (включает ремесленное, мануфактурное, индустриальное производство, торговлю).

Второе основание позволяет выделить *миграционное ТСЭП* – систему хозяйственных поведенческих практик, основанных на стремлении использовать различия экономической конъюнктуры (стоимости рабочей силы, качества и уровня жизни и т.д.), сложившейся в различных регионах страны или мира, путём перемещения с менее благоприятной на более благоприятную в экономическом отношении территорию; *осёдлое ТСЭП* – систему хозяйственных поведенческих практик, основанную на долговременном (исторически не определённом) пребывании в конкретном месте (локусе) и использовании ресурсов данной территории (как природных, так и диспозиционных); *транспортное ТСЭП* – систему хозяйственных поведенческих практик, интегрирующих отдельные поселения (локальные социально-территориальные общности) в целостные хозяйственно-экономические системы (региональные, государственные, макрорегиональные, глобальную).

Третье основание позволяет выделить *местечковое ТСЭП* – систему хозяйственных поведенческих практик, основанную на доминировании ценности ме-

---

¹ Рязанцев И. П., Завалишин А. Ю. Территориальное поведение россиян... С. 96 – 105.

ста (локуса) непосредственного проживания, ориентированную преимущественно на использование локальных ресурсов при отказе (или минимальном участии) от включения в более широкие экономические сети; *патриотическое ТСЭП* – систему хозяйственных поведенческих практик, основанную на доминировании ценности территории государства как пространства исключительной (или, по меньшей мере, предпочтительной) социально-экономической активности; *космополитическое ТСЭП* – систему хозяйственных поведенческих практик, основанную на доминировании ценности территории всей планеты, включении в структуру социально-экономической активности глобального сообщества или многих его представителей.

А ргіогі предположив, что в современном обществе каждая региональная (национально-государственная) общность в том или ином виде воспроизводит все концептуализированные выше формы ТСЭП, её территориальное поведение в целом можно представить в виде матрицы, элементы которой – суть его базовые формы:

$$\left\{ \begin{array}{lll} \text{экстракционное} & \text{руральное} & \text{урбанное} \\ \text{миграционное} & \text{оседлое} & \text{транспортное} \\ \text{местечковое} & \text{патриотическое} & \text{космополитическое} \end{array} \right\} = \left\{ \begin{array}{lll} \text{Э} & \text{Р} & \text{У} \\ \text{М} & \text{О} & \text{Т} \\ \text{М} & \text{П} & \text{К} \end{array} \right\}$$

Квантификация данных базовых форм ТСЭП и, соответственно, расчёт матриц возможны на основании привлечения теории длинных волн Н.Д. Кондратьева¹. Как известно, учёный обозначил хронологические рамки трёх больших волн в развитии мировой экономики. Современные исследователи пролонгировали циклы Кондратьева до настоящего времени, обозначив временные пределы 4 и 5, а некоторые – 6 циклов². Мы к данному перечню добавили 0 цикл, соответствующий доиндустриальному этапу (аграрное общество). Если предположить, что фактическое ТСЭП региональных общностей в зависимости от достигнутого ими уровня социально-экономического развития эволюционирует в пределах этих циклов, каждую базовую форму ТСЭП, которую её представители воспроизводят в своей повседневной практике, можно наделить соответствующим индексом. Например, экстракционное-1 соответствует 0 циклу (аграрное общество), руральное-2 – 1 циклу (общество, переходное к индустриальному), урбанное-3 – 2 – 4 циклам (индустриальное общество), миграционное-4 – 5 – 6 циклам (переходное к постиндустриальному и индустриальное общества) и т.д. Заменяв бук-

¹ См.: Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики. М., 1991.

² См.: Амосов А. И. Социально-экономическая эволюция России. М., 2004; Freeman С. Technology Policy and Economic Performance: Lesson from Japan. N.Y., 1987 и др.

вы, обозначающие базовые формы ТСЭП, числовыми индексами, соответствующими их динамическим формам, складывающимся на том или ином этапе социально-экономической эволюции, получим следующие типические матрицы (см. табл. 1).

Таблица 1

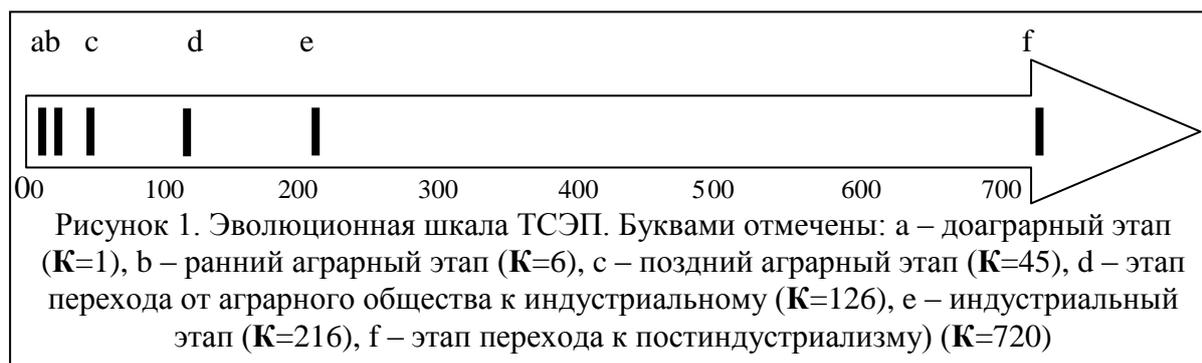
Типические матрицы ТСЭП

Доисторический этап $\begin{Bmatrix} 1 & 0 & 0 \\ 1 & 0 & 0 \\ 1 & 0 & 0 \end{Bmatrix}$	Ранний аграрный этап $\begin{Bmatrix} 1 & 1 & 0 \\ 2 & 1 & 0 \\ 1 & 0 & 0 \end{Bmatrix}$	Поздний аграрный этап $\begin{Bmatrix} 1 & 1 & 1 \\ 2 & 2 & 1 \\ 1 & 2 & 0 \end{Bmatrix}$
Переход к индустриально-модернизационному этапу (1 кондратьевский цикл) $\begin{Bmatrix} 2 & 2 & 2 \\ 3 & 2 & 2 \\ 1 & 2 & 0 \end{Bmatrix}$	Индустриальный этап (2-4 кондратьевские циклы) $\begin{Bmatrix} 3 & 3 & 3 \\ 3 & 2 & 3 \\ 1 & 2 & 0 \end{Bmatrix}$	Постиндустриальный этап (5-6 кондратьевские циклы) $\begin{Bmatrix} 4 & 4 & 4 \\ 4 & 2 & 4 \\ 1 & 2 & 3 \end{Bmatrix}$

Расчёт матриц по формуле:

$$K = (a_{11} + a_{12} + a_{13}) * (b_{21} + b_{22} + b_{23}) * (c_{31} + c_{32} + c_{33})$$

позволяет получить интегративные коэффициенты **K**, соответствующие типовым (модельным) обществам, и построить эволюционную шкалу ТСЭП (см. рисунок 1).

Аналогичный расчёт коэффициентов **K** для конкретных социально-территориальных (поселенческих, региональных, государственных) общностей даёт возможность увидеть их условную дислокацию на эволюционной шкале ТСЭП и сделать на основании этого ряд теоретических и практических выводов, что и будет показано на примере анализа ТСЭП населения России, США и КНР на протяжении 1950-х – 1990-х годов.

В середине XX века экономические системы СССР, США и КНР в целом были относительно независимы друг от друга. Это позволяет абстрагироваться от возможных производных форм территориального поведения и рассматривать их «в чистом виде», так, как они сложились в условиях аграрного общества КНР (0 кондратьевский цикл), аграрно-индустриального СССР (1 – 2 кондратьевские циклы) и индустриального США (3 – 4 кондратьевские циклы).

К концу XX века хозяйства этих стран были уже в значительной степени интегрированы в глобальную систему ядерных – полупериферийных – периферийных государств и по целому ряду показателей зависели друг от друга. Поэтому анализ динамических форм ТСЭП их населения построен на основании общепринятого мнения, что по уровню экономического развития США в 1990-е – 2000-е годы находились на этапе перехода от 5 к 6 кондратьевскому циклу (ядро), РФ в целом достигла 4 цикла (полупериферия) и КНР всё ещё находилась на стадии перехода от аграрного к индустриальному обществу (1 – 2 кондратьевские циклы, периферия). В то же время по отдельным базовым формам территориального поведения в этих странах наблюдались определённые различия, существенно повлиявшие на диспозицию их социально-территориальных общностей на эволюционной шкале ТСЭП. Концептуализация и квантификация данных дистинкций требует введения производных форм динамического уровня ТСЭП, которые будут обозначены значком ('), например, руральное-1', урбанное-2" и т.д. Наличие производных форм свидетельствует о воспроизведении населением паттернов ТСЭП, характерных для предыдущих стадий общественного развития и, соответственно, большем или меньшем отставании от мирового социально-экономического мейнстрима.

Объём статьи не позволяет включить в неё рассуждения и расчёты, лежащие в основе квантификации всех базовых форм ТСЭП. В качестве примера мы приведём анализ лишь двух из них – урбанного и транспортного.

Урбанное ТСЭП

В середине XX века, во многом благодаря преференциям, полученным в годы Второй мировой войны, США достигли наивысшего в мире уровня развития индустриального производства. В стране происходил быстрый рост населения городов, особенно мегаполисов, в том числе, за счёт внешней иммиграции, росло материальное благополучие населения. По сути, в 1950-е годы в Соединённых Штатах началось формирование общества, позже названного потреби-

тельским. Всё это в совокупности свидетельствовало о воспроизведении населением страны урбанного-3 ТСЭП.

По прошествии полувека США не только не потеряли, но значительно упрочили своё экономическое положение в мире. Вопреки (или благодаря?) жёсткой конкуренции с другими развитыми странами мира, прежде всего, Японией и ФРГ, они обозначили общую направленность эволюции мирового сообщества к постиндустриализму. Соответственно, на рубеже 1990-х – 2000-х годов подавляющее большинство населения страны воспроизводило в своих повседневных практиках урбанное-4 ТСЭП.

В 1950-е годы в СССР продолжался процесс социально-экономических преобразований, в целом носивший характер принудительной модернизации и официально названный социалистической индустриализацией. Данный процесс сопровождался абсолютным и относительным увеличением доли продукции промышленности в ВВП страны, масштабным строительством промышленных предприятий, появлением новых городов, становившихся индустриальными центрами в некогда сугубо аграрных регионах. Одновременно с этим шли массовые миграции из сельской местности в города, характерные для начального этапа индустриализации.

Вместе с тем, в стране по-прежнему значительная доля населения проживала в сельской местности (в РСФСР по переписи 1959 г. – 48%¹), на низком уровне было снабжение продовольственными и промышленными товарами, в экономике страны сохранялся значительный перекос в пользу производства средств производства и военных отраслей. Всё это свидетельствовало о значительном отставании СССР от большинства государств, достигших индустриальной стадии развития, и неготовности советских людей воспроизводить соответствующие этой стадии социально-экономические практики. По сути, в 1950-е годы Советский Союз находился на завершающем этапе перехода от аграрного к индустриальному обществу. В разных его регионах население воспроизводило широкий спектр паттернов урбанного ТСЭП, от 1-го, характерного для позднего аграрного общества, до 3-го, соответствовавшего индустриализму (в Москве, Ленинграде и некоторых других крупных промышленных центрах). В масштабах всей страны мы квалифицируем динамический уровень данной базовой формы ТСЭП как урбанное-2.

В течение последующих четырёх десятилетий экономика СССР продолжала развиваться по индустриальному пути. В 1970-е годы в стране по большин-

---

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года: СССР (Сводный том). М., 1962. С. 20 – 24.

ству социально-экономических показателей был достигнут уровень, соответствовавший индустриальным обществам того времени (что позволило Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу заявить о построении в СССР *развитого социализма*). Вместе с тем, на протяжении всех послевоенных лет продолжало сохраняться отставание Советского Союза от развитых капиталистических государств практически по всем важнейшим социально-экономическим показателям. С конца 1970-х годов это отставание начало возрастать, свидетельствуя о возникновении кризисных явлений. Попытка исправления данной тенденции, предпринятая во 2-й половине 1980-х годов М. С. Горбачёвым, закончилась неудачей. Распался СССР, возникшие на его территории новые независимые государства, включая РФ, вошли в полосу глубокого экономического кризиса.

На протяжении всех 1990-х годов в России шёл трудный процесс адаптации населения к условиям новой социально-экономической парадигмы. Ситуация в стране во многом усугублялась тем, что уже почти четыре поколения её граждан жили и хозяйствовались в рамках социалистической экономики. В результате был утрачен личный, семейный, групповой (в т.ч. социально-территориальный) опыт существования в условиях рынка, предполагающего ориентацию на индивидуальную предприимчивость и достижительность. Вплоть до конца столетия значительная часть россиян не смогла «найти себя» в новой экономической ситуации. Одни опустили на социальное дно, пополнив слой люмпенов, другие ушли в преступный бизнес, способствуя криминализации России. Социально-экономическое реформирование страны по западной либеральной модели сопровождалось банкротством большинства промышленных предприятий, не только мелких и средних, но и крупных, запустением малых городов, резким снижением уровня жизни более чем 60% населения. Экономическая активность сконцентрировалась лишь в крупных городах, преимущественно республиканских, краевых и областных центрах. Особое положение приобрела Московская агломерация, население которой благодаря столичному статусу присвоило выдающиеся преференции, «стянув» на себя до 80% всего финансового оборота страны.

Тем не менее, в эти годы продолжался, хотя и более медленными темпами, процесс социально-экономических преобразований. В ряде крупнейших городов (прежде всего, Москве и Санкт-Петербурге) население начало воспроизводить социально-экономические практики, характерные для постиндустриальных обществ. Всё это позволяет в масштабах всей страны квалифицировать динамический уровень урбанного ТСЭП населения РФ на рубеже XX – XXI веков как урбанное-3'.

Население *КНР* в конце 1940-х – начале 1950-х годов существовало в условиях полукOLONиального аграрного государства. Соответственно, в стране господствовали практики урбанного-1 ТСЭП, причём не только среди жителей сёл и малых городов, но и значительной части населения мегаполисов.

В ходе модернизации страны, предпринятой в 1950-е – 1970-е годы, а особенно в последующие два десятилетия социально-экономических реформ (1980-е – 1990-е годы), китайский социум совершил мощное продвижение по направлению от аграрного к индустриальному, а в некоторых аспектах и постиндустриальному обществу. Высокие темпы роста ВВП, особенно в отраслях, ориентированных на конечное потребление, к концу XX века вывели Китай в мировые лидеры по производству целого ряда продуктов и, прежде всего, предметов массового спроса, от одежды до сложной бытовой техники. На рубеже XX – XXI веков китайские товары повсеместно стали вытеснять с прилавков магазинов продукцию местного производства, причём, не только в полупериферийных и периферийных государствах, но и в Японии, США и других ядерных странах. За период с 1978 по 1997 гг. Китай в мировой торговле переместился с 27 места на 10, а примерно к 2015 г., если сохранятся взятые им темпы развития, по общему объёму производства может стать первой и самой крупной страной в мире¹.

За те же годы значительно изменилось соотношение между тремя подразделениями производства² народного хозяйства Китая. Если в 1980 г. оно составляло 30 : 49 : 21, то в 2000 г. – 16 : 51 : 33. По мнению китайского экономиста Лю Гогуана, в этой динамике проявилась оптимизация экономической структуры КНР – «узкие места в снабжении были смягчены, уровень технической вооружённости значительно повысился, производство на базе новых и высоких технологий быстро развивалось, сфера обслуживания непрерывно расширялась, уровень развития городов и посёлков повысился»³.

Важной особенностью Китая в проекции урбанного территориального поведения в 1980-е – 1990-е годы стала «индустриализация деревни» – широкое распространение на селе промышленных предприятий, на которых работали жи-

---

¹ См.: Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа / пер. с кит. М., 2001. С. 309; Муромцева З. Развитие новых и высоких технологий в КНР в условиях глобализации // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 78.

² Первое подразделение – сельское хозяйство – в основном соответствует параметрам рурального ТСЭП, второе и третье – промышленное производство и сфера услуг – параметрам урбанного ТСЭП.

³ Лю Гогуан. Проблемы урегулирования экономической структуры Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С. 66.

тели деревень и небольших посёлков, не занятые в сельскохозяйственном производстве и, соответственно, воспроизводившие в своих социально-экономических практиках паттерны данной базовой формы ТСЭП. Исторически это было связано с тем, что в гипернаселенном Китае всегда существовал дефицит плодородных почв, пригодных для земледелия. Для того чтобы выжить, крестьяне были вынуждены искать иные источники средств существования, и ими стали сельские предприятия, роль которых в экономике страны возрастала на протяжении всех лет реформ. Более того, по мнению, например, А. Круглова, сельские предприятия представляли собой сектор народного хозяйства, где наиболее отчётливо проявились тенденции развития рыночной экономики в Китае¹. К концу 1990-х годов на их долю приходилось до 1/4 производства ВВП, 2/3 добавленной стоимости общественного продукта деревни и 45% промышленности, 2/5 валютной выручки от экспорта, 1/5 финансовых доходов бюджета, 1/3 доходов крестьян². При всём том, эти преимущественно мелкие предприятия, созданные в волостях и посёлках, объективно не могли способствовать прогрессивной динамике урбанного ТСЭП. Занятые в них работники, в силу низкого образовательного уровня, недостатка оборотных финансовых средств, использования устаревших примитивных технологий, фактически, «консервировали» урбанное-2" ТСЭП, которое там сложилось ещё в 1950-е – 1970-е годы.

С другой стороны, при значительном росте абсолютных показателей индустриального развития, в КНР так и не удалось преодолеть существенного относительного отставания от развитых стран мира и даже России по интенсивности общественного производства. Вплоть до начала 2000-х годов в расчёте на одного жителя страны население Китая уступало большинству стран мира (включая РФ) почти по всем важнейшим социально-экономическим показателям (см. табл. 2).

По подсчётам заместителя директора Института количественного анализа экономики и технико-экономических исследований АОН Китая проф. Ли Пина, в конце 1990-х годов ВВП в расчёте на душу населения в Китае составляло только 16% от среднемирового уровня, что ставило его всего лишь на 140-е место в мире³. Данное обстоятельство позволило нам квалифицировать динамический уровень урбанного ТСЭП населения КНР в конце XX века как урбанное-2".

---

¹ Круглов А. Сельские предприятия Китая на новом этапе развития // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4. С. 89.

² Там же. С. 88.

³ См.: Бергер Я. О достоверности экономического роста Китая и "китайской угрозе" // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 6. С. 52.

Таблица 2

Некоторые показатели социально-экономического развития
РФ, США и КНР в расчёте на душу населения в 1997 г.*

Показатели, единица измерения	РФ	США	КНР
Число студентов вузов, чел. на 10 000 чел. насел.	221	333**	24,5***
Индекс физического объема ВВП, 1990=100	60,4	118,5	210,2
Индекс промышленного производства, 1990=100	49,0	128,1	359,0
Производство электроэнергии, кВт/ч	5663	13 870	881
Производство чугуна, кг	253	194	93
Производство стали, кг	329	364	86
Производство груз. автомобилей и автобусов, шт.	1,3	24,3	0,9
Производство легковых автомобилей, шт.	6,7	22,8	0,4
Производство синтетических смол и пластмасс, кг	10,7	116	5,0
Производство химических волокон и нитей, кг	0,9	17,0	3,4
Производство цемента, кг	181	299	410
Производство тканей, кв. м	9,3	44,2	19,1

* Сост. по: Содружество Независимых Государств и страны мира: стат. сб. / Статкомитет СНГ. М., 1999. С. 85 – 86; 97 – 98; 120 – 121; 124 – 125; 138 – 141; 147 – 148.

** 1995 г.

*** 1996 г.

Транспортное ТСЭП

Транспортное ТСЭП населения США в 1950-е годы соответствовало индустриальному этапу общественного развития (транспортное-3). В стране широко использовались все, характерные для данного этапа виды транспорта: наземный (железнодорожный, автомобильный, трубопроводный), водный (речной и морской), воздушный. В личном пользовании населения страны в расчёте на одну семью было больше легковых автомобилей, чем в СССР в 1980-е годы.

В 1990-е – 2000-е годы население США достигло качественно нового уровня транспортного поведения, соответствовавшего постиндустриальному этапу (транспортное-4 ТСЭП) и характеризовавшегося последовательным увеличением доли воздушного транспорта в перевозке пассажиров и грузов, заметным увеличением объёмов международных транспортных сообщений (как грузовых, так и пассажирских), практически полным удовлетворением населения личным автотранспортом, успешной разработкой альтернативных транспортных средств

(электромобили, двигатели на водородном топливе), освоением околоземного космического пространства (включая космический туризм) и т.д.

Транспортное поведение населения *СССР* в 1950-е годы по всем позициям существенно отставало от уровня, достигнутого в США. Основными видами транспорта, использовавшегося для межрегиональных и международных перевозок, были железнодорожный и водный (речной и морской). Доля международных транспортных сообщений в сравнении с внутренними была крайне незначительной. Использование воздушного транспорта для личных поездок и транспортировки грузов находилось в самом зачаточном состоянии. То же можно сказать и о наличии легкового автотранспорта в личном пользовании. Не только в сельской местности, но и в городах для локальных перемещений широко использовался гужевой транспорт (главным образом, конный). Всё это свидетельствовало о воспроизведении населением страны транспортного-2 ТСЭП.

В *РФ* в конце XX века ситуация с транспортным поведением населения существенно изменилась: россияне стали широко использовать в повседневной практике все виды транспорта, включая воздушный. Существенную долю в общем объёме транспортных перевозок стали составлять международные сообщения. Продолжалось, хотя и менее динамично, чем в 1960-е – 1980-е годы, освоение околоземного космического пространства. В целом, транспортное поведение россиян в 1990-е – 2000-е годы соответствовало индустриальному этапу социально-экономического развития (транспортное-3' ТСЭП).

В *КНР* в середине XX века технические средства сообщения в основном были представлены железнодорожным транспортом. Автомобили (как грузовые, так и легковые) использовались крайне незначительно, воздушный транспорт начал развиваться лишь в 1950-е годы при непосредственном участии и помощи со стороны СССР. Основными средствами для территориальных перемещений подавляющей части населения страны служили гужевой и речной транспорт, а также рикши, услугами которых пользовались, преимущественно, для локальных поездок внутри городов. Всё это свидетельствовало о воспроизведении населением Китая транспортного-1 ТСЭП.

В последующие десятилетия в *КНР* был достигнут значительный прогресс в развитии всех видов средств сообщения, что непосредственно повлияло и на динамику транспортного поведения китайцев. За 40 лет (с 1949 по 1990 гг.) грузооборот в стране возрос в 9 раз, в том числе авиа – в 112 раз, железнодорожный и водный – в 10 и автомобильный – в 6 раз. За тот же период пассажиропоток увеличился в 24 раза, в том числе воздушным транспортом – в 500 раз, автомобиль-

ным – в 97, железнодорожным и водным – в 7 раз. Вместе с тем, структура пассажирских перевозок всё ещё не соответствовала уровню индустриального общества: на долю автомобильного транспорта в 1990 г. приходилось 77% пассажиров, железнодорожного – 19%, водного – 4,5% и авиационного – лишь 0,2%¹.

Таблица 3

Некоторые показатели развития транспорта в РФ, США и КНР
в 1997 г. в расчете на душу населения*

Показатели, единица измерения	РФ	США	КНР
Протяжённость железнодорожных путей, м	0,6**	0,7	0,05
Протяжённость автомобильных дорог, м	3,7**	24,2	0,01
Легковые автомобили, шт.	0,11	0,53	—*****
Грузовые автомобили, шт.	0,001	0,25	—*****
Автобусы, шт.	0,000	0,003	—*****
Перевозка грузов ж/д транспортом, т	6,0	5,6***	1,4***
Перевозка грузов автомоб. транспортом, т	5,1	—*****	7,9***
Перевозка грузов внутр. водным транспортом, т	0,7	3,1****	1,0***
Перевозка грузов морским транспортом, т	0,3	3,8***	0,3
Транспортировка по магистральным нефтепроводам и продуктопроводам, т	2,1	3,7	0,1
Поездки ж/д транспортом, кол-во раз на 1 чел.	10,9	1,3***	0,8***
Поездки автобусом, кол-во раз на 1 чел.	161,3	—*****	9,0***
Поездки воздушным трансп., кол-во раз на 1 чел.	0,2	1,7*****	0,04***

*Сост. по: Содружество Независимых Государств и страны мира... С. 257 – 274; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003: стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 638, 640.

** 1999 г.

*** 1996 г.

**** 1995 г.

***** 1990 г.

***** Нет сведений.

В 1990-е годы мобильность населения продолжала расти. В поездках по стране и за рубеж китайцы всё шире использовали как традиционный для страны автомобильный и железнодорожный транспорт, так и воздушный. Развернулось массовое строительство шоссейных и железных дорог, магистральных трубопроводов. По протяжённости автобанов КНР в начале 2000-х годов занимала уже 3-е место в мире. Значительно улучшилось качество обслуживания пассажиров². В стране началось освоение космического пространства. Вместе с тем, по уровню использования современных транспортных средств в расчёте на душу населения, Китай всё ещё существенно отставал не только от США и других

¹ Кривоборская А. И. Экономическая география Китая: уч. пос. Иркутск, 1996. С. 173.

² См.: Кондрашова Л. "Модернизация с китайской спецификой": проблема экономического измерения // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 4. С. 81.

развитых стран мира, но и от России. Американский исследователь Т. Равски отметил в 2001 г., что темпы увеличения пассажиропотока на авиалиниях КНР отставали от темпов роста экономики в целом, в то время как в принципе должны были опережать¹. Всё это позволило нам квалифицировать достигнутый в Китае к началу XXI века динамический уровень данной базовой формы ТСЭП как транспортное-2" (см. табл. 3).

Суммируя результат, полученный при экономико-социологическом анализе урбанного, транспортного и всех остальных базовых форм ТСЭП (см. табл. 4), можно сделать следующие выводы относительно движущих сил, лежащих в основе социально-экономического развития СССР/РФ, США и КНР во 2-й половине XX века, и высказать предположения о их последующей эволюции на ближайшие десятилетия (2010-е – 2040-е годы) с учётом возможной динамики ТСЭП социально-территориальных общностей этих стран (см. рисунок 2, табл. 5).

Таблица 4

Матрицы ТСЭП СССР/РФ, США и КНР, их интегративные коэффициенты **К** по состоянию на середину и конец XX века

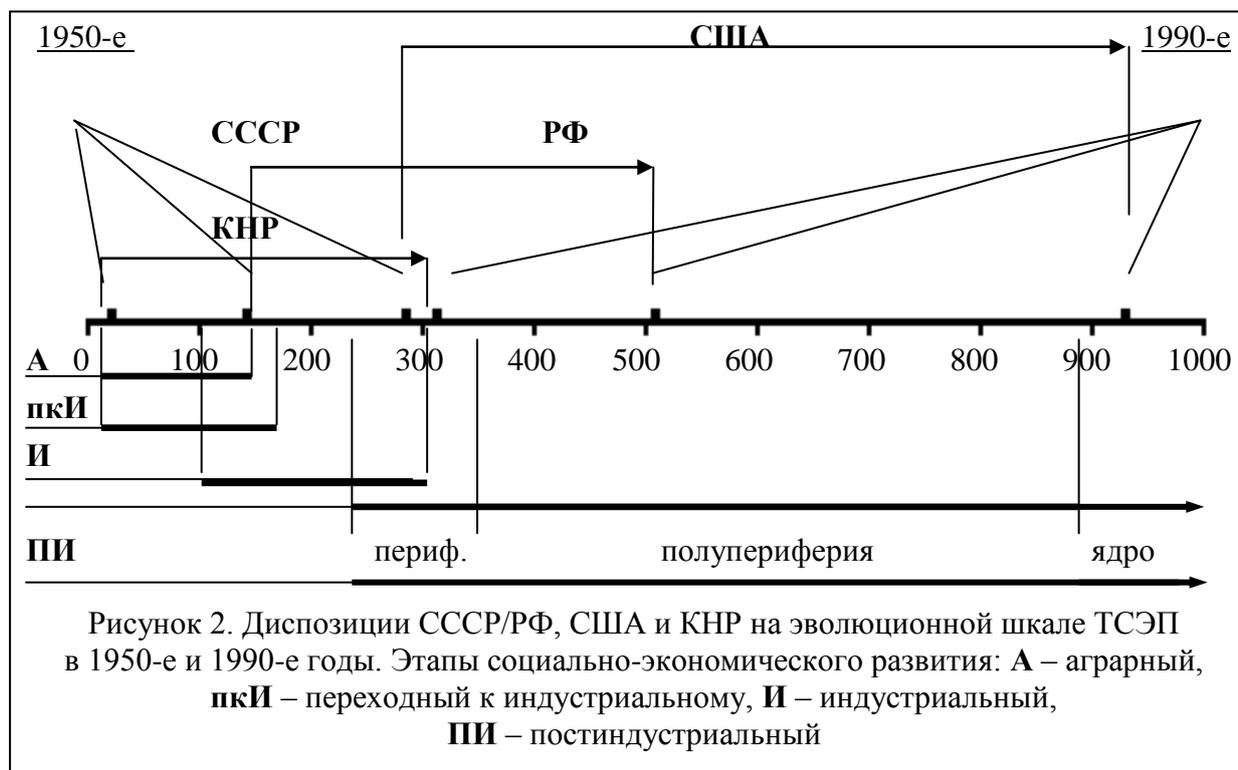
Страна	Матрица ТСЭП, середина XX века	Σ	К*	Матрица ТСЭП, конец XX века	Σ	К*
США	3 3 3	9	287	4 4 4	12	922
	3 2" 3	8,5		4 2''' 4	10,75	
	1''' 2 0	3,75		1''' 2' 3	7,15	
СССР	2 1" 2	5,5	140	–	–	–
	3 2' 2	7,25				
	1" 2 0	3,5				
РФ	–	–	–	3' 3' 3'	9,75	505
				3' 2" 3'	9	
				1''' 2 2	5,75	
КНР	1 1 1	3	20	2" 1''' 2"	6,75	311
	0 1 1	2		3' 2' 2"	8	
	1' 2 0	3,25		1''' 2 2	5,75	

* **К** округлён до целых чисел.

1. По состоянию на начало 1950-х и конец 1990-х годов социально-территориальные общности СССР/РФ, США и КНР воспроизводили паттерны ТСЭП, интегративные коэффициенты **К** которых попадали в интервалы не одного, а сразу 2 – 3 качественно различавшихся этапов социально-экономического раз-

¹ Rawski T. What's Happening to China's GDP Statistics? // China Economic Review. 2001. V. 12. № 4. P. 298 – 302.

вития (например, КНР по рассчитанному для ТСЭП её населения интегративному коэффициенту K в 1950-е годы могла соответствовать аграрной полупериферии или периферии переходного к индустриальному общества; РФ в 1990-е годы – ядерному государству индустриального или полупериферийному постиндустриального типов). В такой ситуации определение истинного положения ТСЭП населения страны в парадигмальных рамках того или иного этапа общественного развития и в континууме «ядро – полупериферия – периферия» возможно только лишь с привлечением качественного экономико-социологического анализа.

По совокупному результату качественного и количественного анализа ТСЭП населения трёх стран мы квалифицировали следующим образом: тип социума США в 1950-е годы как *ядерный индустриальный*, в 1990-е годы – *ядерный постиндустриальный*; тип социума СССР в 1950-е годы как *полупериферийный общества, переходного к индустриальному*, и РФ в 1990-е годы как *ядерный индустриальный*; КНР в 1950-е годы как *полупериферийный аграрный*, в 1990-е годы – *полупериферийный индустриальный*. Однако, в принципе, не исключена и иная интерпретация. В парадигмальных рамках глобализирующегося сообщества на переломе XX – XXI веков с учётом всё более глубокого вовлечения населения РФ, США и КНР в социально-экономические отношения, соответствующие эпохе постиндустриализма, те же показатели интегративного коэффициента K позволяют концептуализировать уровень ТСЭП, достигнутый социумами этих стран, соответственно, как *ядерный постиндустриальный*, *полупериферийный постиндустриальный* и *периферийный постиндустриальный*.

Таблица 5

Диспозиции СССР/РФ, США и КНР в континуумах «аграрное – переходное к индустриальному – индустриальное – постиндустриальное» общества, «ядро – полупериферия – периферия» в проекции ТСЭП их населения

Тип общества	Периферия	Полупериферия	Ядро
Аграрное (6 – 152)*	(6 – 11)	(11 – 75) <u>КНР</u> (20)**	(49 – 152) <u>СССР</u> (140)
Переходное к индустриальному (11 – 287)	(11 – 97) <u>КНР</u> (20)	(75 – 184) <u>СССР</u> (140)	(152 – 287) <u>США</u> (287)
Индустриальное (97 – 922)	(97 – 239) <u>СССР</u> (140)	(184 – 352) <u>США</u> (287) КНР (311)	(287 – 922) <u>США</u> (287) РФ (505) КНР (311)
Постиндустриальное (239 – ?)	(239 – 388) КНР (311)	(352 – 1039) США (922) РФ (505)	(922 – ?) США (922)

* Интервалы изменения интегративного коэффициента **К**, соответствующие этапам развития общества и диспозициям страны (региона) в континууме «ядро – полупериферия – периферия».

** СССР, США, КНР – возможные диспозиции по состоянию на 1950-е гг.

*** **РФ**, **США**, **КНР** – возможные диспозиции по состоянию на 1990-е гг.

**** СССР, США, КНР, **РФ**, **США**, **КНР** – фактические диспозиции с точки зрения данного социологического анализа.

2. В 1950-е годы соотношение интегративных коэффициентов **К** населения СССР, США и КНР было 140 : 287 : 20. Если принять значение **К** для КНР за 1, то оно выглядит как 7 : 14,4 : 1. То есть по сугубо формальному количественному показателю население СССР опережало в своём социально-экономическом развитии население Китая приблизительно в 7 раз, а население США опережало население Китая более чем в 14 раз (разница между показателями **К** населения США и СССР составила 2,1 раза). Само по себе это уже свидетельствовало об огромных качественных дистинкциях ТСЭП их социально-территориальных общностей в середине прошедшего столетия.

В 1990-е годы данное соотношение выглядело уже как 505 : 922 : 311 или 1,6 : 3 : 1 (разница между показателями ТСЭП населения РФ и США изменилась незначительно и составила 1,8 раза). В целом, мы видим существенное сокращение разрыва в уровнях ТСЭП, которое воспроизводили в своих повседневных практиках жители трёх анализируемых государств на рубеже XX – XXI веков.

Можно подойти к количественному анализу интегративных коэффициентов **К** и с другой стороны – посмотреть их динамику на протяжении последних 50 лет отдельно для каждого государства. Так, население США повысило **К** в

3,2 раза, население РФ в сравнении с населением СССР – в 3,6 раза, население КНР – в 15,6 раза! Сохранение данной тенденции в обозримом будущем (10 – 30 лет) может привести не только к выравниванию интегративных коэффициентов **К** этих трёх государств, но и возникновению их обратного соотношения в пользу ТСЭП населения Китая.

3. Какова природа отмеченной нами динамики? Как очевидно, её движущие силы в России, США и Китае существенно различаются. Если для США характерна отмечаемая многими исследователями *естественная* социально-экономическая эволюция по направлению от традиционного (аграрного) общества к модерну (индустриализм) и постмодерну (постиндустриализм), то в СССР в 1950-е – 1980-е и в КНР в 1950-е – 1970-е годы доминировала практика *принудительной модернизации* с широким использованием командно-административных методов управления. В последующие десятилетия в РФ принудительную модернизацию сменил *автопоэзис*, обернувшийся системным кризисом всего российского общества, в КНР – «*управляемая*» модернизация, или как называют её в самом Китае – «стратегия сравнительных преимуществ», девиз которой: «Конкуренция – везде, где возможно, регулирование – везде, где необходимо»¹. Принципиально новый подход, реализованный руководителями КНР в 1980-е – 2000-е годы, позволил не только исправить перегибы маоистского периода китайской истории, но и совершить значительный прорыв в направлении постмодерна.

Все обозначенные выше пути социально-экономической эволюции амбивалентны с точки зрения их исторических последствий и перспектив. Так, на наш взгляд, *естественный* путь, с одной стороны, обеспечивает последовательность, относительную гармонию и непротиворечивость в динамике государства, общества и личности (что ярко демонстрируют США), но с другой, является более медленным в историческом плане и непредсказуемым в своих пролонгированных последствиях (сегодня всё больше споров возникает по поводу того, насколько хорош и вообще необходим переход к постиндустриализму).

Страны, вступившие на путь *принудительной* или *управляемой модернизации* способны гораздо быстрее в историческом плане достичь уровня государств естественной (органической) модернизации и даже в перспективе превзойти его. Но такое развитие также имеет негативные аспекты. Как правило, принудительная модернизация не может учесть социокультурной специфики обществ, в ко-

---

¹ Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Китайское чудо. Стратегия развития и экономическая реформа / пер. с кит. М., 2001. С. 15, 283.

торых осуществляется. Это неизбежно приводит к росту социальной напряжённости и вынуждает органы власти применять насилие. Упования на *автопоэсис* или *синергийный эффект*, как показала практика РФ в 1990-е годы, при отсутствии факторов естественной модернизации – это политический и экономический авантюризм чистой воды.

Таким образом, практическая реализация разных путей социально-экономической эволюции в СССР/РФ, США и КНР привела к различным темпам динамики ТСЭП их населения и, соответственно, к достижению разного уровня общественного развития. Во 2-й половине XX века американский социум развивался сравнительно медленно, но устойчиво и последовательно. Российский социум эволюционировал от принудительной модернизации к автопоэсосу, вследствие чего вначале достиг определённого прорыва в процессе индустриализации, но в 1990-е годы совершил значительную реверсию по направлению к аграрному обществу, продемонстрировав неспособность к естественной социально-экономической динамике. Принудительная модернизация населения Китая, сохранявшего в своей массе традиционную ментальность, характерную для аграрных обществ, в 1950-е – 1970-е годы обернулась открытым насилием власти над обществом, имела больше негатива, чем достижений. Тем не менее, как утверждают современные китайские историки и экономисты, в те годы были заложены основания для последующего социально-экономического реформирования, успех которого они связывают с гармоничным сочетанием национальных особенностей с теорией и практикой рыночной экономики¹.

Отмеченные дистинкции социально-экономической эволюции трёх государств в перспективе ближайших десятилетий могут привести к существенному изменению диспозиции их социумов на эволюционной шкале ТСЭП и, соответственно, рокировке в континууме «ядро – полупериферия – периферия». В данном случае наиболее выигрышную позицию занимает Китай. По ряду макроэкономических показателей в 2000-е годы он уже входил в первую десятку мировых лидеров. Но в отличие от США, Японии, ФРГ и других ядерных стран, КНР располагает огромным демографическим ресурсом, который в настоящее время используется далеко не полностью вследствие нерешённости целого ряда социокультурных проблем (общий низкий уровень образования, консервативная ориентированность большей части населения, значительная явная и огромная скрытая безработица и др.). Проведение эффективной социальной политики в области образования и занятости, о чём уже заявило современное китайское руководство,

---

¹ См.: Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу. Указ. соч.; Лю Гогуан. Указ. соч. и др.

к середине XXI века, а может быть и раньше, способно вывести КНР в абсолютные мировые лидеры. Это существенно поколеблет не только экономические, но и политические позиции США, заставит американское общество искать новые резервы развития, но ядерный статус Соединенных Штатов, безусловно, сохранится.

Что касается РФ, то её центральной проблемой будет относительная малочисленность населения (в сравнении с КНР и США), которое даже при наличии огромных запасов природных ресурсов и достижении очень высокого экономического роста в расчёте на душу населения окажется не в состоянии конкурировать с мировыми державами по объёму ВВП и другим макроэкономическим показателям. При благоприятном стечении обстоятельств и мудром политическом руководстве Россия сохранит и упрочит статус полупериферийного государства, будет лидировать в политическом и экономическом отношении среди стран «второго эшелона», включая СНГ, в военном отношении заставит считаться с собой всё мировое сообщество. В случае возможных просчётов в управлении государством со стороны Президента, Правительства, Федерального Собрания, роста негативных процессов в социально-экономической сфере может произойти утрата экономической самостоятельности. Россия потеряет своих нынешних союзников и скорее всего будет разделена на сферы влияния между США, КНР и ЕС.

Ю. А. Ламашева

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТРАН СКАНДИНАВИИ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Процессы международного сотрудничества и региональной интеграции, происходящие в различных регионах мира и отражающие одновременное действие глобализации и регионализации, отличаются в то же время уровнем развития, степенью вовлечённости участников и диапазоном рассматриваемых вопросов. При всём разнообразии факторов, влияющих на эти процессы, в настоящее время существуют две модели международного сотрудничества: модель рационального выбора и нормативная модель¹.

---

¹ Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983.

Модель рационального выбора основана на предпосылках индивидуализма, эгоцентризма и рационализма всех участников. Рационализм подразумевает возможность получения всей необходимой для принятия решений информации, эффективного анализа этой информации, а также исключительно разумного выбора наиболее выгодного варианта. В некоторой степени эти условия можно соблюсти, однако, по мере укрепления сотрудничества в регионе должны возникнуть и развиваться поддерживающие (иррациональные) факторы взаимодействия: доверие, коллективное сознание, понимание общих интересов. Именно эти факторы лежат в основе нормативной модели.

Опыт активного использования транснациональной идентичности (коллективного сознания) в скандинавских странах Европы показывает, что осознание гражданами стран региона принадлежности к единому политическому, экономическому и социокультурному пространству, наличие общей цели в долгосрочной перспективе приводят к политической и экономической интеграции¹.

Северо-Восточная Азия (СВА) также представляет собой динамично развивающийся регион, включающий такие страны-лидеры международных политических и экономических отношений, как Япония и КНР. При этом отношения в регионе строятся на постулате «равновесия сил» и характеризуются слабым развитием транснациональных отношений, основанных на рациональной модели взаимодействия.

Следует признать, что модель исключительно рационального взаимодействия в СВА, как доказал Р. Аксельрод в работе «Эволюция сотрудничества»², может сохраняться бесконечно долго. По его мнению, основанием сотрудничества является не доверие, а продолжительность отношений. При правильных условиях стороны могут прийти к сотрудничеству методом проб и ошибок, узнавая возможности взаимных выгод, посредством подражания успешным участникам, или даже путём слепого отбора более удачных стратегий и отказа от менее удачных.

Р. Аксельрод считает сотрудничество, основанное на взаимности, стабильным, но, тем не менее, беспокоится об ускорении его развития: «Без взгляда в будущее эволюционный процесс может занять очень много времени... Суть проблемы в том, как достичь выгод от сотрудничества, и что процесс обучения методом проб и ошибок медленен и болезнен. Условия могут быть благоприятны-

---

¹ European Integration and National Identity: The Challenge of the Nordic States / ed. by L. Hansen, O. Waever. London; New York, 2002; Post Cold-War Identity Politics – Northern and Baltic Experiences / ed. by M. Lehti, D.J. Smith. London; Portland, 2003.

² Anderson B. Op. cit.

ми для долгосрочного развития, но у нас может не быть времени на ожидание, пока слепые процессы медленно приведут нас к взаимовыгодным стратегиям, основанным на взаимности. Возможно, если мы лучше поймем этот процесс, мы сможем лучше использовать дар предвидения для ускорения эволюции сотрудничества»¹.

Иными словами, использование ключевого фактора нормативной модели – транснациональной идентичности – в перспективе может стимулировать развитие сотрудничества в СВА, перевести его с уровня рационального взаимодействия индивидуалистов на уровень коллективного участия в процессах принятия взаимовыгодных решений.

Транснациональная идентичность означает чувство принадлежности граждан государств одного региона к единому политическому, экономическому, социокультурному пространству, понимание их общего прошлого, настоящего и будущего, а также видение единой цели развития региона. На формирование транснациональной идентичности влияют 3 группы факторов (см. рисунок 1)².

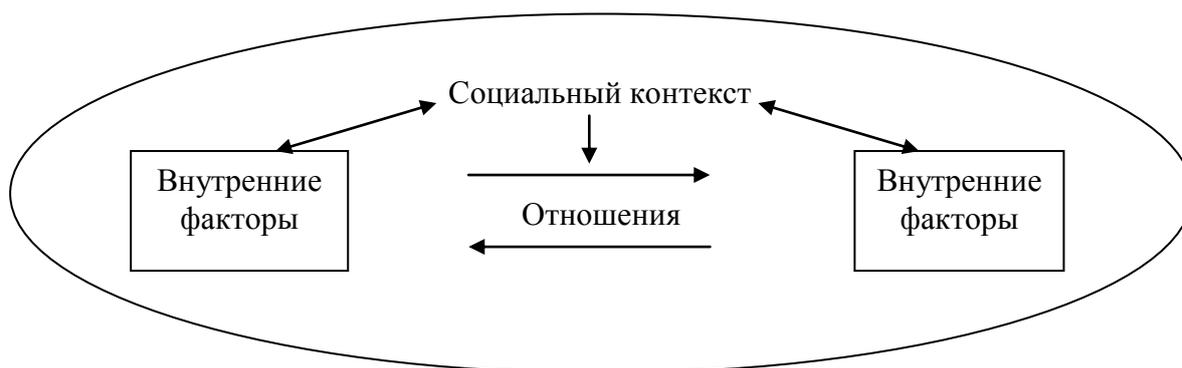

Рисунок 1. Факторы формирования транснациональной идентичности

Внутренние факторы, по сути, означают национальные культурные ценности и нормы, отношения – исторический опыт взаимодействия как в конфликтных ситуациях, так и в периоды активного сотрудничества, социальный контекст – это внешняя среда, объективно складывающиеся в глобальном или региональном масштабе условия взаимодействия.

Целью данной статьи является оценка влияния ценностных ориентаций культур стран Скандинавии и Северо-Восточной Азии на возможность формирования транснациональной идентичности, способствующей, в свою очередь,

¹ Ibid. P. 50.

² Тромпенаарс Ф., Хампден-Тернер Ч. Национально-культурные различия в контексте глобального бизнеса / пер. с англ. Е. П. Самсонова. Мн., 2004.

Г. Хофстеде учитывает 5 критериев для описания культурных различий между странами: социальную ориентацию, отношение к власти, отношение к неопределённости, ориентацию на достижение цели и временную ориентацию (см. рисунок 3)¹.

Рисунок 3. Пять факторов национальной культуры по Г. Хофстеде²

Показатели социальной ориентации (индивидуализм – коллективизм) для стран Скандинавии и СВА представлены на рисунке 4.

¹ Там же. С. 191.

² Там же. С. 192.

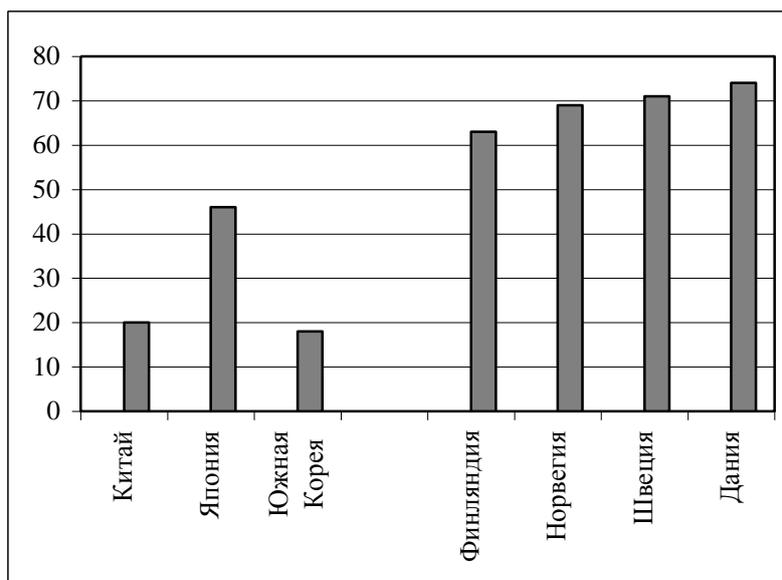

Рисунок 4. Показатели социальной ориентации стран Скандинавии и СВА¹

Страны Скандинавии проявляют высокую склонность к индивидуализму, страны СВА – к коллективизму. Теоретически можно предположить, что страны СВА будут стремиться к развитию сотрудничества через построение коллективной идентичности. Однако коллективизм в конфуцианских странах означает высокую степень преданности собственной семье, организации, местному сообществу, то есть, тому, что находится «внутри» собственного круга интересов. Страны «снаружи» скорее ещё более выталкиваются на периферию коллективного сознания.

На рисунке 5 представлены показатели отношения к власти стран Скандинавии и СВА. Для стран Скандинавии характерна меньшая дистанция и более критичное отношение к власти, что предполагает активное участие каждого гражданина в вопросах управления. Поэтому даже при высокой степени индивидуализма жители этих стран осознают собственную ответственность за создание условий, благоприятных для развития сотрудничества в регионе.

Страны СВА демонстрируют высокую степень уважения власти, то есть, соглашаются с решениями руководителей на основании того, что те стоят выше на иерархической лестнице. В условиях склонности к коллективизму это приводит к усилению национальной идентичности, однако, если государственные лидеры призовут свои народы к развитию взаимопонимания для укрепления со-

¹ Geert Hofstede Cultural Dimensions for International Business // URL: www.geert-hofstede.com (дата обращения: 30. 10. 2010).

трудничества и чувства регионального сообщества, то границы коллективизма могут быть расширены до пределов региона СВА.

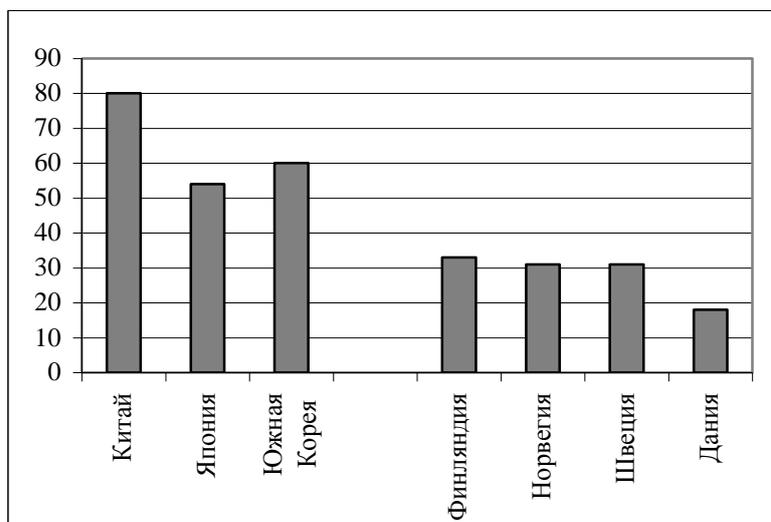

Рисунок 5. Показатели отношения к власти стран Скандинавии и СВА¹

На рисунке 6 представлена оценка отношения к неопределённости в двух регионах.

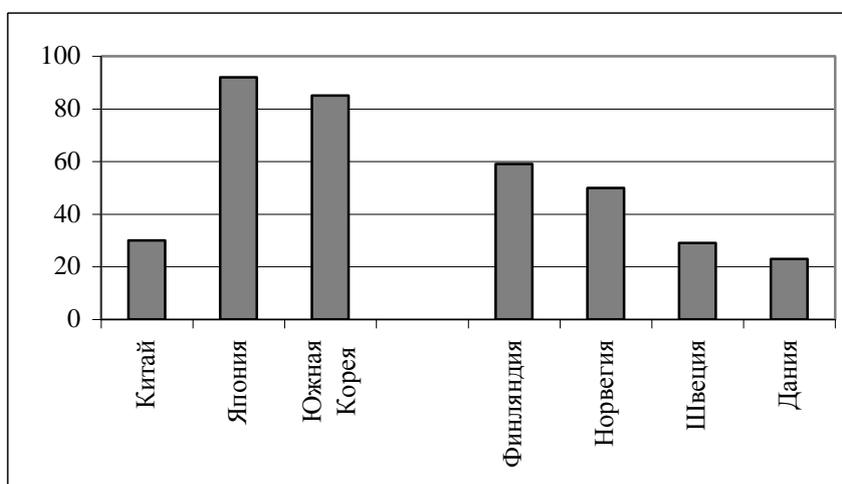

Рисунок 6. Показатели отношения к неопределённости стран Скандинавии и СВА²

Для Скандинавских стран характерно более положительное отношение к неопределённости, в условиях которой открываются новые возможности. Гиб-

¹ Там же.

² Там же.

кость мышления и быстрая адаптация к переменам дают возможность сохранять скандинавскую идентичность уже на протяжении нескольких столетий. Среди стран СВА только Китай отличается приятием неопределённости. Япония и Южная Корея в культурном плане выше ценят стабильность, не склонны к риску, предпочитают подождать, прежде чем действовать. В результате сотрудничество в СВА продолжает развиваться по рациональной модели, а формирование транснациональной идентичности затягивается. В то же время учёные Японии изучают опыт сотрудничества в странах региона Балтийского моря, и в особенности в Скандинавии, с целью последующей его адаптации в азиатских условиях.

На рисунке 7 представлены показатели ориентации на достижение целей. При том что страны СВА отличаются активным целевым поведением и официально провозглашают среди своих целей развитие сотрудничества в регионе, кажется парадоксальным, что Скандинавские страны с выражено пассивным целевым поведением добились больших результатов. Следует учитывать, однако, что модель рационального выбора подразумевает, в первую очередь, преследование собственной выгоды даже в ущерб процессу сотрудничества. В условиях приоритета национальных интересов над транснациональными, активное целевое поведение скорее противодействует формированию коллективной идентичности в регионе.

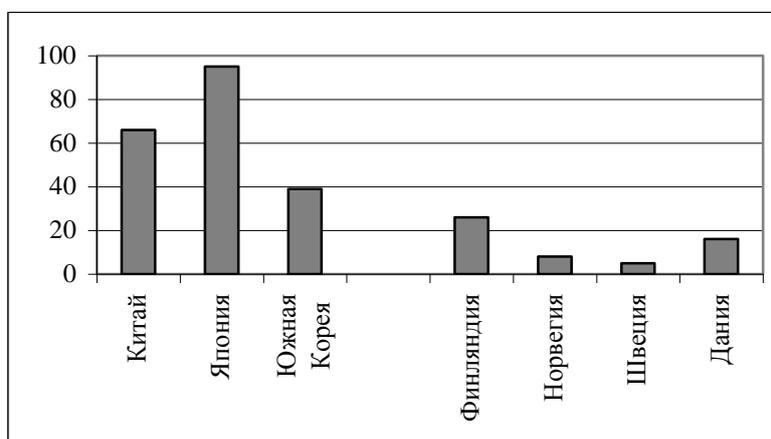

Рисунок 7. Показатели ориентации на достижение целей стран Скандинавии и СВА¹

Пассивное целевое поведение Скандинавских стран означает, что их интересы в значительной степени ориентированы на взаимоотношения с соседними

¹ Там же.

странами, и эта культурная особенность напрямую связана с формированием скандинавской транснациональной идентичности.

На рисунке 8 представлены показатели временной ориентации для двух регионов.

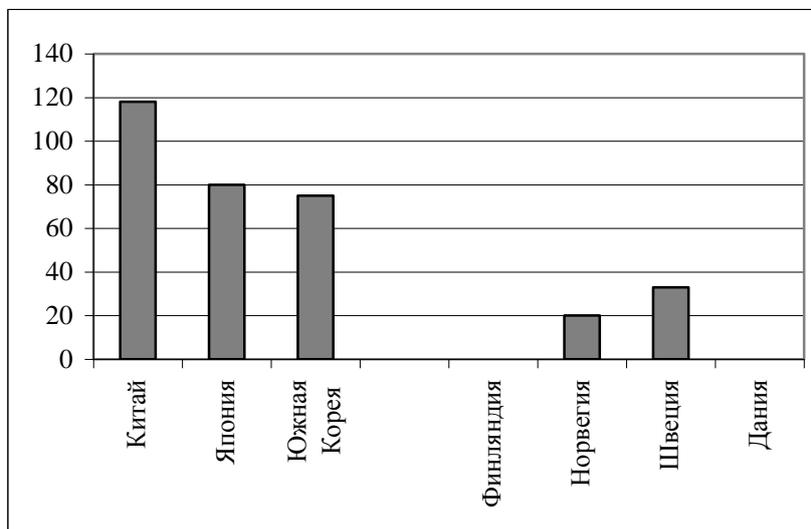

Рисунок 8. Показатели временной ориентации стран Скандинавии и СВА¹

Регион СВА отличается долгосрочной временной ориентацией. В сочетании с избеганием неопределённости это означает, что в случае сомнения в выгоды новых условий сотрудничества в долгосрочном плане лучше остаться на прежних позициях, то есть, даже в условиях модернизации и экономического роста культура демонстрирует склонность к консерватизму. В скандинавских странах краткосрочная временная ориентация позволяет реализовывать небольшие по масштабам проекты сотрудничества, из которых в итоге постепенно складываются значимые инициативы.

Ф. Тромпенаарс и Ч. Хампден-Тернер используют 7 критериев²:

- универсализм – партикуляризм (соблюдение правил);
- коллективизм – индивидуализм (социальная ориентация);
- нейтральность – эмоциональность (диапазон явно выражаемых чувств);
- конкретный – диффузный (степень вовлечения в отношения);
- достижение – аскрипция (способ определения статуса);
- отношение ко времени;
- отношение к природе.

¹ Там же.

² Тромпенаарс Ф., Хампден-Тернер Ч. Указ. соч.

Как показано на рисунке 9, страны Скандинавии более склонны к универсализму, то есть, к соблюдению всеобщих правил без исключений для особых случаев. Партикуляристский же подход требует уделять внимание исключительной природе обстоятельств. Для соблюдения международных договорённостей безопаснее универсализм. Партикуляризм может способствовать сотрудничеству только в условиях существенной взаимной симпатии между странами региона.

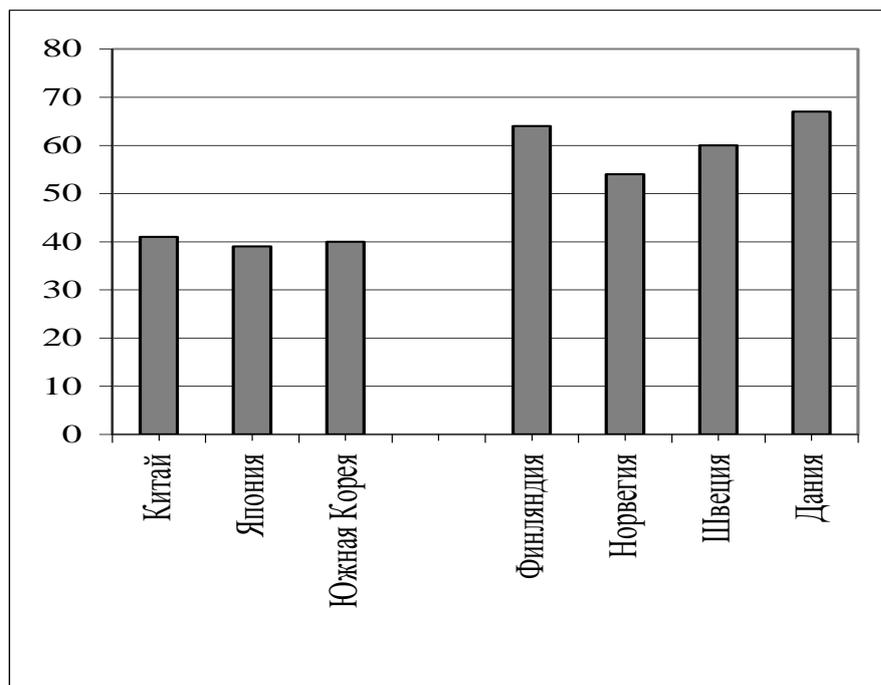

Рисунок 9. Доля респондентов (в %), которые отдают предпочтение универсалистской системе ценностей¹

Результаты, представленные на рисунке 10, совпадают с оценками Г. Хофстеде относительно склонности Азиатских стран к коллективизму, а Скандинавских – к индивидуализму.

Исходя из результатов опроса по критерию «нейтральность – эмоциональность», можно видеть, что жители Скандинавских стран выражают свои эмоции более открыто, чем жители стран СВА. Следует отметить, что это разница между средним и низким уровнем эмоциональности, то есть, Скандинавские страны к крайне эмоциональным также не относятся. Тем не менее, низкий уровень эмоциональности для представителей высококонтекстуальных культур создаёт ещё более высокий коммуникативный барьер (см. рисунок 11).

Отношения между людьми могут складываться в конкретных сферах общения, не распространяясь на другие сферы, но могут и автоматически переносить-

¹ Там же. С. 83.

ся на все сферы интересов и различные уровни отношений. В культурах, ориентированных на строгое разграничение отношений, всякая ситуация, в которой происходит коммуникация, рассматривается как отличающаяся от любой другой конкретной ситуации. В «диффузных» («рассеянных») культурах, если человека считают другом, это обеспечивает ему доступ в любую частную жизненную сферу.

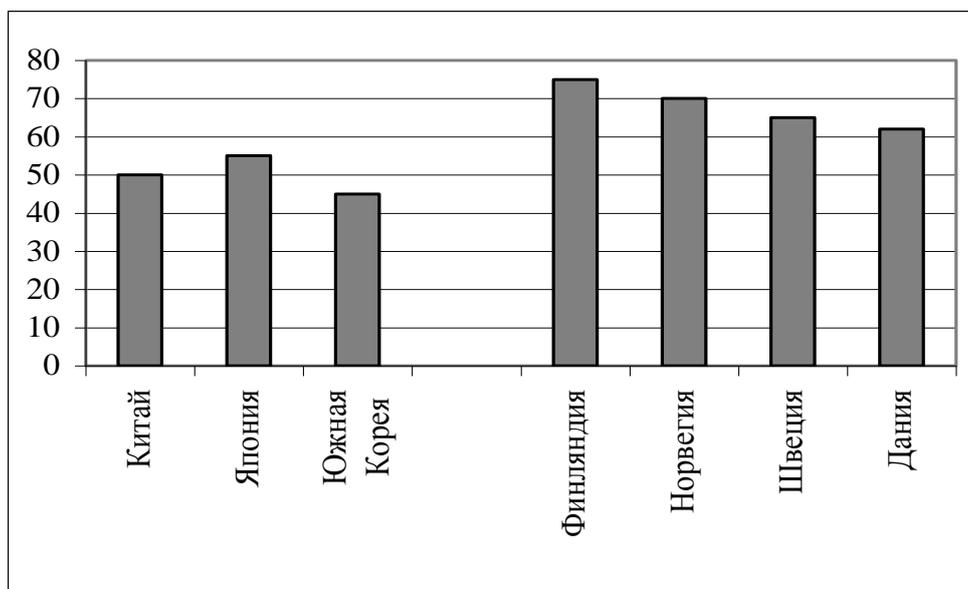

Рисунок 10. Доля респондентов (в %), которые отдают предпочтение индивидуализму¹

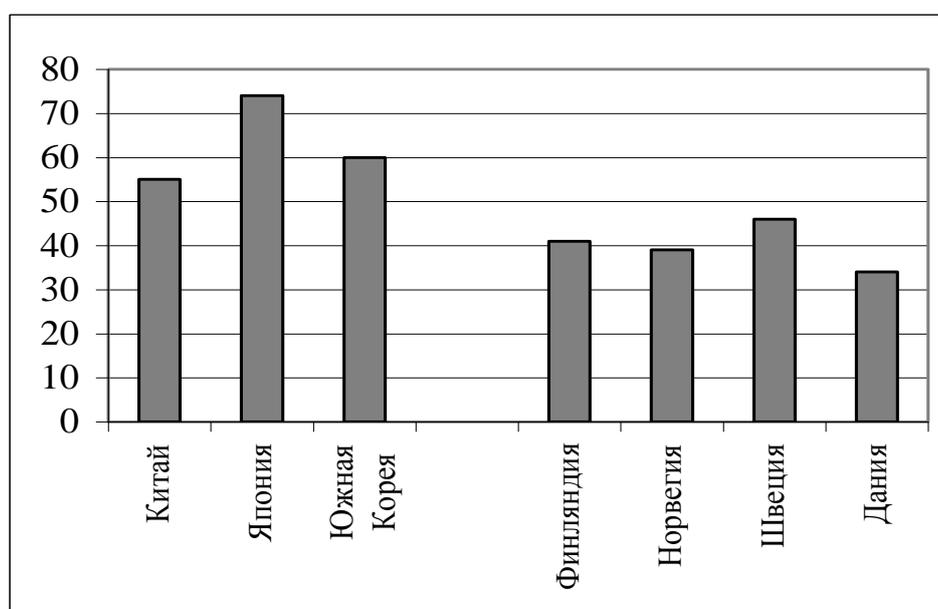

Рисунок 11. Доля респондентов (в %), которые не стали бы открыто выражать эмоции

¹ Там же. С. 111.

По данным, представленным на рисунке 12, культуры стран СВА относятся к «диффузным», а Скандинавии – к «конкретным». Это означает, что для жителей Скандинавии несложно установить дружеские отношения с незнакомцами, поскольку эти отношения будут распространяться только на определённую сферу общественной жизни и не будут обязывать их в частной жизни или в других сферах общественной жизни. Для представителей Азиатских стран установление дружеских отношений требует проверки временем, так как в итоге необходимо принять решение о допуске нового знакомого во все сферы своей жизни, или же о сохранении дистанции. Нахождение во «внутреннем» круге в «диффузной» культуре, в свою очередь, налагает обязанность сохранения дружественных отношений в любой ситуации. Попытки разделить сферы отношений, например, на частное и общественное, ведут к взаимному разочарованию сторон. Поэтому «диффузным» культурам близок партикуляризм, а «конкретным» – универсализм.

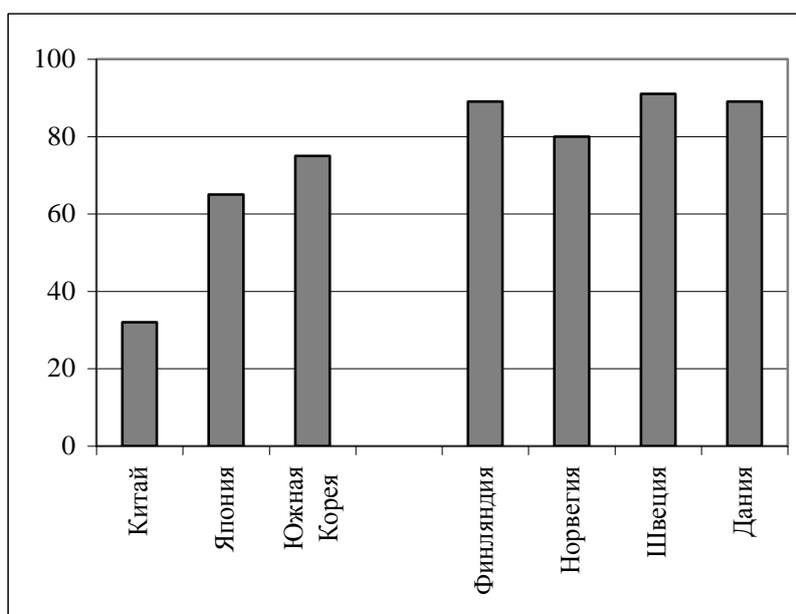

Рисунок 12. Доля респондентов (в %), которые отделяют частное от общественного¹

Рисунок 13 показывает, что в странах Скандинавии статус присваивается как признание заслуг и является достигнутым, а в странах СВА – в зависимости от возраста, пола, принадлежности к определённому классу, образования и т.д., то есть, является аскриптивным. Аскриптивные культуры склонны к использованию стереотипов, которые, как известно, не всегда отвечают реальности. Приписывание определённых черт характера представителям других народов зача-

¹ Там же. С. 183.

стую используется идеологией национализма, возвышающей одну нацию и при-
нижающей другие.

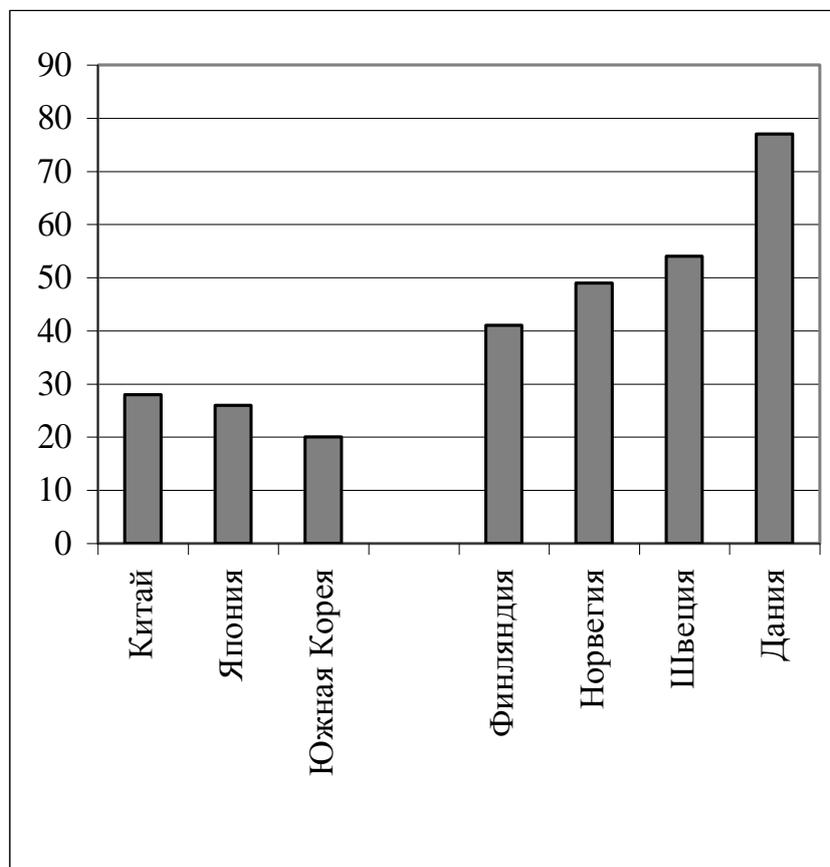

Рисунок 13. Доля респондентов (в %), считающих, что уважение
к человеку не зависит от его происхождения¹

Что касается критерия «отношение ко времени», то данные исследований Ф. Тромпенаарса и Ч. Хампден-Тернера не показывают значительной разницы между странами Скандинавии и США, в отличие от данных исследований Г. Хофстеде. Рисунок 14 представляет преимущественно долгосрочную ориентацию (от 4,56 до 5,28 лет). Сами авторы исследования выдвигают, тем не менее, разные объяснения для двух регионов. В странах буддийско-конфуцианского мышления, по их мнению, таким образом проявляется приверженность традициям, а в Скандинавских странах – климатические особенности (длительные зимы, деятельность во время которых нужно планировать заранее).

Незначительное расхождение наблюдается и по показателю «отношение к природе». В данном исследовании под этим названием подразумевается способность человека противостоять силам природы и степень контроля над собствен-

¹ Там же. С. 216.

ной судьбой. Среднемировой показатель – 70%. За исключением крайних значений для Китая и Норвегии, остальные страны в одинаковой степени принимают на себя ответственность за происходящие с ними события. Объяснить это можно тем, что в данном случае задействована внешняя среда, которая для обоих регионов схожа: это тенденции глобализации и регионализации, объективная необходимость развития сотрудничества с переходом к интеграционным процессам (см. рисунок 15).

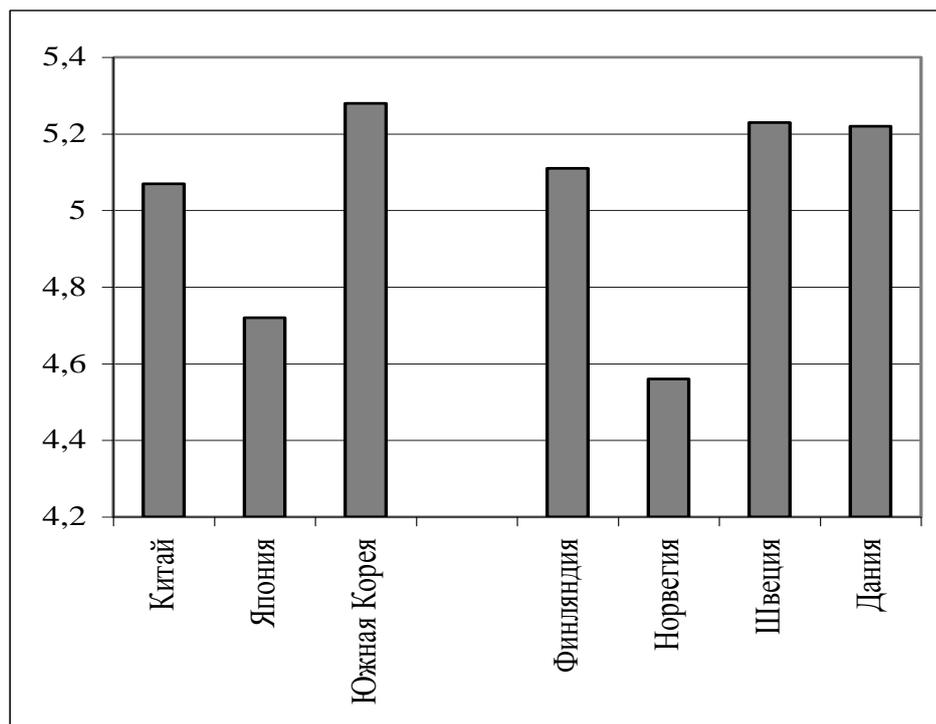

Рисунок 14. Отношение ко времени¹

Стоит отметить, что в отличие от Г. Хофстеде, Ф. Тромпенаарс и Ч. Хампден-Тернер подчеркивают динамичный и диалектический характер культуры: «Мы не допускаем ситуации, когда одна культурная категория исключает свою противоположность. Мы думаем, что одна культурная категория стремится “руководить” своей противоположностью и что ценности произвольно организуются в системы, приобретая новые смысловые оттенки»².

Исследования Р. Инглегарта³, базирующиеся на данных Всемирного обзора ценностей 1985 – 2006 гг.¹, подтверждают эту мысль. Для характеристики куль-

¹ Там же. С. 263.

² Там же. С. 63.

³ Инглегарт Р., Бейкер У. Модернизация, культурные изменения и устойчивость традиционных ценностей // Теория и практика демократии. Избранные тексты / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М., 2006. С. 143 – 153.

турных ценностей Р. Инглегарт использует лишь две категории: «традиционализм – рационализм» и «выживание – самовыражение». Традиционализм означает религиозность, склонность к почитанию государства, консерватизм в воспитании детей, а также чувство национальной гордости. Выживание – материалистические ценности (например, поддержание общественного порядка, борьба с инфляцией) в противоположность постматериалистическим ценностям (свободе и самовыражению личности, индивидуальному благосостоянию, межличностному доверию, политической активности, толерантности).

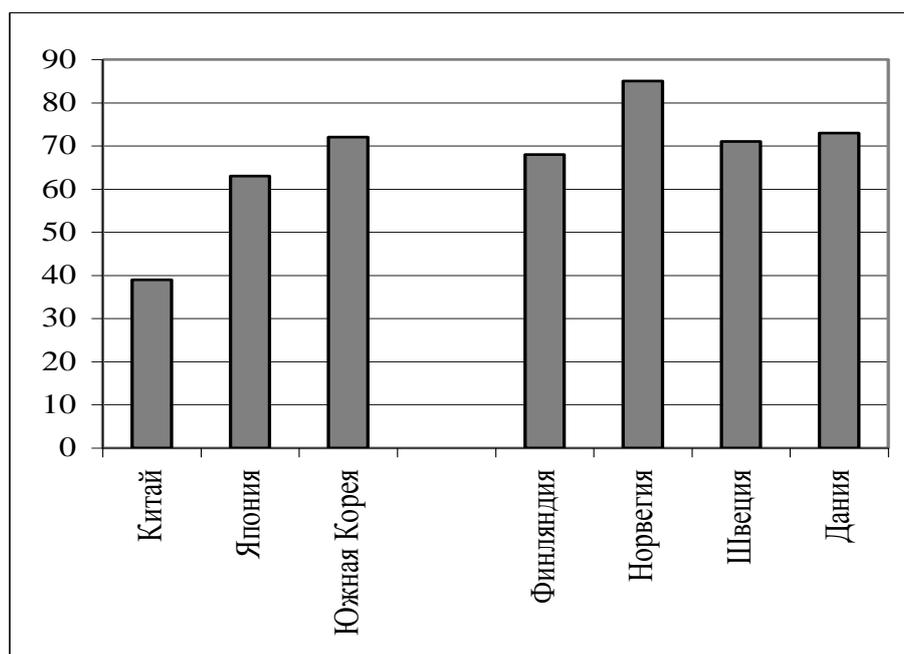

Рисунок 15. Доля респондентов (в %), которые полагают, что происходящее с ними зависит от них самих²

Как видно из рисунка 16, страны Скандинавии и США находятся на одном уровне по шкале «традиционализм – рационализм».

Можно отметить движение в сторону традиционализма в Китае и Южной Корее, но для мира в целом это всё же высокий уровень рационализма. Разница наблюдается по шкале «выживание – самовыражение», причём она существенна и в общемировом масштабе. Постмодернистские ценности, преобладающие в скандинавских странах, необходимы для преодоления националистических тенденций и формирования транснациональной идентичности.

¹ World Values Survey // URL: www.worldvaluessurvey.org (дата обращения: 30. 10. 2010).

² Там же. С. 295.

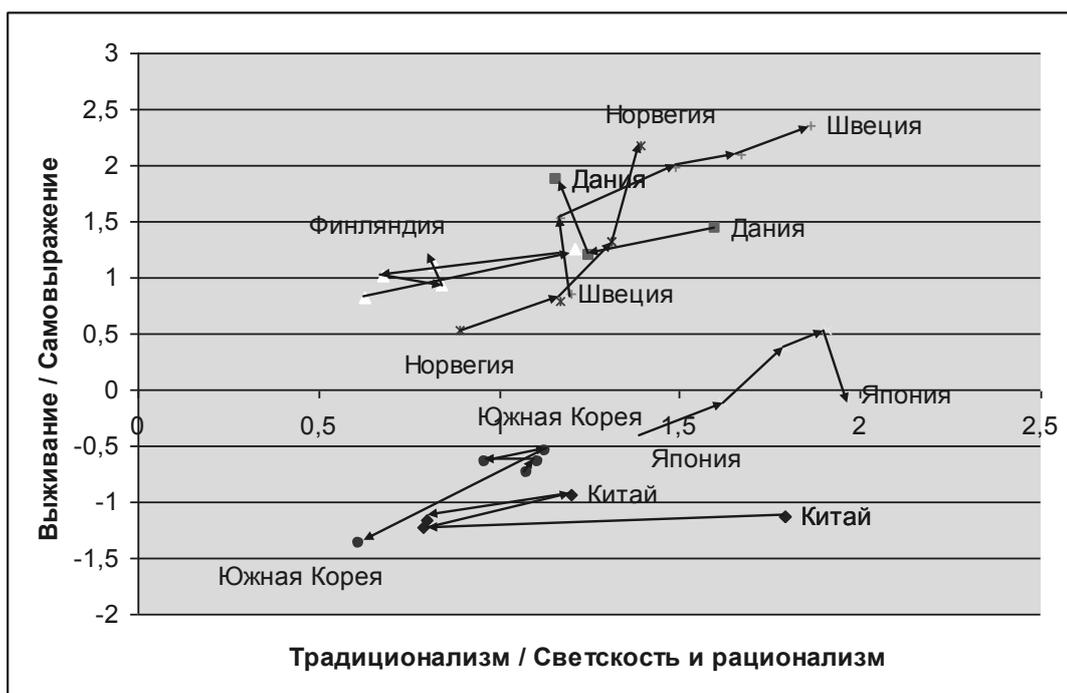

Рисунок 16. Распределение стран на основе показателей межкультурных вариаций¹

Заключение

Традиционно считается, что лучшего взаимопонимания достигают те культуры, которые совпадают по показателям критериев классификации вне зависимости от конкретных критериев. Однако сравнительный анализ кросс-культурных особенностей стран Скандинавии и Северо-Восточной Азии показывает, что важным является именно содержание критериев. Так, одинаково высокий уровень коммуникативного контекста, коллективизма, уважения власти, неприятия неопределённости, активного целевого поведения, долгосрочной временной ориентации, партикуляризма, нейтральности, «диффузности» отношений и аскрипции статуса в настоящее время способствует закреплению националистических тенденций в странах Северо-Восточной Азии. В таких условиях жители региона в значительной степени полагаются на власть для определения собственных предпочтений, и от государственных лидеров будет в итоге зависеть выбор между национализмом и транснационализмом.

Исходя из того, что при схожих условиях внешней среды и декларируемых целей в одном регионе успешно развивается транснациональная идентичность, лежащая в основе нормативной модели сотрудничества, а в другом – коллектив-

¹ Ibid.

ная идентичность сталкивается с труднопреодолимыми барьерами, можно предположить, что культурными ценностями, облегчающими сотрудничество, являются низкий коммуникативный контекст, индивидуализм, терпимость к власти, приятие неопределённости, пассивное целевое поведение, краткосрочная временная ориентация, универсализм, средний уровень эмоциональности, разделение отношений по сферам жизни и определения статуса в соответствии с достижениями. Эти ценности позволяют принимать независимые решения, основанные на личном опыте взаимодействия, без опасения совершить непоправимую ошибку глобального масштаба. Кроме того, постмодернистские ценности, такие как свобода и самовыражение личности, межличностное доверие, политическая активность и толерантность способствуют кросс-культурной коммуникации, трансграничному сотрудничеству и формированию транснациональной идентичности.

С учётом стремления России развивать сотрудничество с соседними странами, имеет смысл дать оценку российским культурным ценностям по вышеприведённым критериям. Данные Г. Хофстеде¹ по России отмечают низкий уровень индивидуализма (39 баллов из 100 возможных, ниже, чем в Японии), высокий уровень уважения к власти (93, выше, чем в Китае), избегания неопределённости (95, больше, чем в Японии), средний уровень ориентации на достижение целей (36). По данным опросов Ф. Тромпенаарса и Ч. Хампдена-Тернера², индивидуализм в России находится на среднем уровне (60, примерно как в Швеции), эмоциональность (24) более выражена, чем в Скандинавии, отделение частного от общественного в отношениях (86) высокое (на уровне Скандинавии), однако аскрипция статуса (стереотипирование) и слабое ощущение контроля роднит Россию с Китаем (30 и 49, соответственно). Рационализм в России отмечен на уровне США и Скандинавии, но выживание выражено ещё сильнее, чем в США и для мира в целом имеет одно из наиболее высоких значений³. Тенденция следования за лидером близка к уровню стран США, но и личное мнение (иногда более эмоциональное, чем рациональное) относительно сотрудничества с соседними народами россияне имеют. В итоге соотношение между национализмом и транснационализмом – это совместный выбор граждан и государственных лидеров России.

---

¹ Geert Hofstede Cultural Dimensions for International Business...

² Тромпенаарс Ф., Хампден-Тернер Ч. Указ. соч.

³ World Values Survey...

Данные выводы подтверждаются и результатами исследований российских учёных¹, которые подчёркивают важность ценностей индивидуальной автономии, самовыражения, универсального и равного отношения к другим людям, активного личного участия в улучшении окружающего мира.

В. А. Смоляков

ТАЙВАНЬСКАЯ ПРОБЛЕМА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВНУТРЕННИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ФАКТОРОВ

В Восточной Азии сохраняются доставшиеся от холодной войны две зоны напряжённости, грозящие превратиться в очаги регионального и даже глобального военного конфликта – это разделённые страны: Корея и Китай². Раскол обостряется наличием несовместимых идеологических, политических, а в случае Кореи и экономических систем. В этом вопросе сказывается влияние извне – со стороны США. Такого рода проблемы принято рассматривать с геополитической точки зрения, то есть, в плане внешнеполитического взаимодействия и споров напрямую заинтересованных держав. Однако анализ международных отношений в отрыве от внутривнутриполитических факторов представляется непродуктивным.

Взаимоотношения двух китайских государств, разделённых водами Тайваньского пролива – одна из самых сложных проблем послевоенных международных отношений. Тайваньская проблема политически выходит далеко за рамки Восточной Азии и представляет собой переплетение как внутренних (политических, экономических и правовых), так и геополитических факторов. Две части Китая: официальные названия – Китайская Народная Республика (КНР) и Китайская Республика (КР, или просто Тайвань) существуют с 1949 г. Тайваньская проблема – это и задача воссоединения разделённой нации³, и спор по вопросу о суверенитете и территориальной целостности: КНР отказывается признавать легитимность Китайской Республики и рассматривает Тайвань в качестве своей двадцать третьей – «мятежной провинции» (хотя и не контролирует её). В формальном отношении официально провозглашённый Пекином и признанный

---

¹ Лебедева Е. Н., Татарко А. Н., Ясин Е. Г. Вектор модернизации России и других развивающихся стран в едином пространстве ценностных измерений // URL: www.hse.ru/data/2010/04/30/modern_yasun_tataroko_lebedeva.ppt (дата обращения: 30. 10. 2010).

² До 1975 г. в этом регионе был разделён и Вьетнам, переживший из-за этого длительную войну за освобождение и объединение.

³ В этнополитологии для обозначения таких явлений существует специальный термин – «ирредентизм».

большинством государств – членов ООН (включая США) государственный суверенитет Китайской Народной Республики распространяется на всю китайскую территорию. Соответственно, КНР считает вопрос объединения, а также методов его осуществления своим внутренним делом. Но судьба Тайваня – это и проблема мирового масштаба. «Отец» китайских реформ 1980-х годов, Дэн Сяопин указывал в 1984 г., что «тайваньский вопрос является главным препятствием в китайско-американских отношениях. Он даже может разрастись и превратиться во взрывной вопрос отношений обеих стран»¹.

История проблемы. Тайваньский вопрос изначально является наследием японской колониальной политики, а также Гражданской войны в Китае и последовавшей затем Холодной войны, разделившей мир на «два лагеря» – социализма и капитализма. Остров Тайвань был формально включён в состав Китая во времена династии Цинь, ещё в 1683 г. Однако в 1895 г. после поражения Китая в Китайско-японской войне он был присоединён к Японии. Японцы, руководствуясь целями своей колониальной политики, за время присутствия на острове создали там экономическую инфраструктуру, включавшую промышленные предприятия и квалифицированные кадры. В годы Второй мировой войны союзники, воевавшие против Японии, пригласили «генералиссимуса» Чан Кайши на Каирскую конференцию глав великих держав в качестве равноправного участника. Участники конференции, проходившей в ноябре – декабре 1943 г., приняли декларацию о возвращении Китаю о. Тайвань (японское название Формоза) и других территорий, захваченных у него в своё время Японией.

После окончания Второй мировой войны (2 сентября 1945 г.) в результате капитуляции Японии Тайвань был освобождён и передан союзниками Китаю. Однако уже в июле 1946 г. в Китае между коммунистами и гоминдановцами развязалась Гражданская война. В конце того же года правительство Чан Кайши созвало «национальное собрание», которое приняло конституцию, обнародованную 1 января 1947 г. Следует подчеркнуть, что Компартия Китая, как воевавшая сторона, в конституционном процессе не участвовала. Чан Кайши был избран президентом Китая без её участия, а правительство возглавила националистическая партия Гоминьдан (ГМД). После поражения в Гражданской войне гоминдановцы, прихватив золотой запас, бежали на Тайвань. Соединённые Штаты Америки оказали остаткам антикоммунистического режима транспортную и военную поддержку. Потерпевшая поражение армия «президента» Чан Кайши, переправившаяся на остров, насчитывала около 50 тыс. солдат. Всего же на Тайване

---

¹ Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая / пер. с кит. М., 1988. С. 110.

оказалось более 2 млн. беженцев. Важно отметить, что это была элита китайского общества: интеллигенция, бизнесмены и другие категории населения со сравнительно высоким социальным статусом. Они составили социальную опору гоминдановскому режиму. В 1950 г. население острова составляло 8 млн. чел., включая 25% выходцев из материкового Китая¹. Таким образом, на Тайване сконцентрировался значительный промышленный и интеллектуальный потенциал, сыгравший затем немалую роль в экономическом развитии этой территории.

Островное положение, длительный период проживания в составе Японской империи в отрыве от материкового Китая наложили отпечаток на чувство идентичности местных жителей. У них находили отклик сепаратистские настроения, которые к тому же усиливались произволом гоминдановской администрации. В январе – феврале 1947 г. на Тайване даже развернулось движение против новых властей, вылившееся в восстание под лозунгом «Формоза (Тайвань. – В. С.) – для формозцев»². Так что настроения в пользу независимости или, по меньшей мере, широкой автономии зародились там ещё до прихода к власти коммунистов и провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики. Носителями этих настроений стали коренные тайваньцы, которые не желали мириться с неравноправным положением по сравнению с выходцами из материкового Китая. В свою очередь, выходцы с материка считали тайваньцев «предателями» за то, что они длительное время мирились с японским правлением и даже восприняли многие элементы японской культуры (Л. Пай).

Власть партии Гоминьдан установилась на острове в 1946 – 1949 гг. 19 мая 1949 г. под предлогом защиты от «коммунистической угрозы» там было введено чрезвычайное положение. Военные власти получили полномочия на осуществление цензуры, исполнение контроля над таможенной службой, энергетикой и связью; запрещалось создание новых партий, проведение демонстраций, забастовок, ограничивалась свобода печати. В октябре 1949 г. «старая гвардия» Гоминьдана, ссылаясь на Конституцию 1947 г., сформировала правительство. В организационном отношении эта партия строилась на принципе демократического централизма, а в идеологическом плане черпала легитимность из идей «суньятсенизма», выступая в этом смысле хранителем традиций Китайской революции 1911 г. В итоге на острове установилась диктатура семейства Чан Кайши. Это

---

¹ Воронцов В. Б. Судьба китайского Бонапарта. М., 1989. С. 312; Taiwan // Wikipedia, the free encyclopedia : [сайт]. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Formosa> (дата обращения: 15. 02. 2011).

² Воронцов В. Б. Указ. соч. С. 274 – 275; History of Taiwan: Democratic Reforms // URL: Wikipedia, the free encyclopedia : [сайт]...

было партократическое государство, по своей форме мало отличавшееся от политической системы КНР (или прародины данного типа государств – СССР).

Режим успешно провёл аграрную реформу в духе «трёх принципов» Сунь Ятсена. Националисты провозгласили необходимость «освобождения» Китая от «узурпировавших власть коммунистов». Официальная политическая доктрина ГМД не содержала даже намёков на отделение Тайваня от Китая. Тайбэй, выражая идеологию и политику единственной на острове партии Гоминьдан, с 1949 г. претендовал на монопольное и легитимное представительство всего Китая, используя для обозначения Китайской Народной Республики, «незаконно провозглашённой» в результате «узурпации власти» коммунистами, термин «континентальный Китай». До 1971 г. Тайвань представлял Китай в ООН и был членом Совета Безопасности этой организации.

Значительную роль в создании благоприятных международных условий для утверждения на острове гоминьдановского режима сыграл международный фактор. Так, в связи с агрессией Северной Кореи против Южной и началом Корейской войны (1950 – 1953 гг.), 29 июня 1950 г. США провозгласили «карантин» Тайваня: 7-му флоту был отдан приказ о предотвращении любой атаки на остров со стороны материкового Китая. В 1954 г. родился договор о взаимной обороне между Вашингтоном и Тайбэем. Таким образом, в возникновении тайваньской проблемы решающую роль сыграли США, которые оказали большую военную, экономическую и дипломатическую поддержку чанкайшистам.

В дальнейшем Тайвань стал жертвой геополитических расчётов США. Существенное ухудшение в его международном положении произошло в результате изменений во внешней политике Соединённых Штатов, которые в 1971 г. пошли на сближение с Пекином. Новый подход администрации Р. Никсона (в разработке этого подхода решающую роль сыграл дипломат и выдающийся сторонник теории политического реализма Г. Киссинджер) означал отказ от императивного требования, чтобы внешняя политика в отношении Китая строилась на непреходящих демократических ценностях. Вместо этого была утверждена внешнеполитическая концепция, которая делала упор на национальных интересах. В этой связи проблема неприятия внутренних порядков КНР отходила на второй план. Геополитическая логика диктовала необходимость балансирования в «треугольнике» США – КНР – СССР. Предполагалось, что по новым правилам игры Соединённые Штаты должны поддерживать слабую сторону – в данном случае Китай. В результате КНР в октябре 1971 г. заняла своё законное место в ООН, а Тайвань был исключен из Совета безопасности. Сначала (в 1971 г.) США

выдвинули концепцию «двух Китаев», пытаясь оправдать тем самым идею «законности» параллельного существования двух государств – КНР и КР. Но в дальнейшем, с установлением дипломатических отношений с КНР (в январе 1979 г.), США формально отошли от концепции «двух Китаев», признали Тайвань частью Китая, прекратили дипломатические отношения с Тайбэем, аннулировав американо-тайваньский «Договор о взаимной обороне». После этого с острова полностью был выведен американский военный персонал. Однако, хотя Соединенные Штаты формально приняли ранее выдвигавшиеся китайские условия, они, тем не менее, сохранили существовавшие до этого торгово-экономические, культурные и иные связи с Тайванем (на основании принятого конгрессом закона об отношениях с Тайванем), помогли ему наладить собственное производство вооружений американского образца и продолжили обучение военных специалистов.

Внешнеполитическое поражение, которое потерпела Китайская Республика на Тайване, побудило тайваньских лидеров к пересмотру ряда догматических оснований своего подхода к отношениям с КНР. Прежде всего, они отказались от формулы «один Китай», которую понимали в том смысле, что существует всего лишь один легитимный представитель китайской нации – официальный Тайбэй. Была также отменена политика «трёх “не”»: не контактировать, не вести переговоры, не идти на компромиссы с Пекином. На дипломатическом поле был осуществлён переход к большему прагматизму и гибкости. Ради сохранения присутствия на международных форумах, таких, как Международный Олимпийский Комитет или Азиатский Банк Развития, пришлось согласиться с унижительным обозначением «Тайбэй, Китай».

Можно предположить, что решение руководителей США было связано не только с геополитическими соображениями и стремлением «поиграть в треугольник», но и трезвым расчётом. Дело в том, что к 1980 г. Тайвань добился выдающихся успехов в экономическом развитии, став одним из «четырёх драконов» Азии, превратился из аграрной страны в новое индустриальное общество. В то же время Китайская Народная Республика к концу 1970-х годов не могла сравниться с Тайванем ни по одному из экономических показателей и уровню благосостояния населения (при том что в 1940-е годы они начали раздельное развитие примерно с одинаковых стартовых позиций). Созданная на Тайване экономическая система оказалась весьма жизнеспособной и превратилась в витрину «экономического чуда». ВВП Китайской Республики рос на 8,7% в год. Если к концу Второй мировой войны годовой доход одного жителя Тайваня со-

ставлял менее 70 долл., то к 1980 г. достиг 2280 долл. В то же время аналогичный показатель для КНР составил примерно 350 долл. Среди всех развивавшихся стран к началу 1980-х годов Тайвань имел самый благоприятный показатель степени социального неравенства, рассчитываемый через отношение доходов 20% самых богатых и 20% самых бедных жителей государства («Коэффициент Джини»): если в 1952 г. самые богатые тайваньцы имели доход в 15 раз выше, чем беднейшие, то к 1980 г. этот коэффициент снизился до значения 4,5. Таким образом, экономический рост сопровождался решением социальных проблем и, как следствие, укреплением внутренней стабильности. Важной предпосылкой демократизации Тайваня стал рост образованности: к концу XX века 45% тайваньцев имели высшее образование¹. Сравнение двух экономик и уровней жизни по такому показателю, как ВВП на душу населения, и сегодня выглядит не в пользу Пекина: в 2008 г. ВВП на душу населения в КНР составил 2940 долл., а в КР в 2006 г. – 17230 долл.²

Плавный переход от авторитарного однопартийного режима к демократии. Бурное развитие экономики способствовало участию в политическом процессе всё более широкого круга людей, что привело к политической трансформации Тайваня в демократическом направлении. Здесь можно согласиться с официальной версией, которой придерживается ГМД, согласно которой авторитарное правление, установленное на острове после введения в 1949 г. военного положения, способствовало обеспечению политической стабильности и ускоренной модернизации тайваньского общества. Однако нельзя не учитывать и то, что до Тайваня дошла «Третья волна демократизации» (С. Хантингтон), поднявшаяся в 1980-е годы. С точки зрения внутреннего развития тайваньское общество было вполне подготовлено к демократизации: существенно выросло благосостояние населения, сформировался многочисленный образованный средний класс. Не менее важной причиной демократизации стали и изменения, произошедшие к тому времени в мировой политике.

Конец 1980-х годов ознаменовался окончанием Холодной войны. США, которые в изменившихся исторических условиях совершили кардинальную переоценку своих отношений с диктаторскими режимами, пришли к выводу, что на новом этапе международных отношений демократия становится основополагающей ценностью не только внутренней, но и внешней политики. В связи с этим

---

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2005. С. 168, 180.

² Economic Fact Sheets // Всемирный банк: [сайт]. URL: <http://www.draft.gov.au/geo/fs> (дата обращения: 13. 01. 2011).

с 1990-х годов страны Запада стали руководствоваться целями демократизации политических систем своих союзников и даже оказывать на них давление, «подталкивая» к установлению демократии. Роль международной среды выражалась в действии 3-х форм диффузии внутривнутриполитических порядков: силы примера, «эффекта снежного кома», а также целенаправленного давления со стороны сильных и процветающих государств. Следствием этого стала демократизация ряда стран, среди которых оказался и Тайвань. Диктатура, установленная в 1950-е годы на острове, утратила как внутреннее оправдание, так и международную легитимность. Установление демократического политического режима для тайваньской элиты стало условием получения поддержки и различных форм помощи со стороны США, которые, начиная с отмеченного рубежа, начали руководствоваться «теорией демократического мира» и разделением государств по критерию «либеральные демократии – авторитарные режимы», рассматривая последние в качестве потенциальной угрозы своей безопасности.

Следствием этого стала постепенная эволюция на острове строго авторитарного и однопартийного (с 1949 г.) политического режима в направлении к многопартийной демократии (1980-е – 1990-е годы). В результате там сложилась полупрезидентская система правления. Роль президента в политической жизни Тайваня и, особенно, во внешней политике весьма значительна. Он является главой государства, верховным главнокомандующим вооружёнными силами, назначает правительство, которое должно после этого получить вотум доверия в парламенте (Законодательном Юане). Ключевую роль в этих преобразованиях сыграл сын Чан Кайши – Цзян Цзинго, который в 1978 г. занял пост президента (любопытно, что в молодые годы он некоторое время жил и работал в СССР). В 1986 г. Цзян Цзинго многозначительно заявил: «Мир меняется, обстановка меняется. Меняются и тенденции». В том же году было объявлено о создании оппозиционной Демократической прогрессивной партии (далее ДПП)¹. В начале следующего, 1987 г. 76-летний Цзян Цзинго официально отменил «Указ о чрезвычайном положении» и запрет на создание новых политических партий. В 1993 г. в КР были зарегистрированы уже 73 политические партии². Так возникла реальная угроза монополюльной власти Гоминьдана, и начался процесс демократического транзита. В 1991 г. на Тайване была инициирована конституционная реформа.

---

¹ Democratic Progressive Party // URL: <http://www.answers.com/topic-democratic-progressive-party> (дата обращения: 06. 06. 2009).

² Печерица В. Ф. Политические партии стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Владивосток, 2004. С. 156 – 170.

После смерти Цзян Цзинго (1988 г.) президентом КР впервые стал этнический тайванец, член партии ГМД – Ли Дэнхуэй. Он дал начало «индигенизации» (тайванизации) республики, то есть, отходу от идеологии единой китайской идентичности, осуществил демократизацию правительства, уменьшив концентрацию власти в руках выходцев из материкового Китая. При нём начался процесс локализации культуры и преподавания истории, которые до этого строились на теории всекитайского единства. В 1991 г. были отправлены в отставку те члены Законодательного Юаня и Национальной ассамблеи, которые до этого не избирались, а назначались и должны были представлять выходцев из материкового Китая. Все депутаты Юаня стали с этого момента избираться населением. С 1996 г. президент также стал избираться на всеобщих свободных и честных выборах¹.

Проведённые опросы показали, что между 1983 и 1989 гг. ценностные ориентации избирателей на Тайване претерпели значительную трансформацию в продемократическом направлении, изменив этим политическую культуру общества. За 6 лет доля сторонников ценности «индивидуальной свободы» возросла с 50,1% и доля сторонников ценности «разделения властей» – с 64,4% до 75%². Сам этот факт говорит о принципиальной изменчивости восточноазиатской политической культуры и косвенно ставит под сомнение культуралистский аргумент об авторитарных «сопротивляющихся изменениям политических ценностях»³. Также, помимо изменений в политической культуре тайваньцев, вызванных модернизацией, ещё одной движущей силой демократизации островного государства стало их окрепшее этническое самосознание.

Демократический процесс привёл к появлению на Тайване влиятельной оппозиционной политической партии (ДПП), достаточно сильной для того, чтобы править островным обществом. Широко распространившееся в 1990-е годы народное брожение, направленное против олигархов и коррумпированных чиновников, помогло лидеру ДПП Чэнь Шуйбяню победить на выборах в 2000 г. Команда Чэня правила в КР с 2000 по 2008 гг., однако, последующие события нанесли удар по авторитету ДПП. После проигранных в 2008 г. выборов Чэнь Шуйбянь был арестован и приговорён (заодно со своей супругой) к тюремному заключению по обвинению в крупных хищениях государственных средств и иных злоупотреблениях властью. Коррупционные скандалы, замедление соци-

---

¹ Taiwan // Wikipedia, the free encyclopedia... P. 2.

² Fu Hu. The Electoral Mechanism and Political Change in Taiwan // In the Shadow of China: Political development in Taiwan since 1949. Hong Kong, 1993. P. 143.

³ См.: Zweig D. Democratic Values, Political Structures, and Alternative Politics in Greater China. Washington, 2002.

ально-экономического развития, напряжённость в отношениях с материком вызвали разочарование тайваньских избирателей. Падение популярности ДПП усилило их настроения в пользу сохранения на острове статус-кво.

После победы на президентских выборах 2008 г. Ма Инцзю – лидера ГМД, отношения между КНР и КР стали постепенно улучшаться: были восстановлены транспортное и почтовое сообщения, возникла реальная перспектива продолжения диалога на высшем уровне. Экономические связи между материком и островом настолько окрепли, что тайваньская экономика, по сути, превратилась в неотъемлемую часть бизнес-циклов внутри Китая. Однако на Тайване сохраняются собственные политические циклы, которые могут привести к очередной смене власти, возвращению ДПП и изменению политического курса. Так что ситуация остаётся неустойчивой и к тому же осложнённой отношениями между КНР и США.

Вопрос о политическом статусе Тайваня. Спор между двумя берегами Тайваньского пролива носит комплексный характер и включает решение вопроса о политическом и правовом статусе острова. Главным дискуссионным вопросом в китайско-тайваньских отношениях сегодня является проблема суверенитета. Теоретически и КНР, и КР рассматривают себя в качестве государств, суверенитет которых распространяется на всю территорию Китая, включая Тайвань. Если в КНР нет и не может быть разногласий по вопросу об источнике и границах суверенитета, то в Китайской Республике ведутся правоведческие дискуссии, имеющие острый политический характер. Сталкиваются две теории. Первая – легалистская теория, основанная на позитивном праве, сторонники которой утверждают, что источником суверенитета являются Конституция Китайской Республики, принятая в декабре 1947 г., а также международные договоры (данная позиция защищается сторонниками единого Китая и одного законного правительства). Вторая – теория народного суверенитета, согласно которой с 1980-х годов, после введения демократических институтов, источником суверенитета стали избиратели-конституенты, то есть, исключительно граждане КР, чьё волеизъявление следует признать решающим (эта позиция защищается сторонниками отделения Тайваня от Китая)¹.

Понятие «суверенитет» всесторонне рассмотрено учёными-международниками и правоведами. Тем не менее, споры вокруг истолкования его смыслов не прекращаются до сих пор. Например, С. Краснер выделяет 4 значения понятия

---

¹ Taiwan independence // URL: <http://www.answers.com./topic/Taiwan-independence> (дата обращения: 18. 04. 2011).

«суверенитет»: (1) «способность государства регулировать передвижение товаров, капиталов, людей и идей через свои границы»; (2) «эффективность государства или его способность осуществлять контроль»; (3) «признано ли данное государство другими государствами?»; (4) «автономность внутренних структур власти, то есть, отсутствие внешних властных влияний на их деятельность»¹. Тайвань обладает всеми названными характеристиками суверенитета, пишет А. М. Уочмен². Он соответствует трём признакам государства как субъекта международных отношений: наличию власти, постоянного населения и территории. Только четвёртый признак, сформулированный конференцией Монтевидео в 1933 г., – способность поддерживать отношения с другими странами – реализуется не в полном объёме. КНР разрывает дипломатические отношения с теми государствами, которые продолжают признавать Тайвань. Поэтому в 2010 г. только 23 страны поддерживали дипломатические отношения с КР, главным образом, это страны Тихоокеанского региона, Латинской Америки и Африки (среди них нет ни одной крупной державы). В то же время, 59 государств сохраняют неофициальные экономические, культурные и даже военные (как США) связи с «мятежной провинцией» КНР³.

По сути, Тайвань является, если придерживаться современной терминологии, *государством де-факто* – геополитической реальностью, которую невозможно игнорировать, даже, несмотря на то, что он не провозглашал формально свою независимость. Население острова – 23 млн. чел. (с точки зрения Пекина, все – жители провинции, временно не подчиняющейся юрисдикции КНР). Тайвань занимает 4 место в Восточной Азии по объёму ВВП и находится на 1 месте в мире по накопленным золотовалютным резервам в расчёте на душу населения, имеет 600-тысячную армию, оснащённую современным оружием. С. Пегг, который впервые ввёл в научный оборот термин «*de-facto states*», пишет, что такого рода государства обладают способностью демонстрировать «определённый вид эффективного контроля над занимаемой ими территорией и осуществлять государственное управление, но они не могут получить от международного сообщества международное признание в качестве национального государства»⁴. Тайваньский опыт подтверждает, что суверенитет над территорией, с одной сторо-

¹ Problematic Sovereignty: Contested Rules and Political Possibilities / ed. by S. D. Krasner. N.Y., 2001. P. 2.

² Wachman A. M. The cross-Taiwan Relationship: A Cold War of Words // Orbis. Vol. 46. N 4. Fall. 2002. P. 695.

³ Taiwan // Wikipedia, the free encyclopedia...

⁴ Pegg S. International society and the de facto national state. Aldershot, 1998. P. 4.

ны, и контроль над ней *de-facto* – с другой, могут не совпадать. Это означает, что сфера формальной юрисдикции и внутренняя политика оказываются здесь в разных плоскостях. В связке КНР – Тайвань согласованность подразделений политической системы становится невозможной, и никакой единой политической системы в таких условиях не может существовать. Тем не менее, формальный суверенитет центра (признанный большинством государств – членом международного сообщества) над «теоретически» единой территорией существует.

Сравнение трёх позиций. Согласно установке ДПП, «Тайвань это Тайвань, а Китай это Китай», что означает формальное провозглашение независимости Тайваня и полное разделение нации. С 1949 г. правительство Тайваня претендовало на право представлять весь Китай. Но после 1979 г., то есть, смерти Мао Цзэдуна и установления дипломатических отношений между США и КНР, термин «освобождение» был на Тайване заменён термином «воссоединение». Президент Ли Дэньхуэй в 1991 г. заявил, что его правительство более не оспаривает власть коммунистов на континенте. При этом, начиная с 1990 г., правящая партия ГМД приняла на вооружение формулу, согласно которой «есть только один Китай, а оба – Тайвань и материк – являются его частью», то есть, выдвинула идею одного Китая и двух правительств¹. Последняя позиция – это, своего рода, теория двух суверенитетов в одной стране, и она означает, что оба правительства являются равноправными политическими представителями единой нации. Однако это противоречит установке Пекина, согласно которой «есть только один Китай, и Тайвань является его частью». Следовательно, для Пекина идея двух равноправных политических субъектов остаётся неприемлемой.

В рассматриваемом случае на суверенитет претендуют две стороны – КНР и КР. Некоторые авторы полагают, что споры между ними ведутся не из-за реальной власти над территориями (которая давно поделена), а по поводу легитимного права представлять страну и за владение связанными с этим атрибутом государственности символами². В этой связи мыслимым способом предотвращения перехода конфликта в насильственную стадию было бы разделение суверенитета между двумя субъектами, как это осуществлено в федеративных государствах. Однако вопрос о признании суверенитета как права органов государственной власти на неограниченную власть в пределах данной территории, сохраняет для Китая принципиальное значение. Шагом навстречу тайваньским ин-

¹ Китайская Республика на Тайване и Организация Объединенных Наций // Центр по изучению Тайваня. Институт Востоковедения РАН. 1995; Political status of Taiwan // Wikipedia: [сайт]. URL: <http://www.answers.com/topic/political-status-of-taiwan> (дата обращения: 06. 03. 2011).

² Wachman A. M. Op. cit. P. 695.

тересам является обещание, по которому Пекин не станет менять после воссоединения сложившийся на острове строй и предоставит своей 23-й провинции широкую автономию.

В 1983 г., во время встречи с американским профессором У. Янгом, Дэн Сяопин выказал идею «одно государство – две системы», которую он намеревался использовать для объединения материкового Китая с Гонконгом, Макао и Тайванем. Этот принцип свёлся к 4 пунктам: (1) один Китай; (2) сосуществование двух систем; (3) высокая степень самоуправления; (4) мирные переговоры¹.

В этой связи представляет некоторый интерес ставший достоянием всех заинтересованных сторон опыт применения концепции «двух систем» в отношении Гонконга и Макао. Так, после восстановления суверенитета КНР над Гонконгом (Сянган) и Аомэнем (бывшим Макао), которое произошло, соответственно, в 1997 и 1999 гг., они получили статус «особых административных районов КНР» (ОАР). Пекинское руководство придаёт большое значение формам взаимодействия с этими субъектами на основе принципа «одна страна – две системы», чтобы затем использовать этот опыт в отношении Тайваня. Пекинские руководители понимают, что и в Тайбэе внимательно следят за тем, как эта концепция реализуется на деле. Статус Гонконга в составе КНР представляет и научный интерес, прежде всего, как модель разделения внутренней политики на две сферы в рамках одного государства и участия Гонконга в международных экономических организациях (он является самостоятельным членом ВТО и АТЭС) при установлении суверенного права Пекина представлять весь Китай во внешней политике. При этом между Гонконгом и Тайванем есть определённые отличия, одно из которых состоит в том, что первый не до конца прошёл путь к «полной демократии» (его политический режим можно отнести к гибридной модели: ни жёстко авторитарный, ни в достаточной степени демократический). Любопытно, что против дальнейшей демократизации Гонконга выступил не только Пекин, но, как ни странно, и Великобритания, передавшая его Китаю. Пекин сдержал свои обещания в отношении сохранения тех внутривластных порядков, которые существовали в Гонконге к моменту его возвращения в лоно КНР. Согласно опросам, население Гонконга отдаёт предпочтение демократическим ценностям, поэтому можно предполагать, что оно выразит протест, если у него попытаются отнять политические свободы. С 1991 г. здесь действует состоятельная многопартийная система. Однако влияние партий на управление реги-

---

¹ Шеньшина М. А. Особые административные районы КНР Сянган и Аомэнь: образование, политическое и экономическое развитие. М., 2006. С. 4 – 5.

оном ограничено, так как партии лишены права законодательной инициативы и не участвуют в выработке управленческих решений. Сами партии носят клиентеллистский характер и формируются сверху местными элитами, слабо связанными с низовыми структурами населения. Исполнительная власть, напротив, наделена значительными полномочиями. В ОАР сохраняется оппозиционная пресса, независимый суд и т.д.¹ В то же время отмечены и факты (зафиксировано 169 случаев) нарушения Пекином взятых на себя обязательств: попытки вмешательства в деятельность суда, цензурирование прессы, нарушение политических прав и свобод граждан².

«Формула Дэна» стала главной концепцией, вокруг которой строится политика Пекина в отношении Тайваня. Согласно пекинскому плану объединения, остров станет «особым административным районом», который будет пользоваться таким же правом на высокую степень самоуправления, каким сейчас пользуется Гонконг. Тайвань будет «самостоятельно управлять своими партийными, административными, военными, экономическими и финансовыми делами»; ему будет также дано право «подписывать с иностранными государствами торговые, культурные соглашения и другие права внешних сношений». Он даже сможет «иметь свою собственную армию»³. При этом континентальная часть обязуется не посылать на Тайвань ни военный, ни административный персонал.

При всех видимых достоинствах этого плана, критики с другой стороны пролива поспешили заявить, что он является чисто пропагандистской конструкцией. У тайваньской стороны имеются на это веские основания. Так, на сегодняшний день Китай и Тайвань – это разные политические образования; в КНР сложилась авторитарная и, по существу, однопартийная система, Тайваньская же полития строится на основе принципиально иных идеологических ориентиров и ценностей. В их основе лежат принципы плюрализма и либеральной демократии, то есть, права на оппозицию, свободу слова и печати. То, что в политической жизни КР на Тайване стало нормой, в КНР преследуется и наказывается. К тому же, план объединения может породить коллизию между правовым пониманием формального суверенитета и его политическим, содержательным наполнением. Данному объединению нет никаких международных гарантий, поскольку

---

¹ One country, two systems // URL: <http://www.answers.com/topic/one-country-two-systems> (дата обращения: 06. 03. 2010).

² Там же.

³ Тайваньский вопрос и объединение Китая (Издание Канцелярии по тайваньским делам при Госсовете КНР). Пекин, 1993; Китайская Республика на Тайване и Организация Объединённых Наций... С. 16.

оно является, по определению, внутренним делом китайского народа и реализацией суверенного права Пекина на возвращение «мятежной провинции» в лоно матери-родины. Главная гарантия – это обещание Пекина ничего не менять во внутреннем устройстве Тайваня. Но КНР, обладая полным суверенитетом, в правовом плане имеет возможность пересмотреть и изменить условия объединения, распространив на остров собственные политические порядки. Согласно плану объединения, внутри Китая будут иметь место две внутренние политики. К этому Пекин может подтолкнуть то, что Тайвань, став ОАР или 23-й провинцией Китая, непременно превратится в привлекательную (но опасную для существующего режима) модель политического строя для континентальной части и получит легальные возможности для её активного продвижения в культуру китайского общества. В результате нарушения единообразия и кажущейся безальтернативности в организации политической жизни КНР, соблазнительная для нового среднего класса китайского общества тайваньская модель может стать катализатором внутренних перемен и даже подорвать политическую стабильность, показав легитимную альтернативу существующим в стране порядкам.

Представляется, что на ход и эволюцию китайско-тайваньских отношений определяющее воздействие оказывают следующие группы внутри- и внешнеполитических факторов: (1) развитие ситуации внутри КНР; (2) демократизация внутри Тайваня; (3) возникновение новой структуры мировой политики после распада советского блока и окончания Холодной войны; (4) усиление интеграционных процессов в Восточной Азии.

Первая группа факторов связана с развитием ситуации внутри КНР, то есть, с возникновением системы рыночного хозяйства в сочетании с неизбежной, хотя и медленно протекающей эрозией коммунистических ценностей и институтов.

Важной составной частью данного процесса является смена поколений в высшем эшелоне власти. Этому способствует неписаное правило отсечения, согласно которому положено уходить в отставку с высших постов по достижении 68-летнего возраста. В настоящее время у власти в КНР находится «четвёртое поколение» руководителей, которое объединяет в своих рядах людей, прошедших социализацию в период разочарования китайской общественности в революционных идеалах маоистской идеологии. Вполне вероятно, что многие из них с восхищением, а, возможно, и с некоторой завистью воспринимают «экономическое чудо» и высокий уровень благосостояния населения Тайваня и Гонконга.

Эти новые лидеры – прагматики и «правые коммунисты» в ещё большей мере, чем отец китайских реформ Дэн Сяопин. В своём большинстве они являются технократами, хорошо образованными в технических и гуманитарных отраслях знания, подобно Ху Цзиньтао¹ и Вэнь Цзябао² (оба родились в 1942 г.). Двое последних укрепили свои властные позиции после состоявшегося в Пекине в октябре 2007 г. XVII съезда компартии Китая.

Если для революционеров в первом поколении (к ним относился и Дэн Сяопин) объединение материкового и островного Китая было связано с идеалами социалистической революции, то для лидеров новой формации проблема Тайваня воспринимается, прежде всего, под углом зрения многообещающего включения его экономических, финансовых, технологических и интеллектуальных ресурсов в дело китайской модернизации. В ряду приоритетов сегодняшнего Китая на передний план выдвигается не «строительство социализма с китайской спецификой», а лозунг «мирного и гармоничного развития». Отсюда просматривается возможность и более гибкого подхода к формам, срокам, механизмам объединения, готовность согласиться с формальными атрибутами суверенитета Китайской Республики.

Единая государственная политика КНР строится на идее приоритетности внутреннего развития. Попытка военного решения тайваньской проблемы привела бы к краху всей завещанной Дэн Сяопином стратегии модернизации, суть которой выражена в словах: «Китаю нужно сосредоточить свои силы на экономическом строительстве и стать модернизированной экономической державой. Мы нуждаемся в мирной международной обстановке и на деле прилагаем усилия к её созданию и сохранению. Экономическое строительство для нас дело первостепенной важности. Всё остальное подчинено ему»³. Вопрос о Тайване стоит в центре проблемы выбора Китаем своего места в мировой политике, поэтому его нынешнее руководство категорически не заинтересовано в обострении отношений с США, Японией и Европой.

По мнению российских экспертов, например, А. В. Ломанова, в настоящее время Китай не знает, как поступить с Тайванем. В КПК идёт борьба группировок, и вполне вероятно, что по отношению к Тайваню в ней есть и свои «ястребы». На последнем съезде КПК был принят тезис о мирном соглашении с Тайва-

---

¹ Ху Цзиньтао – государственный деятель КНР, с марта 2003 г. – председатель КНР, с ноября 2002 г. – Генеральный секретарь ЦК КПК, с марта 2005 г. – председатель Центрального военного совета КНР, с сентября 2004 г. – председатель Центрального военного совета ЦК КПК.

² Вэнь Цзябао – премьер Госсовета КНР, постоянный член Политбюро ЦК КПК.

³ Дэн Сяопин. Указ. соч. С. 145.

нем, но при условии признания им «одного Китая». Главное для Пекина – не допустить формального провозглашения независимости острова. Поэтому тактика Китайского руководства заключается в том, чтобы «слушать слова и смотреть дела»¹, но быть готовыми к решительным действиям в случае провозглашения сепаратистами независимости Тайваня. Как свидетельствуют все партийные и государственные документы КНР, возможность использования ею силы не исключается. На это указывает и единогласно одобренный очередной сессией Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) «Закон КНР о борьбе против раскольнической деятельности» (от 6 марта 2005 г.)². Принятие закона однозначно истолковано наблюдателями как предостережение Тайваню и его де-факто союзникам от каких-либо шагов, направленных на раскол Китая, и от вмешательства в его внутренние дела. Действия «внешних игроков» (США, Японии и т.д.), направленные на поддержку КР, теперь могут квалифицироваться как посягательства на единство КНР. Новый законодательный акт имеет не только международную, но и внутривластную составляющую. Он призван поднять авторитет лидеров Китая в глазах своего народа, подчеркнуть их решимость в борьбе за единство нации.

Закон ознаменовал и новый этап в поиске концепции объединения: в ст. 5 изложены условия мирного объединения (высокий уровень автономии, сохранение существующей системы), но формула «одна страна – две системы» не упоминается. Как отмечают наблюдатели, после принятия «Закона КНР о борьбе против раскольнической деятельности», этот лозунг из пропагандистского арсенала практически исчез. Объясняют данный факт тем, что формула Дэн Сяопина не популярна на Тайване. Вероятно и то, что упоминание о сохранении двух экономических систем стало анахронизмом: в обеих частях Китая они стали родственными (и там и там сокращается государственное вмешательство в экономику, преобладает частная собственность в промышленности, в сельском хозяйстве доминируют крестьяне-частники и т.д.). Вместо этого в политический дискурс КНР вошли рассуждения о политической интеграции двух частей Китая³.

Вторая группа факторов относится к внутривластным процессам на самом Тайване, которые характеризуются развитием с 1980-х годов глубоких демократических реформ. Данному аспекту в российских публикациях почему-

¹ Ломанов А. В. XVII съезд КПК: смысл и последствия // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 5. С. 109 – 110.

² Anti-Secession Law: Anti-Secession Law Information from Answers.com // URL: <http://www.answers.com/topic-anti-secession-law> (дата обращения: 28. 01. 2011).

³ Chinese reunification // URL: <http://www.answers.com/topic-chinese-reunification> (дата обращения: 28. 01 2011).

то уделяется недостаточно внимания. Между тем, тайваньская проблема глубоко включена и в вопрос о взаимосвязях между внутривнутриполитической жизнью и международной политикой¹.

В течение короткого времени Китайская Республика прошла путь от однопартийного авторитарного режима к многопартийной демократии, что имело последствия не только для самого островного народа, но и для КНР, а также для международных условий, в которых происходило и происходит развитие тайваньской проблемы. Внутривнутриполитические изменения на Тайване коренятся в сложных процессах, происходящих в недрах китайского общества. Демократический процесс всегда непредсказуем и зависит от колебаний массовых настроений. С. Брюс пишет по этому поводу: «...изгибы и повороты тайваньской внутренней политики представляют собой большую проблему для Вашингтона»².

После опубликования плана объединения в Китае и на Тайване произошли определённые изменения. Основное из них выразилось в том, что в обеих частях установились однородные системы собственности. Это автоматически привело к ослаблению идеологических противоречий между КНР и КР. Главная проблема теперь заключается в том, что у тайваньцев возросло чувство гордости за своё государство, его экономические и социальные достижения. На континентальный Китай они смотрят «свысока», как на успешно развивающееся, но всё ещё отсталое в экономическом и политическом планах общество. Поэтому на острове усилились настроения в пользу узаконения международного статуса Тайваня (который до сих пор остаётся неопределённым), ранее сдерживавшиеся партией Гоминьдан, монополюбно обладавшей властью. Существует множество свидетельств, указывающих на то, что тайваньцы предпочитают независимость форсированному объединению, опасаются агрессии со стороны материкового Китая и вполне удовлетворены своим нынешним положением³.

Главным фактором, оказывающим влияние на внутривнутриполитический процесс в Китайской Республике, является комплекс вопросов, связанных с отношениями КНР – Тайвань. Влияние внутривнутрикитайского конфликта ощущается и на политическом климате внутри последнего. Политическая жизнь острова характеризуется не столько привычными терминами «левые» – «правые», сколько разделе-

¹ См.: China, Taiwan, and the 1995 – 1996 Crisis / ed. by Suisheg Zhao. N.Y., 1999; Goldstein S. The Cross-Strait Talks of 1993 – The Rest of the Story: Domestic Politics and Taiwan's Mainland Policy // Across the Taiwan Strait: Mainland; Lieberthal K. Domestic Politics and Foreign Policy // China's Foreign Relations in the 1980s / ed. by H. Harding. New Haven, 1984.

² Stokes B. Rumbles in Taiwan // National Journal. October 4, 2002. Vol. 34. Issue 40. P. 288.

³ Republic of China: [сайт]. URL: http://www.answers.com/topic/republic_of_china (дата обращения: 28. 01. 2011).

нием на сторонников идеи формального провозглашения независимости, выраженной формулой «два Китая», и приверженцев концепции партии Гоминьдан «один Китай – два правительства». Проводимые опросы, несмотря на расхождения в получаемых разными социологическими службами результатах, демонстрируют тенденцию к росту количества сторонников независимости. При этом следует отметить, что независимость сама по себе понимается тайваньцами неоднозначно. В её отношении сложились 3 точки зрения: (1) отделение Тайваня от Китая путём формального провозглашения независимости; (2) Тайвань ещё с 1949 г. является де-факто независимым и поэтому необходимо лишь заботиться о сохранении на острове статус-кво; (3) наиболее радикальная позиция – Тайвань является принципиально отличающимся от КНР государственным образованием; в 1949 г. выходцами из континентального Китая на нём был силой установлен «режим иностранного правления», возглавляемый партией ГМД, следовательно, КНР – это иностранное государство и потому необходимо провозгласить независимость и убрать из названия республики Тайвань слово «Китайская»¹. Большинство жителей (от 60 до 80%) поддерживает вторую идею – о статус-кво².

В этой связи, как представляется, особого внимания заслуживает политика идентичности. Идентификация жителей Тайваня превратилась в самый важный фактор, как во внутренней политике островного государства, так и в его отношениях с Китайской Народной Республикой (для Пекина отношения с Тайбэем имеют статус внутрикитайского диалога и, следовательно, формально не считаются частью внешней политики; в международных делах КНР официально представляет весь Китай). Сама по себе идентификация не является следствием каких-либо природных различий между жителями острова и континентального Китая. Многие авторы сходятся во мнении, что идентификация – это плод социального конструирования. Именно сторонники независимости настаивают на особой тайваньской идентичности. Проводимые опросы подтверждают стремление населения к самоидентификации, отличающей их от ханьцев: в марте 2009 г. 49% опрошенных респондентов считали себя исключительно «тайваньцами», 44% – и тайваньцами, и китайцами, а остальные – только китайцами³. Прямое отношение к политической борьбе, происходящей в КР, имеет и этническая структура её населения. Так, из 23 млн. жителей острова 98% являются ханьцами, 12% из них – выходцы из континентального Китая, 86% – коренное

---

¹ Taiwan independence...

² Republic of China... P. 3.

³ Ibid.

население, ещё 2% относятся к тайваньским аборигенам, то есть, не ханьцам. Подавляющая часть тайваньцев говорит на одном диалекте – «мандарин»¹.

Характерно, что политически активное население разделено на 2 лагеря. Установлено, что среди коренных жителей острова уровень поддержки идеи независимости выше, чем среди «понаехавших», так называемых «людей не из провинции». Соответственно, в условиях плюралистической демократии это привело и к разделению политических партий на 2 основных лагеря, выражающих изложенные выше позиции.

В центре разногласий между двумя коалициями стоят вопросы идентификации и названия государства (Китай или Тайвань), выбора будущего политического курса в отношениях с КНР, трактовка исторического прошлого. Демократическая прогрессивная партия Тайваня, возглавляющая Пан-зелёную коалицию (в которую входят также Тайваньский союз солидарности и партия Тайваньская независимость), выступает против принципа «один Китай», за развитие тайваньской идентичности, отличающейся от китайской. Официальная позиция партии основывается на теории фактического суверенитета Китайской Республики и предусматривает возможность при благоприятных условиях провозглашения независимости де-юре. ДПП выдвигает положение о том, что Китайскую Республику следует рассматривать в качестве «нормального государства», чей суверенитет имеет своим источником волю её граждан. В связи с этим «зелёные» отказываются признавать Тайвань частью единого Китая, хотя и не форсируют принятие декларации о его независимости, поскольку любая явная попытка такого рода приведёт к военным акциям со стороны КНР. Немаловажно и то, что Соединённые Штаты Америки рассматривают заявления ДПП о формальном провозглашении независимости КР как провокационные и не раз давали знать, что не встанут на защиту Тайваня, если события пойдут именно таким путём².

Сторонники концепции «одного Китая» объединены в Пан-голубую коалицию, возглавляемую партией Гоминьдан. Помимо ГМД, в неё входят Первая народная партия и Новая партия. Согласно официальным партийным документам Гоминьдана, правительство КР является легитимным представителем всей китайской нации и должно ставить своей целью объединение Китая на определённых условиях. Пан-голубая коалиция выступает за развитие всесторонних отношений с КНР. В настоящее время соотношение сил между этими двумя по-

---

¹ Taiwan // Wikipedia, the free encyclopedia...

² China, Taiwan, and the 1995 – 1996 Crisis...

литическими группировками (Пан-зелёной и Пан-голубой коалициями) определяет характер отношений между КР и КНР.

Третья группа факторов касается изменений в мировой политике, произошедших после окончания Холодной войны. Учитывая, что в КНР и КР произошли глубокие социальные и политические трансформации (в Китае создана экономика государственного капитализма, политический режим на Тайване трансформировался в демократию) характер конфликта между ними также претерпел модификацию. Важнейшим следствием этих процессов стала деидеологизация конфликта, в том смысле, что линия разделения теперь уже не рассматривается в качестве межсистемного противостояния. Не следует сбрасывать со счетов и теорию С. Хантингтона, согласно которой в обозримом будущем контуры политического соперничества всё больше будут обозначаться не по идеологическому, а цивилизационному и этнокультурному принципам. Действительно, различия в политических системах между демократией и авторитаризмом по-прежнему имеют значение, но лишены глобального измерения. Таким образом, конфликт между КНР и КР теперь чётко регионализирован. Однако он не может рассматриваться в качестве исключительно двустороннего противостояния. Развитие мировой политики в направлении многополярности и усилия в этом направлении Китая и России вызывают определённые подвижки в отношении к проблеме межкитайского диалога, в том числе, и со стороны США, которые являются если не участником, то, по крайней мере, заинтересованным наблюдателем конфликта. В условиях растущего динамизма стран Восточной Азии как одного из макрорегиональных экономических и финансовых центров, продолжающегося подъёма Китая и перспектив превращения его в сверхдержаву, будущая внешняя политика которого пока ещё остаётся неопределённой, Соединенные Штаты по-прежнему заинтересованы в сохранении своих опорных точек в Азиатско-Тихоокеанском регионе (одной из которых, несомненно, является Тайвань). В этой связи перспектива потенциального приумножения мощи Китайской Народной Республики промышленным потенциалом, высокими технологиями и экономическим опытом Тайваня не может не внушать американцам серьёзных опасений. Перспектива китайского объединения должна рассматриваться также и в плане переключения внимания КНР с этой неотложной для неё проблемы на иные направления внешней политики, что в перспективе может коснуться и вопросов российской безопасности.

Вследствие этого, Тайваньский вопрос, несмотря на изменение его характера, остаётся существенной и самой острой проблемой в отношениях между

США и КНР. Соединённые Штаты, разорвав в 1971 г. дипломатические отношения с Тайванем ради сближения с КНР, сегодня заинтересованы в сохранении там статус-кво и готовы вмешаться, если Пекин (как продемонстрировали события 1995 г.) попытается применить военную силу для возвращения острова. Россия, несмотря на своё периферийное положение, в том случае, если дело дойдёт до войны, окажется в очень сложной ситуации выбора: она связана стратегическим партнёрством с КНР, но в то же время отнюдь не заинтересована ради китайских интересов идти на обострение отношений с США. Поэтому завершение статус-кво и военный исход будут противоречить интересам Российской Федерации.

Наконец, *четвертая группа факторов* касается регионального процесса в Восточной Азии, который на общем фоне глобализирующегося мирового сообщества характеризуется противоречивыми тенденциями. Прежде всего, экономическая динамика и рост объёмов международной торговли существенно опережают здесь политику. Так, наличие политических разногласий между двумя берегами Тайваньского пролива отнюдь не мешает КНР и КР успешно развивать двусторонние торгово-экономические отношения. Уже сегодня большая часть тайваньского экспорта приходится на КНР. Сильная интеграционная мотивация, которая объективно существует в рамках Большого китайского кольца, сможет стать мощной движущей силой сближения и последующего мирного и органичного воссоединения разделённых частей Китая. Последовательное включение в состав КНР «некогда отторгнутых китайских земель» (Гонконга, Макао и далее, как надеются в Пекине, Тайваня) происходит на фоне углубления интеграционных процессов в рамках «Большого Китая», динамичного возрастания экономического веса и международного авторитета Китайской Народной Республики, и, наконец, подкрепляется растущим осознанием китайцами своей идентичности как «нации Большого Китая». Этому также способствуют сохраняющиеся со времён Средневековья традиции мирной экспансии – выхода китайцев за рамки метрополии при наличии проницаемых границ и «освоения» (китаизации) прилегающих территорий.

Выводы и прогностические оценки. Напряжённость в отношениях между двумя сторонами конфликта имеет как международный, так и внутривосточный аспекты. Главной причиной разделения является то, что Тайвань в настоящее время представляет собой страну с утвердившейся и глубоко отличной от КНР политической системой, принципиально иными идеологическими ориентирами и ценностями. В их основе лежат не застарелые антикоммунистические

установки 1950-х годов, а принципы демократии и политического плюрализма, разное отношение к гражданским и политическим свободам. Разделённость Китая на две пока что несовместимые политические сущности является объективным фактом. Но, с другой стороны, включение Тайваня в состав Китайской Народной Республики остаётся общенациональной идеей всего китайского народа. Оно продиктовано не только соображениями международного престижа и прямого политико-экономического интереса, но также тем, что отношение к решению тайваньской проблемы связано с сохранением политической легитимности правящей в КНР Коммунистической партии Китая. С точки зрения международного права, для восстановления национального единства Пекин может использовать и силу. О том, что такой путь решения проблемы не является чисто гипотетическим, свидетельствуют, прежде всего, практические приготовления в этом направлении – беспрецедентное наращивание военной мощи, пугающее не только тайваньцев (которые вовсе не мечтают о том, чтобы их «освободили»), но и американцев. Однако Пекин, судя по всему, пока не готов к насильственному включению «мятежной провинции» в состав КНР. Дело в том, что в случае военного конфликта Китай может вступить в область полной политической неопределённости и этим поставить под сокрушительный удар все свои экономические достижения последних 3-х десятилетий.

Теоретически, «аншлюс» может и не привести к тяжёлым международным последствиям для КНР, если будут осуществлены 2 условия. Первое – нейтрализация США (в настоящее время это маловероятно, поскольку одним из принципов американской внешней политики является защита демократий в случае их конфликтов с авторитарными режимами, не говоря уже о геополитическом значении Тайваня – передового рубежа на пути возможной в будущем китайской экспансии). Второе – молниеносность вторжения и быстрое успешное завершение операции (однако, учитывая готовность тайваньцев к сопротивлению и довольно высокий технологический уровень вооружения тайваньской армии, данный вариант также представляется неосуществимым). Поэтому в случае развязывания войны Китай неизбежно потеряет международные рынки, к нему сократится, если не иссякнет вообще, приток иностранных инвестиций, почти неизбежной станет военная конфронтация и даже война с Западом, прежде всего – США и Японией.

В этой связи, как представляется, следует осмыслить те новые идеи, которые были озвучены после XVII съезда КПК. Имеются в виду новые концепции, в

том числе призывы к созданию «гармоничного общества» внутри Китая и «гармоничного мира» за его пределами. В настоящее время тезис о «гармонии» вошёл в официальную идеологию и стал одним из символов правления Ху Цзиньтао. Идея «совместного построения гармоничного мира» может быть применена не только по отношению к внешней политике (как полагают некоторые эксперты), но и послужить удачным дополнением и развитием доктрины Дэн Сяопина. Сам по себе данный концепт настолько объёмен, что в модернизированном виде в качестве составляющих может включать в себя самые разные представления о сферах, подходах и направлениях деятельности партии и государства (правда, он плохо поддаётся эмпирической проверке; Карл Поппер, возможно, назвал бы его «неверифицируемым» и «нефальсифицируемым»).

Лидер КНР Ху Цзиньтао впервые предпринял попытку связать воедино «гармоничные» ценности китайской традиции, современные цели КНР и внешнюю политику страны в своём выступлении в Йельском университете (во время визита в США в апреле 2006 г.). Одним из ключевых элементов нового учения стала позаимствованная у американского политолога Дж. Ная концепция «мягкой силы». Данное понятие предполагает, что ценности и строй собственной цивилизации должны распространяться посредством культурного лидерства и примера, а не силой. Внимательное изучение нового политического принципа руководства КНР (которому приписывается статус «мировоззрения Китая») может привести к выводу, что он связан с ценностями китайской традиции, воплощенной, по нашему мнению, в религиозно-философском учении Лао Цзы, древнекитайского философа, жившего, предположительно, в VI – IV вв. до н. э., одного из основателей даосизма¹. В настоящее время вокруг его высказываний ведутся разнообразные дискуссии. Некоторые авторы даже причисляют Лао Цзы к предтечам прагматической и либеральной мысли. Цитаты из «Дао Дэ Цзин», приписываемые ему, несмотря на их абстрактную и туманную для непосвящённого форму, открывают возможности для обоснования проводимой китайским руководством политики приоритетности внутреннего развития, воздействия «изнутри-вовне»: «Если с помощью внутреннего управлять внешним, – утверждает китайский философ, – сотни дел будут устроены. Что обретается внутренним, то воспринимается и внешним»². А вот утверждения, которые, как нам ка-

---

¹ Смоляков В. А. Традиции политической мысли Китая: древние истоки интернизма и экстернизма // Гуманитарные науки в контексте международного сотрудничества: материалы V меж. науч. конф. Владивосток, 2005.

² Дао Дэ Цзин. Книга пути и благодати. М., 2008. С. 91.

жется, обосновывают достижение целей посредством «мягкой силы»: «В Поднебесной предельно мягкое обгоняет предельно твёрдое...»¹; «...действуют мягко, а на деле твёрдо»²; и, наконец, «не опережать действия (хода) вещей», то есть, соотносываться с закономерностями политического развития³. Все эти идеи служат созданию образа миролюбивого и ответственного государства, выстраиваемого Китаем в последнее десятилетие.

Решение проблемы Тайваня, согласно китайской идеологии, не относится к внешнеполитической сфере, а является исключительно внутренним делом КНР. Тем не менее, практический курс Пекина в отношении острова объективно воспринимается мировым сообществом в качестве составной части его внешней политики и, по сути, является показателем тех методов, которые Китай готов использовать для достижения своих целей. Несомненно, что возможное применение «жёсткой силы» против процветающего и демократического государства – Тайваня станет подтверждением «теории китайской угрозы» и повредит имиджу КНР.

Программа национального объединения, обнародованная в 1990 г. президентом КР Ли Дэньхуэем, предполагает воссоединение страны в 2 этапа, но лишь при соблюдении ряда условий. Главные из них: отказ от вооружённого захвата Тайваня, отказ от социализма, переход материкового Китая к демократии; признание Пекином Китайской Республики равноправным партнёром⁴. Лишь прогресс в этих направлениях может открыть путь к политическим консультациям. Однако Пекин по-прежнему угрожает применить силу в случае провозглашения Тайбэем суверенитета. На это указывает и «Закон КНР о борьбе против раскольнической деятельности», принятый в 2005 г. Тем не менее, использование силы против Тайваня представляется нам маловероятным. Самое главное сейчас для Пекина – добиться сохранения статус-кво в Тайваньском проливе, не допустить включения острова в регион ответственности американо-японского «Договора о взаимной безопасности». Пекину важно подтвердить своё суверенное право на легитимное использование силы, нежели применение силы как таковой. Впрочем, данный сценарий подтвердится при наличии одного «если»: если тайваньское движение Пан-зелёных, придя к власти, не провозгласит формальную независимость острова. Однако такой путь представляется маловероятным. Он не пользуется поддержкой со стороны большинства тайваньцев, не получит одоб-

---

¹ Там же. С. 86.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 81.

⁴ Китайская Республика на Тайване и Организация Объединенных Наций... С. 27.

рения в США и приведёт к большим экономическим и иным потерям для Тайваня в результате санкций, которые неизбежно за этим последуют.

В отношениях между Тайванем и КНР усиливаются тенденции, сближающие политико-экономические системы двух государств. Сегодня утратили актуальность слова Дэн Сяопина о сохранении двух экономических систем – капиталистической и социалистической. И на Тайване, и в КНР утвердился экономический строй капитализма, хотя и в разных формах. Объективным императивом к сближению и последующему объединению является также развивающаяся экономическая интеграция. Уменьшается и значение идеологических противоречий. Компартия Китая постепенно отходит от марксистской ортодоксии и берёт на вооружение традиционные китайские ценности. Придёт время, когда она «по содержанию» перестанет отличаться от партии Гоминьдан. В Китае провозглашают постепенную демократизацию общественной жизни, но под руководством одной партии – КПК. Это означает, что Пекин не приемлет принципы плюралистической демократии, многопартийности и конкурентных выборов. Но, как демонстрирует опыт Гонконга, в данном пункте расхождений также возможен компромисс. В том, что касается позиций ведущих держав региона – России, Японии и США – по вопросам объединения Китая, то центральным и единственным общим пунктом их подходов является признание вопроса об объединении внутренним делом китайского народа, однако с надеждой, что оно произойдёт мирным путём.

С. В. Тонконог

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В последнее время учёные всё больше внимания уделяют новым подходам и концепциям изучения системы образования. Исследуются роль образования в адаптации населения к изменяющимся условиям, готовность современного образования ответить на потребности и интересы граждан, различные формы образовательного поведения молодёжи и взрослых. Это связано как с изменениями, происходящими в российской системе образования так и переходом к новому информационному обществу.

Особое внимание уделяется исследованию профессионального выбора молодёжи и, в частности, выбора того или иного уровня образования. Это обуслов-

лено ситуацией, которая сложилась в Российском обществе. Она характеризуется снижением количества молодых людей старшего школьного возраста и диспропорциями в подготовке специалистов профессиональными учебными заведениями. Потребность в подготовке кадров для национальной экономики обусловила необходимость изучать образовательное поведение во взаимосвязи со структурой занятости населения.

В связке «система образования – рынок труда» первая наполняет и структурирует профессиональное сообщество путём подготовки специалистов для разных областей деятельности, второй формирует основные требования к такой подготовке и контролирует качество полученного образования.

Актуальной темой в социологии образовательное поведение стало уже в начале XX века. В то время это было связано с переходом от аграрного общества к современному, в котором образование из удела немногих становится массовым. Разделение труда и социализация вне института семьи обостряли проблему исследования образования как социального института.

В современной социологии нет единых теоретико-методологических основ исследования проблем образования и, в частности, образовательного поведения. При рассмотрении данного вопроса следует исходить из существования различных социологических парадигм. В зарубежной литературе существующие течения принято объединять в 2 группы: 1) структурные теории, занимающиеся анализом проблем образования на макроуровне (институционализм, структурный функционализм, теории конфликта и др.); 2) теории взаимодействия, изучающие образование на микроуровне (морализм, теория социального действия и др.)¹.

Можно выделить ряд основных подходов, сложившихся в социологии образования, которые по-разному интерпретируют поведение в сфере образования. К ним относят моралистский, институциональный, структурно-функциональный и конфликтологический подходы, а так же ряд более поздних теорий, среди которых мы особо выделим теории действия (Т. Парсонса, Ю. Хабермаса и др.).

Как представляется, выделение из всего спектра обозначенных выше проблем взаимосвязи образовательного поведения и потребностей рынка труда, определяет необходимость обращения к институциональному, структурно-функциональному и деятельностному подходам.

Институционализм, а в последние годы – *неоинституционализм*, особенно популярны в социологических исследованиях экономики. Изучение образования

---

¹ См.: Социология образования: учебное пособие / под ред. А. М. Осипова, В. В. Тумалева. Ростов-на-Дону, 2005.

и рынка труда с позиций институционализма предполагает анализ взаимодействия, прежде всего, двух социальных институтов: образования и труда. Структурный функционализм акцентирует внимание на месте в социальной структуре и функциях профессионального образования и рынка труда, взаимном влиянии образования, образовательного поведения и структуры занятости, как составных частей целостной системы общества. При этом структурно-функциональный и институциональный подходы рассматривают систему образования исключительно на макроуровне, что вызывает необходимость их дополнения деятельностным подходом, исследующим её в терминах отдельных практик, осуществляемых индивидами, а также результатов этих практик. Остальные подходы в данном контексте, на наш взгляд, несущественны.

Методология институционализма начала складываться ещё в конце XIX – начале XX веков, и носила в большей степени теоретический и социально-обобщающий характер. В её основе лежали идеи Г. Спенсера, У. Самнера, Т. Веблена и др.

В ранний период представители институционализма отождествляли социальные изменения с социальным прогрессом и рассматривали общество по аналогии с организмом. Институционализм был тесно связан с дарвинистской биологией и эволюционистской антропологией и характеризовался следующими положениями: всякий институт служит нуждам общества как всякий орган – нуждам организма; прогресс общества выражается только через прогресс его институтов; стабильность в состоянии института является более желательной, чем быстрое изменение (угроза стабильности института считается угрозой обществу).

В более поздний период основное внимание институционалисты уделяли описательным и кросс-культурным исследованиям, направленным на распознавание различий и сходств в образовательных структурах, функциях образования и его учреждений, взаимному влиянию образования и других институтов общества.

Для институционального анализа 1960-х – 1970-х годов характерны положения, обобщённые Р. Корвином: институты необходимы для социального контроля; формы институтов изменчивы и зависят от конкретных исторических моделей культуры; все институты взаимосвязаны; институты развиваются в ответ на индивидуальные или общественные потребности, изменение их форм обусловлено изменением потребностей и групповым поведением; институциональные изменения связаны с процессами длительного исторического характера¹.

---

¹ Иванова В. А. Зарубежная социология образования: учеб. пособие / под ред. В. В. Матвеева. Великий Новгород, 2008. С. 67.

Само понятие «институционализм» включает в себя 2 аспекта: 1) «институты» – нормы, обычаи; 2) «институты», в которых эти нормы и обычаи закрепляются в виде традиций, законов, деятельности организаций, учреждений и проч. Данный подход признаёт объективное существование социальных структур и детерминированность человека социальной средой. С точки зрения институционализма, интересы общества первичны. Действия отдельно взятых субъектов, в частности, их цели, предпочтения, в значительной мере определяются ситуацией в обществе, а не наоборот.

Для методологии институционализма очевидно положение, что стабильность предпочтительнее изменений, поскольку изучать институциональные формы во время быстрых социальных изменений оказывается практически невозможно. Представители данного направления стремятся опираться на результаты эмпирических исследований, их познание направлено на то, как общества достигли их нынешнего состояния в попытках приспособиться к меняющимся социальным и природным условиям. Таким образом, данный подход исследует институты в контексте социального действия и акцентирует внимание на их структурах и социальных нормах. Он направлен на сравнительное изучение институтов внутри отдельного общества и между разными обществами для раскрытия их универсальных характеристик и положения в социальной организации.

В основе институционального подхода к образованию лежат этапы институционализации последнего. Подобным образом его изучал Дж. Дьюи. В качестве доминанты данным подходом выделяется нормативный, государственно-детерминированный характер образования. Оно рассматривается как система целенаправленного воздействия на подрастающее поколение с целью его адаптации к потребностям общества. Содержание образования определяется в соответствии с потребностями государства. С позиций институционализма, оно увеличивает шансы общества на выживание, так как влечёт за собой изменения классовой структуры последнего и организации власти, сокращая издержки на пути социального прогресса.

Представители данного направления рассматривают поведение человека как проявление социальных потребностей и ценностей, и акцентируют своё внимание на образовательном поведении молодёжи, потому что основной функцией образования, в этом контексте, является социализация новых поколений, поддержание связи между личностью и обществом. В рамках институционального подхода молодёжь рассматривается в качестве элемента системы образова-

ния (а не объекта воздействия, например). Хотя в работах 1960-х – 1970-х годов подчёркивается неопределённость её положения и жизненных перспектив, за образованием закрепляется значение канала социальной мобильности для вступающего в жизнь поколения.

Образование в данном контексте рассматривается как часть более широкого социального процесса, что становится возможным на основе обобщения динамических характеристик школы как социальной системы и, в перспективе, позволяет выявить закономерности её развития и выйти за рамки педагогических или психологических проблем.

Ценность институционального подхода заключается в том, что в нём в качестве центральных проблем социологии образования называют и анализируют категории, которые помогают воссоздать его общенаучную концептуальную модель. Важнейшими из этих категорий являются: функции образования, динамика образования, субъекты образования, структура образования, роль образования в общественном воспроизводстве, санкции, используемые в образовании, источники сопротивления переменам и др.

Методологической особенностью институционализма применительно к социологии образования является то, что, по мнению его представителей, функции образования не предопределены, а подвержены периодическим изменениям в зависимости от потребностей общества. Это особенно характерно для систем образования индустриальных стран. Большинство современных исследователей в данной особенности видит смешение двух групп понятий: функций института, с одной стороны, и социальных заказов, с другой. Подмена основополагающих понятий усложняет выработку функциональной и структурной моделей института образования.

Как представляется, в виду быстрых институциональных изменений, переживаемых современным обществом, основные идеи и методы институционализма оказываются продуктивными и в построении современной социологической теории образования.

Функционализм возник в начале XX века в трудах Э. Дюркгейма, Г. Спенсера и получил наибольшее развитие в трудах Т. Парсонса. Базовой для последнего стала идея «социального порядка», который олицетворяет стремление подержать равновесие системы, согласовать между собой её различные элементы. Основной подход этой теории состоит в определении частей общества, выявлении их функций и в таком их объединении, которое даёт картину общества как единого целого.

Равновесие системы является концептуальной ценностью с точки зрения функционализма. Ради выживания, общества выполняют жизненно важные функции, к которым относятся передача культуры, воспроизводство, осуществление контроля и власти и др. Функционалисты считают семью, церковь и образование главными социальными институтами, служащими передаче культуры.

Структурный функционализм – один из основных подходов в социологической науке, состоящий в выделении исследуемого (социального) объекта, как целого, его элементов, определении их места и значения для данного объекта, функций, которые они выполняют, а так же функциональных зависимостей между ними и между ними и социальным целым. Методологическая сущность структурного функционализма состоит в выделении элементов социального взаимодействия, подлежащих исследованию, определении их места и значения (функций) в социальной структуре.

Использование данного подхода в изучении образования обусловлено тем, что оно выполняет в обществе ряд важных функций: передачу знаний, морали и поведенческих норм; поддержание порядка и равновесия в обществе; формообразования (в плане конституирования внутри- и кроссгрупповых взаимодействий) и др.

В рамках структурно-функционального анализа разрабатываются схемы, раскрывающие структуру социальных систем. В них институт образования, являясь одним из основных элементов социальной структуры, обеспечивает воспроизводство модели системы (Т. Парсонс). Соответственно, выделяются функции образования, в том числе, явные и латентные, феномены дисфункции, сетевого баланса и функциональных альтернатив (Р. Мертон), рассматриваются передача и увековечение доминантной культуры (Р. Дирбин). Всё это помогает понять механизмы реализации образованием особых интересов социальных классов или организаций, а также его роль в динамике предписываемых и достигаемых статусов как на макро-, так и на микроуровне.

Структурный функционализм характеризует образование как социальный институт общества, а его ведущую функцию – как поддержание связи между личностью и обществом ради целостности последнего.

Образовательное поведение молодёжи в рамках структурно-функционального подхода ставится в зависимость от норм и правил образовательной системы. Э. Дюркгейм определяет это так: «Образование есть социализация молодого поколения»¹. Он рассматривает образование как форму «социального воспита-

---

¹ Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. М., 1995. С. 244.

ния», приучения к определённом «социальному порядку», характеризует молодёжь как группу лиц с «неопределёнными интересами», которую необходимо социализировать в процессе образования, иначе её ожидает судьба «нарушителей социального консенсуса»¹.

Э. Дюркгейм отмечает, что образование жизненно необходимо для общества. По его словам, это «средство, через которое общество подготавливает в детях сущностные условия самого своего существования»². Социализация личности в системе образования является принудительной, она направлена на уменьшение индивидуальных различий, которые характерны для молодёжи по средствам образования. «Общество может выжить, – пишет Дюркгейм, – только если среди его членов существует достаточная степень гомогенности; образование увековечивает и укрепляет эту гомогенность благодаря внесению в ребёнка с самого начала существенных сходных черт, требуемых коллективной жизнью»³.

С другой стороны, образование предоставляет и некоторую необходимую свободу. Так, по словам учёного, «без некоторого разнообразия вся кооперация была бы невозможной; образование обеспечивает постоянство этого разнообразия, будучи само разнообразным и специализированным»⁴. Хотя автор подчёркивает, что от молодёжи не зависит выбор образования, но в образовании она самоопределяется и при этом предъявляет к образованию новые требования. Молодёжь не инициирует изменения в образовании, но готовится к ним, то есть, не является субъектом деятельности. Она стремится к новым знаниям, новым профессиям, что соответствует органической солидарности, но не готова взять на себя инициативу преобразований в силу своей незрелости.

Э. Дюркгейм рассматривает образовательное поведение как способ реализации способностей и достижения лучшего социального положения индивидом, способ преодоления «природного неравенства».

Т. Парсонс, являющийся основателем структурно-функционального анализа, применил свой подход и к системе образования. В его трудах проведён теоретический и эмпирический анализ системных отношений в образовании на макро- и микроуровнях, рассмотрены функции образования, статусные и ролевые структуры, проблемы реформирования системы образования. Он придавал большое значение модернизационному влиянию образования на общество.

---

¹ Там же.

² Дюркгейм Э. Социология образования / пер с фр. Т. Г. Астаховой; науч. ред. В. С. Собкин, В. Я. Нечаев. М., 1996. С. 70.

³ Дюркгейм Э. Социология... С. 267.

⁴ Там же. С. 268.

В работах Т. Парсонса и других представителей структурного функционализма молодёжь рассматривается как однородная группа в рамках свойственного ей социально-экономического статуса и возраста, находящаяся в состоянии социально-ролевого выбора. Т. Парсонс отмечает, что индивиды рождаются с приписываемым статусом, но в дальнейшем под воздействием образования происходит их дифференциация путём усвоения определённых ролей. В процессе обучения молодые люди приобретают новые статусы, которые вытесняют первоначальные приписываемые статусы, что отражает роль образования как агента селекции и социализации. При этом в работах Т. Парсонса образование рассматривается, прежде всего, как способ снижения «неравенства от рождения».

Образование предоставляет молодёжи большие возможности для выбора образовательных стратегий, но на этот выбор влияют государство, заинтересованное в формировании определённого типа личности, и экономическая ситуация, в значительной степени предопределяющая будущую профессию (хотя сам Т. Парсонс в своих трудах ставит образовательные установки выше экономических и политических требований). Образование осуществляет отбор индивидов по их способностям к выполнению тех или иных социальных ролей. Т. Парсонс разводит понятия «дифференциация» и «образование». Последнее, по его мнению, способствует «справедливой» стратификации в духе меритократии. Но социальная компетентность определяется не только образованием. Молодёжь может подвергаться дискриминации в образовании, адаптация в условиях рынка может оказаться для индивида более значимой, чем образование.

Представители структурного функционализма поддерживают положение о пролонгировании образования, о противоречии между целями, профессиональным успехом, социальным статусом и карьерой. Они признают дисфункциональность образования в условиях социальной аномии, доминирование латентных социальных функций, когда образование усиливает дифференциацию общества, но рассматривают ситуацию выполнения образованием предписанных функций.

Поведение молодёжи в образовании классифицируется ими как конструктивное и деструктивное по отношению к обществу и самим акторам. Но в условиях социальной дезинтеграции молодёжь может реализовывать деструктивные по отношению к обществу и конструктивные по отношению к собственной группе стратегии поведения. С другой стороны, образовательное поведение зависит от состояния самого института образования.

Образовательное поведение допускает спонтанность и нарушение правил, основанием для которых выступают как ограничения социальной среды, так и намерения индивида. Э. Дюркгейм возлагал надежды на развитие общества при росте образовательных потребностей, но в образовании могут культивироваться и иррациональные настроения, так как выбор поведения определяется и настоящим, и предполагаемым будущим.

Известный представитель структурного функционализма Р. Мертон акцентирует внимание на динамике социальных систем. Он допускает существование разных видов функциональных требований при построении моделей систем (универсальных, групповых, индивидуальных) и придаёт большое значение соотношению объективных и субъективных потребностей, функций и дисфункций в системах. Так, одной из скрытых функций образования, по его мнению, является подавление любознательности учащихся через стимулирование покорности¹. Р. Мертон отмечает, что наиболее инновационным является поведение молодёжи из низших классов. Если общество по каким-то причинам не удовлетворяет жизненных стратегий наиболее способной «бедной» молодёжи, то и образование не приводит к социальным инновациям.

Несмотря на то, что структурно-функциональный анализ давно стал социологической классикой, его потенциал, как представляется, ещё не реализован в полной мере. Положения, выдвинутые представителями структурного функционализма, и сегодня имеют большую ценность для развития социологии образования.

В своей совокупности, институциональный и структурно-функциональный подходы предполагают, что молодёжь стремится достичь социального и профессионального самоопределения, суть процесса образования для неё состоит именно в этом. Наследование или изменение социального статуса «заставляют» молодёжь включаться в процесс образования, не допуская других альтернатив. Акцент делается на социальную стратификацию, «отказ» от образования рассматривается как «невозможность» получить образование или влияние маргинального образа жизни. В рамках этих направлений были проведены исследования социальной мобильности молодёжи, различий в образовательном и социальном статусе детей и родителей.

Данные подходы исходят из того, что человек детерминирован условиями социальной среды. Молодёжь стремится к самостоятельности, что соответствует принципу органической солидарности, следовательно, её образовательное пове-

---

¹ Иванова В. А. Указ. соч. С. 69 – 70.

дение способствует общему движению к современному (постиндустриальному, информационному) обществу. В отличие от традиционного общества, где образование было уделом немногих избранных, современная молодёжь испытывает потребность в новом знании, в изменении своего статуса, но ещё не способна сама инициировать преобразования. В этом контексте образовательное поведение реализует возможность выбора, разрешённого в образовании. Но образование может и не соответствовать жизненным планам молодых людей, тогда их образовательное поведение может проявляться в дистанцировании от него или стремлении к самообразованию (например, с использованием интернета). Таким образом, возникает проблема социального контроля, обусловленная обязательной социализацией и разрешённой независимостью молодёжи, что обуславливает «напряженность» образовательного поведения. По словам современного российского исследователя Т. А. Котовой, «нарастание независимости по “мере обучения”... при определённом социальном, правовом, административном давлении вызывает депривацию или конфликт с обществом, родителями, школой»¹.

Различия в отношении к образованию рассматриваются как различия в интересах, мотивациях, «родительском благополучии», но в рамках этого подхода а priori предполагается, что образование находится на хорошем уровне, и родители стараются дать детям всё самое лучшее. Отсюда образовательное поведение определяется потенциалом самих молодых людей и их жизненными ориентациями. А то, что молодёжь рассматривается в качестве «обучаемых», налагает ограничения на свободу их выбора.

В данной концепции образовательные стратегии обусловлены институциональными обстоятельствами, образовательное поведение ориентировано на достижение социально одобренных целей. Но, как отмечается в исследованиях, поведение молодёжи в сфере образования рассматривается как свободное лишь отчасти, так как его ограничивают рамки социальной системы и вера в способность общества осуществлять контроль над молодёжью. Это делает невозможным исследование альтернативных форм образовательного поведения и приписывает молодёжи роль «обучаемых». Образовательные стратегии рассматриваются как реализация определённых норм и правил образовательной системы, не связанных с изменениями в ценностных ориентациях и жизненных устремлениях молодёжи. Открытым остаётся вопрос о влиянии молодёжи на образование.

---

¹ Котова Т. А. Образовательные стратегии российской молодёжи: социологический анализ: Дисс... докт. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 27.

Отечественные учёные Ю. А. Зубок, Д. Л. Константиновский и др. в рамках структурно-функционального подхода рассмотрели влияние социальной стратификации на отношение молодых людей к образованию, зависимость их ориентаций на ту или иную форму обучения от статуса родителей, места проживания обучаемого, связь изменений в образовательной структуре с изменениями социального состава обучаемых. Эти исследования показали преобладание институциональных норм в системе образования при изменении структурных и функциональных параметров последнего.

В 1960-е годы в теоретической социологии произошёл, по словам П. Штомпки, «перенос центра внимания с изучения социальных структур на социальные процессы»¹. Это утверждение справедливо и по отношению к социологии образования. В это время началось переосмысление роли образования в социокультурных процессах. Социальная действительность претерпела значительные изменения, на первый план вышел неклассический тип рациональности, и в социологии всё больше внимания стали уделять «процессуальному образу»². Если структурный функционализм объяснял процессы внутри относительно стабильных социальных систем и был ориентирован на поиск способов сохранения равновесия, то понятие «социальное изменение» оказалось вне поля его анализа. Попытки преодоления этого недостатка привели к возникновению ряда новых социологических перспектив, одной из которых стал *деятельностный подход*. Таким образом, кризис структурного функционализма, проявившийся в 1960-е годы, привёл к возвышению категории «социальное действие» как центрального понятия для объяснения социальных процессов.

Современные социологи рассматривают деятельностный подход предельно широко, объединяя под этим названием теории и концепции, авторы которых оперируют категориями «деятельность», «действие», «актор», «субъект», «практика». Данная перспектива берёт начало в работах А. Турена, А. Этциони и др. К современным теориям деятельности П. Штомпка относит также теорию структуры Э. Гидденса, теорию систем правил Т. Бёрнса, теорию морфогенеза М. Арчер, собственную теорию социальных изменений.

Все названные исследователи рассматривают общество как постоянно изменяющееся поле социальных взаимодействий. Данный подход, по словам П. Штомпки, ориентирован на изучение событий, а не вещей, процессов, а не состояний. Общество, социальные группы, институты существуют до тех пор, пока

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. М., 1996. С. 13.

² Там же.

в них происходят какие-то процессы, изменения, совершаются действия. Следовательно, социальные группы, институты – это не реальные объекты действительности («вещи» или «социальные факты» по терминологии Э. Дюркгейма), а своего рода «узлы», комплексы социальных отношений, которые находятся в постоянном «движении». Так, при изучении структуры социальной системы исследуются процессы структурирования, понимаемого как производство и воспроизводство этой самой системы. Единицей социологического анализа в этом случае становится событие – «моментальное состояние социального поля»¹.

Индивиды и их повседневное поведение являются движущей силой социальных процессов. При этом индивид рассматривается как актер, субъект деятельности, а не объект воздействия. Но субъект не абсолютно свободен, он ограничен в своей деятельности конкретными социальными условиями. Одним из способов описания такого ограничения и объяснения включённости индивида в социокультурное пространство является понятие «габитус», введённое в научный оборот П. Бурдьё².

Представители данного направления заняты поиском «субъекта деятельности». Повседневное поведение людей рассматривается ими как условие структурирования образования, преднамеренные и непреднамеренные действия по реализации жизненных целей. С позиций деятельностного подхода, стратегии образовательного поведения основываются как на рациональном, так и практическом знании, хаби́туализации (то есть, типизации усвоенных социальных действий, их институционализации и «имплантации» в повседневность) и зависят от «социального маркера», биографизации системных отношений и «субъективации социальных трансформаций личности»³. В условиях меняющегося общества образовательные стратегии направлены на достижение определённой социальной уверенности, планирование настоящего и будущего.

Э. Гидденс рассматривает образование включённым в логику повседневности. Оно имеет временные ограничения, способы, параметры. Учёный различает акторов образования и тех, кто просто существует (последнее связано с отношением к образованию как практике повседневности)⁴.

Образование приучает личность к социальной дисциплине, непреднамеренной ориентации на упорядоченность. Представители низших классов обучаются

¹ Там же.

² См.: Бурдьё П. Формы капитала. // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / сост. и науч. ред. В. В. Радаев. М., 2004. С. 519 – 536.

³ Котова Т. А. Указ. соч. С. 49.

⁴ См.: Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М., 2003.

обществом, чтобы держать их в рамках определённых правил. Это важная функция образования и более реальная, чем социальная мобильность. Акторы образования позиционированы друг относительно друга, существующая иерархия легитимирует права «учить» и «получать образование».

Образование не может дать ответ на всеобщий вопрос: «Что делать?» – и становится пространством дискуссии, вовлекая в неё молодёжь. Возникает ситуация поиска дискурсивного знания. Оно не ограничивается рядом правил, которые применяются в той или иной ситуации, поэтому молодёжь использует конвертируемые социальные практики. Допускается отказ молодёжи от образования. В отличие от предыдущих подходов не утверждается положение о социальной интеграции в рамках образовательной системы. Э. Гидденс придерживается позиции, согласно которой социальная интеграция зависит от образцов действий. Образовательное поведение, как инструмент использования практического знания, исходит из позиционирования актора, его социальной идентичности. Оно определяется практическими схемами, но зачастую не вписывается в структурные ограничения из-за того, что социальная действительность может выходить за разрешённые рамки.

Э. Гидденс рассматривает развитие образования в связи с возможностями контроля, синхронизацией социальных действий, так как в процессе социализации молодёжи приходится преодолевать этап обучения, ей не дана альтернатива, потому что общество использует привязки к экзаменам для определения социального статуса личности.

Если в классической социологии образование рассматривается как своего рода социальный отбор, который осуществляется по критериям отложенного вознаграждения или повышения жизненного уровня, то в современном обществе не гарантируется ничего, кроме следования по жизненному маршруту.

Из положений, высказываемых Э. Гидденсом, можно сделать следующие выводы: 1) образовательные установки не единственные и даже не основные в жизненных стратегиях молодёжи; 2) образовательное поведение может быть как конструктивным, так и деструктивным, направленным на отчуждение от образования; 3) образование необходимо рассматривать сквозь призму взаимодействия его акторов, социального окружения и общества в целом.

Учёный выявляет направленность образования на социально-ролевой конформизм, но отмечает при этом, что молодые люди, осознавая эту направленность, чтобы не испытывать депривации от несбывшихся ожиданий, склонны ориентироваться на «неопределённое» будущее. Одним из путей минимизации

возможного разочарования от такой стратегии является воспроизводство «жизненного пути» родителей¹. П. Бурдьё определяет образование как «пространство конкуренции индивидов», но делает уступку структурализму в принятии акторами структурных ограничений². При этом оба автора отмечают, что структуры образования приспособляются к поведению последних.

Данный подход рассматривает образовательное поведение как относительно независимое, обладающее конструирующими признаками и распределяющее социальные позиции. Молодёжь обладает меньшим социальным капиталом, чем старшее поколение, но более инициативна. Её образовательное поведение направлено на отвоёвывание социального пространства.

Таким образом, институционализм и функционализм делают упор на социализирующей функции образования и «второстепенности» образовательного поведения; деятельностный подход – на жизненных маршрутах акторов образования и значимости исследования условий этих маршрутов для достижения жизненных целей. Образовательные стратегии связаны с позициями актора в социальном пространстве, практическими схемами, они не вписываются в структурные ограничения и могут выходить за разрешённые обществом рамки. Представители деятельностного подхода говорят о зависимости образовательных стратегий не столько от способностей учеников и преподавателей, сколько от современного мира. Образовательное поведение и, в частности, образовательные стратегии обусловлены, по их мнению, работой, профессией, жизненными ценностями. Переосмысливается «упорядоченность» образования, оно становится сферой «социальной неопределённости», взаимодействием часто взаимоисключающих «социальных практик», устанавливается взаимосвязь между социальной средой и поведением в образовании³. С другой стороны, «жизненные нормы и установки» акторов образования связаны с обществом, профессиональными структурами и другими социальными структурами, как «результатами социальных практик»⁴, их стратегии влияют на изменения в образовании.

В российской социологии деятельностный подход используют Л. И. Петрова, Н. А. Шматко и др. Они рассматривают жизненные стратегии молодёжи, их направленность на снижение социального неравенства, интеграцию в общество.

---

¹ Там же.

² Бурдьё П. Указ. соч. С. 530.

³ См.: Иванова В. А. Указ. соч. С. 87.

⁴ Нечаев В. Я. Новые подходы в социологии образования // Социологические исследования. 1999. № 11. С. 70.

Таким образом, исследование образовательного поведения в его связи со структурой занятости населения и рынком труда предполагает, с одной стороны, анализ структурно-функциональных изменений первого, с другой – рассмотрение образования как совместной деятельности людей, повседневную практику акторов, обуславливающую изменения в системе образования, реализации поведенческих моделей, направленных на достижение жизненных целей.

В. Р. Фёдорова

ПСИХОЛОГИЯ ПООЩРЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УПРАВЛЕНИИ

Тема поощрений – нелюбимая в российском управлении, мы не умеем и не желаем поощрять, в вот наказание – это наш конёк, наше управленческое кредо. Специальные исследования в области менеджмента, а так же наблюдения автора показали, что руководители не поощряют своих сотрудников даже тогда, когда они это заслуживают¹. Статистика поощрений-наказаний в нашей стране свидетельствует о том, что только 30% руководителей хвалят свой персонал, а остальные 70% критикуют, ругают, наказывают.

Выделим причины данного управленческого феномена:

- 1) наличие у руководителей установки, что эффективный, добросовестный труд сотрудника – это долг, а значит, за это не надо хвалить и поощрять;
- 2) аксиома российского управления: «за хорошую работу сотрудник получает зарплату» (часто мизерную, не покрывающую основные потребности самого человека, не говоря уже о его семье);
- 3) убеждение, что «плеть» мотивирует лучше (не наказан – уже есть чему радоваться);
- 4) «скупость сознания» как категория настоящего хозяина, соответствие общей политике Российского государства (экономия фондов; не желание «разбазаривать» закрома родины);
- 5) отсутствие традиций поощрений и признания;
- 6) не признание достижений *своего персонала* (*чужие* всегда лучше, «чужая трава всегда зеленее»);

---

¹ Крыжко В. В., Павлютенков Е. М. Психология в практике менеджера образования. СПб., 2002.

7) отсутствие глубокого качественного анализа работы сотрудников, а, следовательно, возможности заметить успехи, старания и профессиональные достижения;

8) убеждение, что сотрудники «все на одно лицо»;

9) не признание достижений своих коллег, если они не соответствуют *их* личным профессиональным стандартам («А что тут такого особенного?..»);

10) сознательное/бессознательное желание обесценить успехи сотрудников («Экая невидаль!»), порождаемое собственной завистью и никчемностью;

11) назначение руководителя на должность, порождающее незаинтересованность в принятии и признании достоинств коллектива;

12) отсутствие амбиций у сотрудников, здоровой спортивной конкуренции (сотрудник «просто работает» без стремления к успеху и отсутствие поощрений не рассматривает как негатив);

13) занятость руководителя более серьёзными вопросами («не до мелочей»);

14) откладывание поощрений на «потом» (до юбилея, «красной» даты, лучших времён и т.п.);

15) управленческая непорядочность: «руководитель украшает себя перьями, добытыми его подчинёнными» (В. Зинглер, Л. Ланг)¹;

16) элементарное неумение поощрять («начал за здоровье, а закончил за упокой»);

17) отсутствие в оценке работы сотрудников категории «хорошо», «отлично», оценивание заслуг с позиций «нормально», «не плохо»;

18) «благое» желание «не портить» сотрудника («а то возомнит из себя чёрт те что»);

19) высокомерная позиция руководителя, выражающаяся в тезисе: «Если бы не Я, то он никогда этого не сделал – не преуспел, не достиг, у него ничего бы не получилось...» (при такой «центропутии» начальника увидеть и оценить заслуги другого просто невозможно);

20) чёткое «разделение» сотрудников на первый и второй сорт: одним стандартный набор «выговоров и увольнений», другим – «респект и уважение». Нетрудно догадаться, что сам начальник и его ближайшее окружение – это первый сорт, а все остальные – второй сорт;

21) привычка «при жизни» заниматься гонениями (обесцениванием заслуг) человека, а после смерти «петь оду за упокой» (посмертное присвоение званий, наград, проведение торжественных мероприятий и др.).

---

¹ Вересов Н. Н. Психология управления. Москва; Воронеж, 2001.

Итак, причин не поощрять сотрудников, к сожалению, очень много. Все они в совокупности формируют стереотип скупости и скудности системы поощрений в России. У нас принято хорошо работать, но не принято за это поощрять. В результате нарушается одна из аксиом управления, которая гласит, что «хорошая работа предполагается, а отличная – вознаграждается».

Если всё же в учреждении/организации решено кого-либо поощрить, то нередко данный механизм примитивно прост: награждают чаще всего тех, кто и так «в шоколаде». Как говорится, кому бублик, а кому – дырка от бублика. Многие начальники, понимая, что система поощрения примитивно проста («кто у власти, тот и в дамках»), спешат, пока они у кормушки, обвесить себя какими только можно наградами, не брезгуя даже весьма сомнительными регалиями. «Награды» подчас исчисляются не в штуках, а в килограммах, премиальные – в цифрах с несколькими нулями. Повышение же в должности, как поощрение, упирается в закон Мэрфи: «каждый начальник достигает своей зоны некомпетентности». Ситуация необоснованного продвижения по служебной лестнице руководства отражает пословица: «Когда нет знания, его заменят звания».

Особенность российской системы поощрений проявляется также и в том, что сегодня во многих организациях (особенно бюджетных) сохраняется как «атавизм социализма» поощрение рядовых сотрудников не денежным бонусом, а почётной грамотой (желание отделаться от человека «бумажкой»). Если же в ход идут денежные знаки, то часто почувствовать «вес» этих денег практически невозможно – настолько они мизерны. Необходимо напомнить таким горе-управленцам, что изменение заработной платы, выплата премий в пределах менее 15% (а по некоторым данным – менее 30%) неэффективна для стимулирования. Попытки вводить премии и изменения зарплаты в размере нескольких процентов (1%, 3%, 5% и даже 10%), не принесут заметной отдачи ни предприятию, ни работникам. Подобные нововведения в лучшем случае могут быть просто не замечены сотрудниками, в худшем – приняты за мелочность руководства («скряги»). При этом сам руководитель, чувствуя недоброжелательность со стороны сотрудников, для которых он так старался (!), может искренне не понимать, за что его «не любят».

Сегодня подобную ситуацию мы наблюдаем при повышении пенсий пожилым людям. Несколько раз в год её увеличивают на несколько процентов (иногда в денежном эквиваленте это не более 100 или 200 руб.), но такая «забота» государства скорее походит на подавание, политический «пиар», нежели реальную помощь.

Проблемой российского управления можно считать также неумение начальника поощрять своих сотрудников. Нередки случаи, когда в связке «руководитель – подчинённый» у начальника появляется искреннее желание вручить подарок, но по манере реализации этого замысла получается *милостыня*, так как создаётся впечатление, что руководитель подарок (премию) отрывает от себя лично. Результат восприятия такого поощрения выражен в народной поговорке: «Подарок дают человеку с тем, чтобы приблизить его, а милостыню, – чтобы от него отвязаться».

В любой организации работа тяготеет к самому низкому уровню иерархии (аксиома Вэйля). Дефицит системы поощрений сотрудников приводит к тому, что в их работе, а, следовательно, и всего учреждения наступает устойчивая «монотония», «штиль». Стимулирование мотивирует персонал, задаёт позитивный настрой, обнаруживает ресурсы, раскрывает новые возможности сотрудников. Считается, что при правильном стимулировании человек может на 15 – 30% повысить результаты своей работы, не говоря уж о креативных возможностях, которые позволяют талантливым сотрудникам перейти на высший уровень достижений.

Идея оптимизации любой деятельности с помощью поощрения, благодарности существовала всегда. Психологи утверждают, что недостаток поощрений может привести к снижению темпов личностного развития и даже к её десоциализации (разрушению). Также хочется добавить, что это может спровоцировать потерю «аппетита» к работе, инициировать «трудовую хандру», вялость.

Оптимальное выражение одобрения специфицировано учёными для каждой профессии. Так, артист нуждается в одобрении после каждого спектакля; учитель – один раз в несколько недель; инженер, врач – один раз в 2 – 3 месяца, бизнесмен – после каждой удачной сделки и т.д. Важно понимать, что это условные сроки, и не надо воспринимать их буквально, но согласитесь, есть над чем задуматься. При этом одобрение не обязательно должно носить официальный характер. Получая за работу благодарность от клиентов, комплимент от коллег, одобрение от начальника, сотрудник может пополнять свой эмоциональный ресурс и направлять его на профессиональную деятельность. Образуется некая эмоциональная схема, похожая на «круговорот воды в природе».

Однако опросы сотрудников фирм/организаций показывают, что даже неофициальная система поощрений встречается крайне редко: благодарные клиенты в лучшем случае безразлично-апатично произносят классическое «спасибо», сотрудники (сослуживцы) «не замечают» твоих достижений, а от начальства не дожидаться позитива по множеству причин, названных выше.

Итогом такой индифферентной стратегии к положительным результатам труда работников становится нечувствительность к поощрениям («лишь бы не наказали»). В подтверждение этому можно констатировать, что многие взрослые люди в нашей стране чувствуют себя неловко, когда их хвалят, не знают, как вести себя в такой ситуации. Вспомним хотя бы такую форму поощрения, внимания к человеку, как *комплимент*. Психологи отмечают неспособность многих российских женщин (девушек) получать удовольствие от комплимента. Когда нам, женщинам, говорят комплимент, мы смущаемся, оправдываемся, обесцениваем себя, нападаем или не доверяем («Что Вам от меня надо?» «На что Вы намекаете?»).

Система поощрений удовлетворяет одну из жизненно важных потребностей человека – *чувства собственной значимости*. Или, как писал З. Фрейд, ни много, ни мало – «*желание стать великим*». Человек нуждается в осознании и регулярном подтверждении данного чувства, идущего как от себя, так и извне (от других людей). Получая подтверждение из окружающего мира о собственной значимости, он окрыляется. Заслуженное поощрение становится «витамином» профессионального и личностного роста, стимулирует внутреннюю потребность созидать, достигать новых высот. Успех же без признания, считает Ф. Герцберг, приводит к разочарованию.

В результате чувство собственной значимости у многих российских работников находится в глубокой дреме (если не в коме). Попробуем хотя бы немного разбудить их самосознание, напомним о технике комплиментов.

Комплимент (фр. *compliment*) – это особая форма похвалы, выражение одобрения, уважения, признания или восхищения; любезные, приятные слова, лестный отзыв. Комплимент не имеет ничего общего с лестью (лесть – угодливое, обычно неискреннее восхваление кого-либо с целью добиться его благосклонности, или, как метко сказал Г. Бранстнер, «лесть – это агрессия на коленях»).

Комплимент, похвала традиционно относятся к внешней форме вознаграждения. Комплиментом считается небольшое преувеличение реально существующих достоинств человека, которые собеседник видит или желает видеть в себе. Настоящий комплимент позволяет тому, кто его слышит, несколько возвыситься над тем, кто его произносит. Поэтому эффективный комплимент – это похвала с намёком на то, что достоинства или заслуги собеседника выше ваших. В этот момент тот, кто говорит комплимент, как бы виртуально стоит перед собеседником на колене. Может быть, мы потому и скупы на комплименты, что неохотно признаём чужое превосходство.

Умение поощрять, делать комплимент психологи относят к разряду искусства управления. Приведём пример успешного бизнеса, осознано построенного на максимальном использовании комплиментов как системы поощрений. Технику комплиментов виртуозно освоил и успешно использовал «стальной король» Эндрю Карнеги, который хвалил своих работников и публично, и наедине¹. Даже на надгробной плите он завещал написать для себя следующую эпитафию: «Здесь покоится человек, знавший, как собрать вокруг себя людей, которые были умнее его самого».

Приведём ещё пример высшего пилотажа искусства поощрения, описанного И. Н. Щербо. «После одного публичного выступления ко мне, начинающему руководителю, подошёл директор школы № 45 г. Москвы И. Мильграм, человек-эпоха, с которым находиться в одном зале было значимо, и, вручая мне гривенник, сказал: «Серебряную монету за золотое выступление». Никто не слышал и не видел этой сцены. Но как она для меня значима! А эти 10 копеек я храню уже много лет рядом с самыми ценными для меня правительственными наградами. Они до сих пор несут для меня некую энергетику самоутверждения»².

Другой пример искусства поощрения принадлежит певцу Е. Мартынову, которого называли «белым лебедем эстрады». Его популярность пришлась на эпоху социализма, когда артисты не были избалованы дорогими ресторанами и прочими знаками внимания. Однажды во время гастролей в небольшом городке артистов после концерта пригласили в местную столовую. Попробовав еду, которую там подавали, они пришли в восторг: «Так вкусно, что просто пальчики оближешь!» После трапезы Е. Мартынов прошёл на кухню, нашёл женщину, приготовившую эту божественную еду, поцеловал ей руку и прямо на кухне исполнил для неё несколько песен. Думаю, что такое признание таланта повара как особая история будет передаваться из поколения в поколение в её семье. Можно предположить, что после такого признания поварской талант у этой женщины заиграл новыми гранями.

«Убойный комплимент» был и в практике автора этой статьи, он, собственно, стал «мотиватором» для её написания. Суть ситуации состояла в следующем: после одной из моих лекций слушательница подошла ко мне высказать свою признательность, благодарность за работу и после стандартных слов: «спасибо», «интересно», «здорово» и т.д. – вдруг спросила: «Где я могу прочитать

¹ Карнеги Д. Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей. М., 2000.

² Щербо И. Н. Интуитивный менеджмент: опыт управления педагогическим коллективом. М., 2005.

Ваше полное собрание сочинений?» Она произнесла это с таким почтением и искренностью, что в тот момент я с лёгкой долей самоиронии почувствовала себя на уровне великих К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина. Пришлось сесть за рукопись – комплимент обязывает соответствовать.

Все комплименты можно условно разделить на 2 категории: конвертируемые и неконвертируемые (аналог валюты). *Конвертируемый комплимент* возвышает над ситуацией, вызывает «аффективную бурю» положительных эмоций (человек светится, лучится), запоминается надолго (возможно на всю жизнь), мотивирует на ещё большие трудовые подвиги, раскрывает новые возможности работника. М. Твен, наверное, по поводу таких комплиментов как-то написал: «Я могу два месяца питаться одним хорошим комплиментом». Конвертируемость комплимента увеличивается, если он сделан публично, а так же если высказан самим начальником или в его присутствии референтной (значимой как для «получателя» комплимента, так и для его руководителя) личностью. Данного рода комплимент можно назвать «платиновым».

Однако надо помнить, что всё хорошо в меру: захваленный клиентами и партнёрами сотрудник может начать раздражать шефа («фон» становится популярнее «картины», то есть, начальника). Раздражение может перерасти в тревогу: «А вдруг меня подсиживают?» И, как следствие, спровоцировать желание избавиться от слишком хорошего сотрудника (парадокс управления).

Чтобы такого не случилось, этикет предполагает часть благодарности переадресовать и шефу. Например: «Вы прекрасно справились со сложной проблемой! Кто ваш руководитель (начальник)? Он умет отлично подбирать сотрудников».

Неконвертируемый комплимент «не цепляет» ни душу, ни сердце, произносится нереперентной личностью, напоминает штамп («забронзавевший» комплимент), вызывает недоумение, в лучшем случае воспринимается индифферентно, в худшем – как издёвка, пощёчина и т.п.

Что бы правильно сделать комплимент, необходимо знать и выполнять ряд важных правил:

- уметь видеть хорошее, выделять достоинства человека;
- сделать «косметическую корректировку» достоинств, как говорится, нанести на блюдечку голубую каёмочку или посмотреть на выделенную добродетель через увеличительное стекло;
- перевести внимание на личность (сравните: «Мне нравится ваш костюм. – На вас этот костюм смотрится очень элегантно». «Хорошая работа. – Вы отлично справились с работой и получили высокий результат»);

- произносить слова позитивно, искренне;
- смотреть на человека, которому посвящены «дифирамбы»;
- выбрать нужное время и место (приветствуется публичность);
- быть бескорыстным;
- не вклинивать какой-либо двойной «подтекст»;
- ничего не просить, не требовать от человека после комплимента.

Существует определённый этикет принятия комплимента:

- 1) смотреть на человека, который исполняет «оду»;
- 2) обеспечить обратную связь (поблагодарить за добрые слова);
- 3) не оправдываться, не уничивать собственные заслуги («вообще-то я мог и лучше» и проч.);
- 4) ответить комплиментом на комплимент, или, говоря языком бухгалтерии, «заплатить налог на прибыль». Например, руководитель сообщает подчинённому: «Вы отлично поработали над этим проектом». Ответ сотрудника: «Как приятно, что нашей работе дана положительная оценка. *Ваше одобрение для нас очень важно*».

Начальник ближайшему кругу управления: «Спасибо за хорошую работу. Вы мастера своего дела! Это прорыв!» Ответ сотрудников: «Спасибо за высокую оценку нашей деятельности, но *с таким полководцем победа была закономерной!*»

Шеф коллегам: «Молодцы! Вы быстро и качественно выполнили поставленную задачу». Ответ сотрудников: «*Точно сформулированная Вами цель – половина успеха в деле*. Спасибо за высокую оценку нашей работы»).

К сожалению, в реальной жизни часто складывается ситуация далёкая от тех правил, которые приведены выше. На классическую благодарность («спасибо») мы традиционно отвечаем «*не за что*» или обесцениваем себя и свою работу: «Да ничего такого особого я и не сделал, чтобы меня благодарить». Современный человек, не обременённый высоким уровнем нравственности, нередко понимает это буквально и считает, что так и должно быть: «*Действительно, ничего особенного, если ты что-то ещё раз для (или за) меня сделаешь, поможешь, подстрахуешь, выполнишь...*»

Итак, комплимент – это внешняя форма поощрения. В то же время его можно отнести и к внутренней форме вознаграждения, особенно, если окружающие не хотят замечать ваших заслуг. Жизнь при таком раскладе может превратиться в цепочку сложных преград, где, переходя от одной задачи к другой, от другой к третьей, мы остаёмся незамеченными и не отблагодарёнными даже *са-*

мими собой. Попробуем научиться подбадривать и хвалить себя (каждый человек может подобрать для этого *особые* слова): «Ничего, у меня всё получится. Я молодец, надо только постараться». Актёр Р. Гордон говорил, что, когда человек хвалит сам себя, это хорошо хотя бы потому, что при этом он уверен в собственной искренности. Итогом ваших достижений может стать не только привычка поздравлять себя с полученным значимым результатом, но и желание чем-то себя вознаградить или побаловать (внешнее вознаграждение). Вы можете подкрепить успех *здоровыми* способами (часами досуга (гости, кино, поездка на природу, посещение бассейна, боулинга), покупкой того, что вы не можете себе позволить просто так, но очень хочется) или *нездоровыми* (например, выпивкой с коллегами, друзьями («обмыть событие»)). Форму вознаграждения каждый выбирает себе сам.

Техника комплиментов, на первый взгляд, кажется сложной. Попробуйте начать с «разминки» – упражнения «*никаких голых благодарностей*», построенного на принципе «не оставлять слово “спасибо” стоять в одиночестве». По статистике из 100 благодарностей в форме «спасибо» расшифровывается только 12 – 15. В результате мы вынуждены задавать элементарный вопрос: «За что спасибо?» «Спасибо, что отчёт составлен вовремя и без ошибок»; «спасибо за конструктивную критику»; «спасибо за корректное поведение с этим непростым клиентом»; «спасибо за то, что пришли на встречу во время» и т.д. Привычка обосновывать вашу благодарность быстро сделает доброе дело: сотрудники будут знать, что вы их как руководитель цените, а это, в свою очередь, улучшит психологический климат в группе, повысит мотивацию персонала (особенно в женском коллективе), а так же результативность профессиональной деятельности. Думаю, что возможность получить такие «дивиденды» не упустит ни один здравомыслящий управленец.

Подводя итог, хотелось бы напомнить слова С. Чиза: «денег и комплиментов не может быть слишком много». Поэтому учитесь поощрять свой персонал, делать комплименты. Дарить работникам возможность быть значимыми – это одно из направлений искусства управления. Введите для себя правило: «Ни дня без комплимента», – и вы увидите, что управление не такой уж обременительный труд.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i> (от редактора).....	3
<u>Часть 1. История</u>	
<i>Бакшеева Е. Б.</i> Русская православная церковь в 1954 – 1958 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом (на примере Дальнего Востока РСФСР).....	7
<i>Гончарова С.В.</i> Из истории транспортного сообщения в Приохотье (XVII – XX века).....	18
<i>Скрабневская Е. С.</i> Разработка и реализация городской реформы в Российской империи (XIX век).....	25
<u>Часть 2. Философия, культурология</u>	
<i>Варфалови Л.В.</i> Американская гегемония и «Новый мировой порядок».....	38
<i>Конобеев Г. М.</i> Духовное здоровье и тайны российской власти.....	50
<i>Потанчук Е. Ю., Потанчук В. И.</i> Модернизация на Дальнем Востоке России: философско-методологические и социально-политические аспекты.....	77
<i>Ревич И. М.</i> О дивергенции человеческой субъективности (сотериологический аспект).....	90
<i>Степанова Н. Ю.</i> Тело феноменальное и вопрос о самовыражении в танце.....	93
<u>Часть 3. Социология, политология, психология</u>	
<i>Завалишин А.Ю.</i> Любовь социальная и психологическая (опыт концептуального анализа).....	103
<i>Завалишин А.Ю., Фёдорова В.Р.</i> Социальная любовь глазами 18 – 20-ти летних (некоторые итоги пилотажного социологического исследования).....	120
<i>Завалишин А.Ю.</i> Россия, США, Китай: динамика 2-й половины XX века – перспективы в XXI век (опыт компаративного экономико-социологического анали- за).....	133
<i>Ламашева Ю. А.</i> Сравнительный анализ культурных факторов формирования трансна- циональной идентичности стран Скандинавии и Северо-Восточной Азии.....	151
<i>Смоляков В.А.</i> Тайваньская проблема: взаимодействие внутренних и международных факторов.....	168
<i>Тонконог С. В.</i> Образовательное поведение как предмет социологического исследова- ния.....	192
<i>Фёдорова В.Р.</i> Психология поощрения в российском управлении.....	206

Научное издание

DXI – 2011 :
идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях

Сборник научных трудов
Выпуск 2

Под научной редакцией
д-ра социолог. наук А. Ю. Завалишина

В дизайне обложки использована репродукция картины Сальватора Дали
«Невольничий рынок с явлением незримого бюста Вольтера»

Тексты статей печатаются в редакции авторов

Подписано к печати 8.06.2011 г. Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Печать офсетная. Усл. п.л. 12,6. Уч.-изд. л. 9,0. Тираж 700 экз. Заказ № 291.

680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 134, ХГАЭП, РИЦ